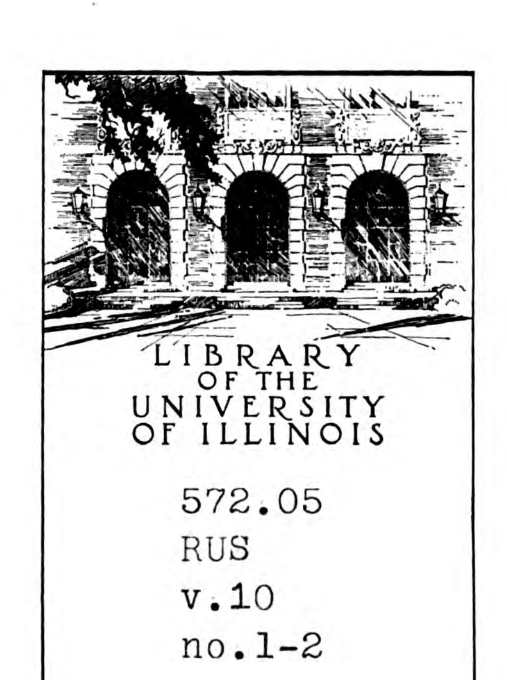
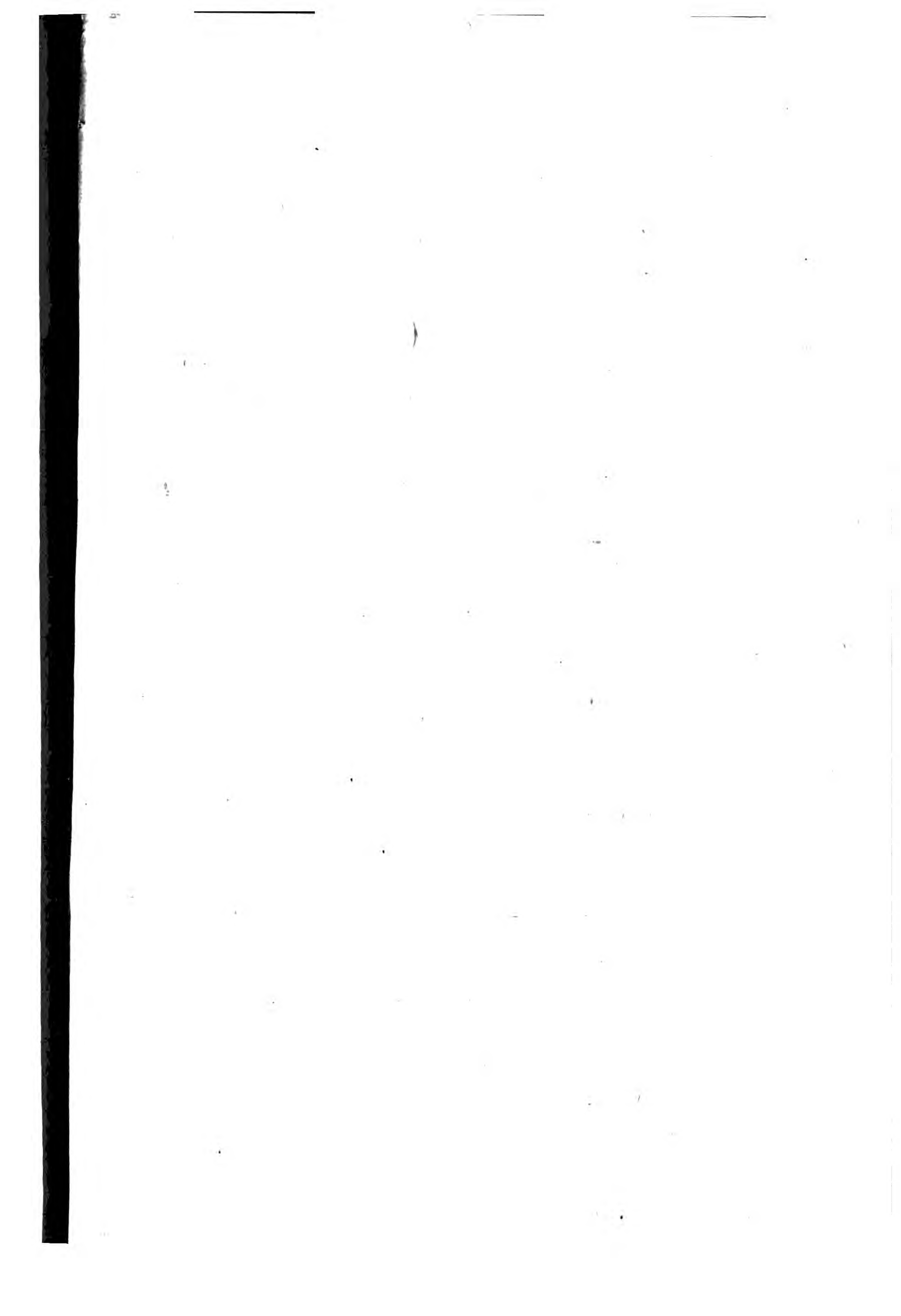

Годъ 10-й. *Кн. XXXVII—XXXVIII*

Русскій Антропологическій Журналъ,

посвященный вопросамъ естественной исторіи человѣка и соприкасающихся съ ней областей знанія.

Изданіе Антропологическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, профессора **Д. Н. Анучина.**

подъ редакціей

Секретаря Антропологическаго Отдѣла

А. Д. Элькинда.

1916 г., №№ 1 и 2.

МОСКВА.

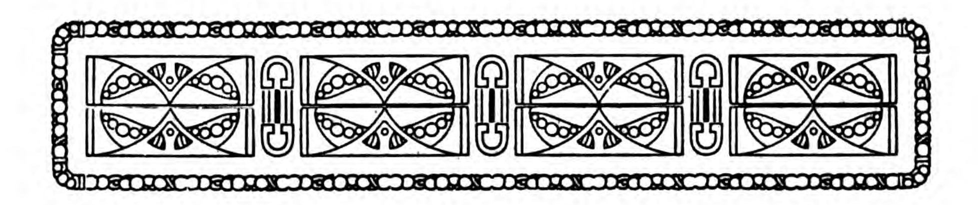
Типографія Т-ва Рябушинскихъ, Страстной бул., Путинковскій пер., соб. д.

1916.

СОДЕРЖАНІЕ.

Критика и библіографія.

Извѣстія и замѣтки.

О задачахъ возобновляемаго журнала.

Антропологическій Отдѣлъ Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, связавъ 15 лѣтъ тому назадъ свой періодическій органъ съ именемъ своего глубокоуважаемаго сочлена и предсѣдателя, тѣмъ самымъ уже указалъ до извѣстной степени на характеръ и содержаніе основаннаго имъ изданія. Отдѣлъ какъ бы заявилъ, что на страницахъ его журнала найдутъ откликъ и отраженіе всѣ тѣ отрасли науки о человѣкѣ, въ которыхъ трудился проф. Д. Н. Анучинъ и совокупность которыхъ образуетъ обширный циклъ антропологическихъ наукъ. Антропологія физическая, зоологическая, анатомическая, физіологическая, біологическая, палеонтологія человѣка и палеоэтнологія, народовѣдѣніе, этнологія и антропогеографія—широкое освѣщеніе этихъ дисциплинъ, содѣйствіе распространенію о нихъ свѣдѣній въ нашемъ отечествѣ, пробужденіе къ нимъ интереса среди образованныхъ слоевъ общества, общеніе съ наукою остального культурнаго міра: таковы тѣ вѣхи, по которымъ должно было осуществляться направленіе задуманнаго Отдѣломъ, перваго въ Россіи антропологическаго журнала. Такимъ образомъ, ближайшею программой возобновляемаго Отдѣломъ своего періодическаго органа и является слѣдованіе тѣмъ путямъ, исканіе тѣхъ средствъ, которыя ведутъ къ достиженію этой общей цѣли.

Каковы же эти пути и средства?

Журналъ, издаваемый Антропологическимъ Отдѣломъ, является одновременно и тѣмъ печатнымъ органомъ, въ которомъ отражаются жизнь и дѣятельность самого Отдѣла, на страницахъ котораго помѣщаются статьи и работы его сочленовъ. Правда, Отдѣлъ съ самаго основанія своего выпускаетъ «Труды», вышедшіе съ тѣхъ поръ въ количествѣ XXVIII томовъ. Но они, во-первыхъ, выходятъ черезъ весьма неравномѣрные промежутки времени, а, во-вторыхъ, за послѣднія десятилѣтія «Труды» стали посвящаться преимущественно монографическимъ изслѣдованіямъ, обнимающимъ обыкновенно цѣлый томъ. Такимъ образомъ, для работъ меньшаго объема, для статей по текущимъ вопросамъ науки, для обзоровъ литературы, для мелкихъ замѣтокъ, некрологовъ, хроники, библіографіи и т. д., равно какъ и для лѣтописи дѣятельности Отдѣла, «Труды» оказались закрытыми. При этихъ условіяхъ основанный Антропологическимъ Отдѣломъ и нынѣ имъ возобновляемый періодическій журналъ отвѣчаетъ назрѣвшей необходимости, давая мѣсто

для всего перечисленнаго матеріала. Иначе говоря, одною изъ задачъ журнала является, какъ уже выше упомянуто, быть печатнымъ органомъ Антропологическаго Отдѣла.

Этимъ однако намѣчается лишь одна сторона дѣятельности журнала. Служа Отдѣлу, онъ еще болѣе долженъ служить наукѣ, служить Антропологіи. Если хронологически Антропологія представляетъ изъ себя науку болѣе молодую, нежели другія отрасли естествознанія, то по количеству созданной и создаваемой ею литературы она можетъ поспорить со многими значительно болѣе старшими ея сестрами. Многочисленны и разнообразны тѣ каѳедры, институты, общества, конгрессы, музеи, лабораторіи, журналы, которые служатъ органами науки, при помощи которыхъ она питается, растетъ и множится. Во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ неутомимо работаетъ пытливая научная мысль надъ различными проблемами науки о человѣкѣ, разрабатываются новые методы, намѣчаются новыя теченія, формируются новыя школы въ нашей наукѣ. Слѣдить за этой жизнью науки, знакомить съ нею своихъ читателей, давать оцѣнку ея явленій, быть, однимъ словомъ, лѣтописью успѣховъ Антропологіи не только въ нашемъ Отдѣлѣ и вообще въ Россіи, но и въ прочихъ культурныхъ странахъ является поэтому естественной обязанностью нашего возрождающагося журнала, поскольку, конечно, редакція его будетъ располагать силами и средствами для ея осуществленія.

Такимъ образомъ, служеніе интересамъ Антропологическаго Отдѣла, съ одной стороны, и служеніе интересамъ самой науки, съ другой: вотъ—двѣ задачи, которыя,дополняя одна другую,опредѣляютъ собою характеръ и содержаніе журнала. Но къ этимъ двумъ задачамъ необходимо присоединить еще третью—служеніе интересамъ читателей. Нѣтъ сомнѣнія, что съ распространеніемъ просвѣщенія и знаній въ нашей странѣ возрастаетъ въ обществѣ интересъ и къ научнымъ вопросамъ, въ частности и къ вопросамъ Антропологіи. «Журналъ», являясь піонеромъ періодической антропологической литературы въ Россіи, долженъ считаться съ этимъ обстоятельствомъ и стремиться къ тому, чтобы давать на своихъ страницахъ не только отвѣтъ на запросы спеціалистовъ-антропологовъ, пока еще довольно малочисленныхъ, но и удовлетворять потребностямъ все растущихъ кадровъ любознательныхъ читателей; и одна изъ задачъ «Журнала» должна заключаться въ привлеченіи все большаго числа интересующихся тѣми или иными отраслями антропологіи, съ цѣлью созданія изъ нихъ и новыхъ сотрудниковъ. Для достиженія этого «Журналу» необходимо будетъ придать своимъ статьямъ до извѣстной степени популяризаціонный характеръ, безъ ущерба, разумѣется, для ихъ научности. Въ неменьшей степени можетъ содѣйствовать тому же самому появленіе при «Журналѣ», время отъ времени, «приложеній» въ видѣ отдѣльныхъ популярныхъ монографій или пособій по Антропологіи и сопредѣльнымъ съ нею наукамъ. Такой обычай уже практикуется, и не безъ успѣха, при нѣкоторыхъ спеціальныхъ журналахъ какъ въ Россіи, такъ и за границей.

Идя сказанными путями, объединяя на своихъ страницахъ служеніе какъ нашему Антропологическому Отдѣлу, такъ и наукѣ и русскому обществу, вновь

возрождающійся журналъ будетъ посильно продолжать ту работу, которая была начата основателями Отдѣла и которая велась затѣмъ многіе годы Д. Н. Анучинымъ и его сотрудниками. Возобновленіе журнала совпадаетъ съ знаменательной датой,—съ началомъ второго полустолѣтія существованія Антропологическаго Отдѣла. Будемъ надѣяться, что въ своемъ новомъ видѣ это періодическое изданіе Отдѣла явится достойнымъ продолженіемъ прежняго, изыскивая лишь болѣе разнообразные пути служенія стоящимъ передъ нимъ задачамъ.

А. Элькиндъ.

На рубежѣ полутора- и полустолѣтія.

Начало антропологіи, какъ науки, въ ея современномъ смыслѣ, было положено, какъ извѣстно, въ XVIII вѣкѣ. Оно связано съ именами Линнея, Бюффона, Добантона, Кампера, Уайта, Блуменбаха и нѣкоторыхъ другихъ, и въ круглой цифрѣ, можно сказать, что со времени заложенія этихъ зачатковъ прошло полтораста лѣтъ. За эти полтораста лѣтъ человѣческое знаніе сдѣлало громадные успѣхи. Возникли многія новыя области вѣдѣнія, собраны колоссальныя количества разнообразныхъ научныхъ фактовъ, множество которыхъ сведено въ систему, анализировано, дало возможность построить на ихъ основѣ важные выводы, сдѣлать замѣчательныя открытія, притти къ многоразличнымъ практическимъ примѣненіямъ. Не осталась мертворожденной и антропологія: если сравнить то, что было извѣстно Бюффону и Блуменбаху, съ тѣмъ, чѣмъ располагаетъ наука теперь, то нельзя не признать, что достигнуты большіе успѣхи. Возникли совершенно новые отдѣлы науки о человѣкѣ, о которыхъ не могли и мечтать ученые XVIII вѣка. Антропологія или естественная исторія человѣка, взятая въ болѣе широкомъ смыслѣ, распадается теперь, по меньшей мѣрѣ, на три дисциплины: а) физическая антропологія (соматическая), которую нѣкоторые склонны подраздѣлять еще на части (анатомическую, физіологическую и т. д.); б) доисторическая археологія (первобытная исторія, палеоэтнологія), которая тоже можетъ дѣлиться на нѣсколько частей, смотря по періодамъ, а отчасти и по областямъ, и изъ которой можетъ быть выдѣлена палеонтологія человѣка, стоящая, такъ сказать, на границѣ между физич. антропологіей, доисторической археологіей и геологіей съ палеонтологіей животныхъ; в) этнологія, тоже весьма обширная область вѣдѣнія, включающая въ себя какъ т. наз. общую этнологію или исторію первобытной культуры, такъ и различные отдѣлы частной этнографіи или народовѣдѣнія (по группамъ народностей и по сторонамъ народной жизни), при чемъ съ ней стоятъ въ болѣе или менѣе тѣсной связи изученіе фольклора, исторія примитивныхъ религій, искусствъ, права, соціологія, сравнительное языкознаніе, этногенія (въ смыслѣ происхожденія и эволюціи отдѣльныхъ народовъ) и т. д.

По всѣмъ этимъ отдѣламъ антропологіи имѣется въ настоящее время обширная литература, руководства, спеціальныя монографіи и изслѣдованія, популярныя

сочиненія, періодическіе журналы; существуютъ институты, общества, музеи, собираются съѣзды, организуются экспедиціи, анкеты, производится преподаваніе. Впрочемъ, въ качествѣ предмета преподаванія антропологія пока еще не получила полнаго гражданства по сравненію съ другими науками; во многихъ университетахъ еще нѣтъ каѳедры антропологіи, и даже не вездѣ читаются курсы по тому или другому изъ ея отдѣловъ. Мѣстами она составляетъ лишь придатокъ къ анатоміи человѣка, къ географіи, къ исторіи и т. д. Мало-по-малу, однако, и антропологіи начинаютъ отводить принадлежащее ей, по праву, положеніе. Всего ранѣе она утвердилась въ Парижѣ, гдѣ уже давно существуетъ каѳедра антропологіи (и музей при ней) въ Museum d'Histoire naturelle, а затѣмъ болѣе 40 лѣтъ дѣйствуетъ Ecole d'Anthropologie при Ecole des Hautes Ètudes, гдѣ читаются курсы и ведутся практическія занятія по всѣмъ отдѣламъ антропологіи (тѣмъ не менѣе, и тамъ пока нѣтъ еще каѳедры антропологіи въ Сорбоннѣ). Антропологическіе курсы читаются и при нѣкоторыхъ провинціальныхъ университетахъ Франціи, а равно преподаваніе антропологіи организовано и при нѣсколькихъ англійскихъ университетахъ (въ томъ числѣ и при Оксфордскомъ и Кембриджскомъ). Въ Германіи каѳедры антропологіи имѣются въ Мюнхенѣ, Берлинѣ; кромѣ того преподаваніе разныхъ отдѣловъ антропологіи производится въ Цюрихѣ, Базелѣ, Вѣнѣ, Буда-Пештѣ, Лейпцигѣ, Бреславлѣ, Фрейбургѣ, Гейдельбергѣ, Брюсселѣ и другихъ городахъ Средней Европы. Довольно успѣшно прививается антропологія въ Италіи, гдѣ имѣются ея каѳедры въ Римѣ, Флоренціи, Болоньѣ, Неаполѣ и другихъ городахъ, а затѣмъ въ Соед. Штатахъ Сѣв. Америки.

Все это однако лишь внѣшнія доказательства успѣховъ науки; важнѣе тѣ результаты, которые получены ею по разнымъ вопросамъ, входящимъ въ кругъ ея вѣдѣнія. И въ этомъ отношеніи достигнуто не мало. Много ли народовъ и антропологическихъ типовъ было извѣстно Блуменбаху и сколько ихъ описано теперь, не говоря уже о томъ, какъ вообще были скудны и недостаточны имѣвшіяся тогда въ этой области свѣдѣнія. Ни одинъ народъ не былъ въ то время изученъ болѣе или менѣе систематично, а теперь мы имѣемъ подробныя данныя, собранныя о многихъ, даже отдаленныхъ и трудно доступныхъ, народахъ, учеными экспедиціями изъ спеціально подготовленныхъ изслѣдователей. Разныя племена австралійцевъ, папуасовъ, меланезійцевъ, полинезійцевъ, малайцевъ, негритосовъ, амер. индѣйцевъ, эскимосовъ, бушменовъ, африк. пигмеевъ, негровъ обитателей Индіи, восточной, сѣверной, средней и западной Азіи,—всѣ они подвергались спеціальному изученію, о всѣхъ ихъ собраны болѣе или менѣе обстоятельныя антропологическія или этнографическія свѣдѣнія. По многимъ изъ нихъ имѣются въ музеяхъ серіи портретовъ, бюстовъ, черепа, скелеты, препараты мягкихъ частей и головного мозга, фонограммы, предметы быта и т. д., и эти собранія становятся также объектами спеціальнаго сравнительнаго изученія. Среди европейскихъ народовъ, по отношенію къ нѣкоторымъ признакамъ, пользовались массовыми наблюденіями, напр., въ школахъ, среди призывныхъ, въ войскахъ и т. п., о величинѣ роста, цвѣтѣ волосъ и глазъ, формѣ головы (головномъ указателѣ), а также собирались данныя среди

сельскаго населенія о мѣстныхъ нарѣчіяхъ, обычаяхъ, повѣрьяхъ, сохранившихся формахъ народной словесности и т. п. Выработаны были детальные методы изслѣдованій—описательные и измѣрительные, изобрѣтено много антропометрическихъ иструментовъ и аппаратовъ, предложены болѣе точные пріемы анализа и сравнительнаго изученія различныхъ признаковъ. Важный вопросъ объ отношеніи человѣческой организаціи къ животной, въ особенности къ организаціи приматовъ, изслѣдованъ съ большою подробностью, прослѣжены имѣющіеся у человѣка зачаточные признаки (или рудиментарные органы), случающіяся у отдѣльныхъ особей остановки въ развитіи, различныя уклоненія и аномаліи, выяснена исторія эмбріональнаго и послѣдующаго развитія сравнительно съ таковымъ же высшихъ животныхъ. Все это позволило составить болѣе полное и правильное представленіе объ особенностяхъ человѣческой организаціи, а сдѣланныя за послѣднія 50—60 лѣтъ находки ископаемыхъ остатковъ человѣка и высшихъ приматовъ дали возможность заглянуть и въ отдаленное прошлое филогеніи человѣка, ознакомиться съ рядомъ формъ, являющихся прямыми или боковыми стадіями въ постепенной выработкѣ типа homo sapiens.

Громадное разнообразіе расовыхъ и этническихъ типовъ человѣка, варіирующихъ впрочемъ лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ, возбуждалъ еще въ XVIII вѣкѣ вопросъ о факторахъ такой измѣнчивости, о причинахъ, которыми она можетъ вызываться и упрочиваться. XIX вѣкъ значительно умножилъ имѣвшіяся въ этомъ направленіи наблюденія, а съ другой стороны, въ гипотезахъ Ламарка, Дарвина, Уоллеса, Де Фриза и др.—опредѣлилъ ближе тѣ возможности, которыя могли играть роль въ образованіи человѣческихъ варіацій. Много цѣннаго было собрано за послѣднія десятилѣтія по сложнымъ вопросамъ объ измѣнчивости и наслѣдственности, о воздѣйствіи на человѣка различныхъ условій существованія, объ явленіяхъ метисаціи, вліяніи переселеній и т. д. Вообще, нельзя не признать, что по многимъ вопросамъ, входящимъ въ предѣлы вѣдѣнія антропологіи, наука подвинулась теперь много далѣе впередъ, чѣмъ, напр., она была 60 лѣтъ тому назадъ, и ей открылись такія перспективы, на которыя она прежде не могла и разсчитывать.

Конечно, если сопоставить все то, что добыто, съ тѣмъ, что еще неизвѣстно, если выставить на видъ всѣ вопросы, которые поднимались или могутъ быть подняты, но остаются еще нерѣшенными, а нѣкоторые останутся, вѣроятно, таковыми и навсегда, то пессимистъ можетъ, пожалуй, торжествовать надъ оптимистомъ, указавъ ему на рядъ такихъ нерѣшенныхъ и недоступныхъ вопросовъ. Смущаться этимъ однако нечего, если принять во вниманіе, что области природы и духа безконечны, а силы человѣка ограничены, и что во всѣхъ областяхъ знанія, въ томъ числѣ и въ такихъ, объекты изслѣдованій которыхъ менѣе сложны, чѣмъ въ антропологіи, подобные вопросы встрѣчаются на каждомъ шагу, что однако не умаляетъ интереса изысканій и цѣнности добываемыхъ ими результатовъ. Конечно, мы не знаемъ еще, какъ, гдѣ и когда произошелъ человѣкъ, черезъ какія формы шла его эволюція, какому процессу обязанъ онъ былъ своимъ образованіемъ, шло ли его развитіе однимъ путемъ (моногенетически) или нѣсколькими путями (полигене-

тически), слѣдовала ли эволюція его психической природы параллельно эволюціи физической, или послѣдняя предваряла первую; всѣ эти вопросы остаются еще открытыми, а нѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть, и навсегда останутся неразрѣшенными, но вѣдь то же самое примѣнимо и къ вопросамъ о происхожденіи многихъ другихъ органическихъ формъ, всего класса млекопитающихъ, зарожденія животной и органической жизни вообще, проявленія психики, образованія нашей планеты, солнечной системы, небесныхъ міровъ, атомовъ матеріи... Все это вопросы, относительно которыхъ могутъ высказываться лишь болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы, но которые, тѣмъ не менѣе, будутъ вѣроятно всегда занимать пытливые умы. Точно также, мы до сихъ поръ не располагаемъ еще свѣдѣніями о всѣхъ антропологическихъ типахъ (расахъ) и культурныхъ разновидностяхъ (народахъ) человѣчества и не можемъ выработать полной и раціональной антропологической и этнологической классификаціи; но вѣдь полной классификаціи не проведено пока и для многихъ группъ разновидностей у животныхъ, напр., хотя бы для домашнихъ животныхъ; не приведены въ извѣстность, напр., и всѣ горныя породы и минералы земли, всѣ виды организмовъ въ глубинахъ морей и даже на сушѣ, и, конечно, астрономы далеко не въ состояніи уловить и каталогизировать всѣ звѣзды въ безконечной глубинѣ мірозданія, Это однако не отнимаетъ интереса отъ изслѣдованія доступныхъ явленій и формъ, и какъ астрономъ, имѣя дѣло лишь съ частью вселенной, находитъ въ ней неисчерпаемый источникъ наблюденій и изысканій, такъ и антропологъ въ доступныхъ для него, современныхъ и бывшихъ, физическихъ и психическихъ разновидностяхъ человѣка, можетъ находить многочисленные объекты для разнообразныхъ наблюденій въ интересахъ своей науки.

Если остаются неизвѣстными или очень мало извѣстными многія группы человѣчества въ ихъ отличительныхъ признакахъ и особенностяхъ, то, конечно, еще менѣе знаетъ наука о тѣхъ законахъ, факторахъ, процессахъ, по которымъ и посредствомъ которыхъ шло образованіе и упроченіе, измѣненіе и исчезаніе этихъ признаковъ и особенностей. И это весьма естественно, если принять во вниманіе, что и по отношенію къ болѣе простымъ органическимъ формамъ, несмотря на значительное число собранныхъ данныхъ и на усилія великихъ обобщающихъ умовъ, біологической наукѣ удалось открыть лишь нѣкоторыя возможности, нѣкоторые намеки на послѣдовательность и причинность филогенетической формообразовательной эволюціи. Тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ развитія знанія, и по отношенію къ человѣку, его разновидностямъ, явленіямъ его біологіи и соціологіи, удается подмѣтить въ кажущемся хаосѣ все болѣе и болѣе правильностей, опредѣленныхъ зависимостей, эмпирическихъ законностей, иными словами, подвигаться впередъ въ научномъ изученіи человѣка, какъ естественно-историческаго вида. И надо надѣяться, что въ связи съ успѣхами другихъ наукъ, особенно біологическихъ, это познаніе человѣка будетъ расширяться и углубляться, и что къ началу слѣдующаго вѣка оно превзойдетъ современное на много болѣе, чѣмъ современное ушло впередъ сравнительно съ тѣмъ, какимъ оно было во времена Бюффона и Блуменбаха.

Если антропологія вообще можетъ измѣрять свою исторію, какъ науки, minimum полуторастолѣтіемъ, то исторія антропологіи въ Москвѣ (да и въ Россіи вообще) сводится къ полустолѣтію и, можно сказать, совпадаетъ съ исторіей Антропологическаго Отдѣла Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Ей, впрочемъ, предшествовалъ нѣкоторый періодъ исторіи антропологіи въ Петербургѣ, сводящійся почти исключительно къ нѣсколькимъ работамъ академика Бэра. Конечно, если принимать за часть антропологіи этнографію, то начало послѣдней у насъ можно относить къ глубокой древности, къ описанію племенъ русскихъ славянъ въ Начальной Лѣтописи. Кое-что можно найти и въ другихъ памятникахъ до-петровской литературы, а въ особенности въ описаніяхъ ученыхъ путешествій XVIII вѣка, предпринимавшихся по иниціативѣ Императорской Академіи Наукъ, и на основѣ которыхъ Георги составилъ даже въ концѣ XVIII вѣка описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россіи народовъ (съ картинами) въ двухъ томахъ in 4°. Собираніе такихъ свѣдѣній продолжалось и въ XIX вѣкѣ какъ трудами ученыхъ экспедицій, такъ и другими наблюдателями, напр., миссіонерами (Веніаминовъ надъ алеутами), чиновниками (Белявскій надъ самоѣдами, Левшинъ надъ киргизами) и т. д. Въ это же время (въ 1-й половинѣ XIX вѣка) было начато изученіе и этнографіи собственно русскаго народа, его нарѣчій, словесности, быта, приведшія, между прочимъ, къ учрежденію особаго Отдѣленія этнографіи при основанномъ въ 1845—46 г.г. въ Петербургѣ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ. При этомъ, впрочемъ, вопросъ объ изученіи физическихъ особенностей племенъ почти не поднимался, пока онъ не былъ затронутъ въ 1850-хъ годахъ академикомъ Бэромъ.

Карлъ Эрнстъ фонъ-Бэръ (а по-русски Карлъ Ѳедоровичъ) былъ родомъ изъ прибалтійскихъ нѣмцевъ, но его ученая дѣятельность развилась въ Пруссіи, гдѣ онъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ профессоромъ анатоміи въ Кенигсбергѣ, когда и составилась его научная извѣстность, благодаря особенно его открытіямъ въ эмбріологіи (имъ впервые было открыто зародышевое яйцо человѣка). Изъ Кенигсберга онъ былъ приглашенъ въ Петербургъ, въ Академію наукъ, и читалъ также, на латинскомъ языкѣ, сравн. анатомію въ Медико-Хирургической академіи. Хотя Бэру пришлось значительно расширить въ Россіи свою дѣятельность, включеніемъ въ нее вопросовъ по прикладной зоологіи (по изученію рыболовства въ нашихъ моряхъ), по ознакомленію съ природой Новой Земли и др., тѣмъ не менѣе. въ качествѣ директора академической «кунсткамеры», гдѣ хранились, отчасти еще со временъ Петра I, разные уроды въ спирту и нѣкоторыя этнографическія коллекціи изъ сибирскихъ и кругосвѣтныхъ путешествій, онъ обратилъ вниманіе на собираніе антропологическихъ матеріаловъ, и при немъ академическій музей сталъ обогащаться и коллекціями расовыхъ череповъ, интересъ къ которымъ былъ возбужденъ тогда среди анатомовъ краніологической классификаціей шведскаго анатома Ретціуса. Бэру принадлежитъ нѣсколько антропологическихъ работъ, напечатанныхъ въ 1859—60 г.г. (на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ) въ «Мемуарахъ» Академіи—о папуасахъ, о папуасскихъ и калмыцкихъ черепахъ, о такъ называемыхъ

«макрокефалахъ» (древнихъ искусственно деформированныхъ черепахъ, найденныхъ въ Крыму и въ Австріи) и др. На русскомъ языкѣ имъ была написана большая статья о человѣкѣ и его разновидностяхъ, помѣщенная въ 1 томѣ «Русской Фауны», изд. Симашко, статья—«О вліяніи природы на человѣка» (въ духѣ К. Риттера) въ «Карманной Книжкѣ», изданной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ въ 1848 году, статья о доисторическомъ человѣкѣ (о находкахъ каменнаго вѣка въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ, въ Скандинавіи, Франціи и т. д.) въ Академическомъ календарѣ на 1864 годъ и, наконецъ, статья—о происхожденіи видовъ и положеніи человѣка въ животномъ царствѣ (противъ теоріи Дарвина и ея примѣненія къ человѣку) въ журналѣ «Натуралистъ». Вліяніе Бэра сказалось, можетъ быть, отчасти на академикахъ Миддендорфѣ и Шренкѣ, совершившихъ (въ 1840-хъ—1850-хъ годахъ) путешествія по Сѣверу Сибири и Амурскому краю и обратившихъ тамъ большое вниманіе на типъ и бытъ встрѣченныхъ ими инородцевъ, но, вообще говоря, вліяніе это было невелико и не выразилось въ чемъ-нибудь существенномъ для дальнѣйшаго развитія и упроченія антропологіи въ Россіи.

Исторія русской антропологіи начинается съ основаннаго въ 1864 г. по иниціативѣ проф. А. П. Богданова Антропологическаго Отдѣла Общества Любителей Естествознанія. Было весьма смѣлымъ шагомъ основать въ то время такой отдѣлъ, когда и на западѣ-то существовало всего съ 1860-го года Общество Антропологіи въ Парижѣ, а въ Москвѣ, за исключеніемъ самого А. П. Богданова, не было, можно сказать, вовсе лицъ, знакомыхъ съ элементами этой науки. Извиненіемъ могло служить то обстоятельство, что вѣдь это было не Общество ученыхъ антропологовъ, а кружокъ (отдѣлъ) любителей антропологіи, которые желали учиться и собирать матеріалы по антропологіи въ Россіи. Самъ А. П. Богдановъ подалъ тому примѣръ, занявшись раскопками подмосковныхъ кургановъ для извлеченія изъ нихъ антропологическаго, главнымъ образомъ, краніологическаго матеріала, который бы далъ возможность составить извѣстное представленіе о типѣ древнихъ (IX—XI в.в.) насельниковъ Московской губерніи по сравненію съ позднѣйшимъ и современнымъ населеніемъ Москвы и ея окрестностей (по черепамъ изъ кладбищъ XVII—XVIII в.в.). Мало-по-малу число сотрудниковъ Отдѣла стало увеличиваться, въ него начали поступать нѣкоторыя коллекціи (археологическія, анатомическія, этнографическія), и уже въ 1865 г. онъ могъ издать первый выпускъ своихъ трудовъ (протоколы засѣданій и приложенія къ нимъ, въ томъ числѣ переведенныя Богдановымъ «Инструкціи для антропологическихъ наблюденій» Брока̀), а также первую антропологическую монографію, именно А. П. Богданова «Матеріалы для антропологіи курганнаго періода въ Московской губ.». Устройство въ 1872 г. Политехнической выставки отвлекло на нѣкоторое время вниманіе Общества и А. П. Богданова отъ антропологіи, тѣмъ не менѣе, за это время произошло довольно важное для судебъ антропологіи въ Москвѣ событіе. К. Ѳ. фонъ-Меккъ пожертвовалъ Обществу капиталъ въ 25000 руб. на предметъ учрежденія въ Москвѣ каѳедры антропологіи; Общество передало этотъ капиталъ университету, который исхода-

тайствовалъ утвержденіе означенной каѳедры при физико-математическомъ факультетѣ и командировалъ затѣмъ, въ 1876 г., для подготовки къ ней, за границу, избраннаго факультетомъ кандидата. Въ 1879 году состоялась въ Москвѣ, устроенная по иниціативѣ А. П. Богданова, Антропологическая выставка, вызвавшая значительный притокъ антропологическаго, археологическаго и этнографическаго матеріала, отчасти принесеннаго въ даръ, отчасти доставленнаго на время, отчасти, наконецъ, пріобрѣтеннаго или исполненнаго на средства Комитета выставки. Значительная часть этого матеріала поступила послѣ выставки въ собственность университета и положила начало новому музею, Антропологическому, который, за неимѣніемъ подходящаго помѣщенія въ университетскихъ зданіяхъ, нашелъ себѣ пріютъ въ зданіи Историческаго музея, гдѣ ему пришлось пробыть безъ малаго 25 лѣтъ, прежде чѣмъ открылась для него возможность перебраться въ старое зданіе университета[1]).

Начатые изданіемъ въ 1860-хъ годахъ, «Труды» Антропологическаго Отдѣла продолжали выходить съ тѣхъ поръ по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, а отчасти и въ зависимости отъ имѣвшихся у Отдѣла средствъ. При жизни А. П. Богданова, за 30 лѣтъ (1865—1895), вышло ихъ 17 томовъ; въ нихъ были помѣщены изслѣдованія и сообщенія А. П. Богданова, Д. Н. Анучина, В. Н. Бензенгра, Ѳ. К. Гинкулова, Н. П. Данилова, А. В. Елисѣева, Н. Л. Зеланда, Н. Ю. Зографа, А. А. Ивановскаго, К. Н. Икова, А. И. Кельсіева, Н. И. Лыжина, П. С. Назарова, Д. П. Никольскаго, Е. А. Покровскаго, А. А. Тихомирова, А. Н. Харузина, В. Е. Эмме, Н. А. Янчука и др. Послѣ того, за послѣднія 20 лѣтъ, вышло 11 томовъ «Трудовъ», въ которые вошли монографіи и статьи: А. А. Арутинова, Д. Н. Анучина, Р. Л. Вейнберга, В. В. Воробьева, Н. В. Гильченка, А. Н. Джавахова, А. А. Ивановскаго, М. И. Лутохина, П. А. Минакова, В. Г. Михайловскаго, А. Г. Рождественскаго, И. П. Силинича, Н. А. Синельникова (по измѣреніямъ В. И. Анучина), Е. М. Чепурковскаго, А. Д. Элькинда, и др. Кромѣ того, съ 1900 года сталъ выходить еще «Русскій Антропологическій Журналъ», основанный по случаю исполнившагося 25-лѣтія дѣятельности въ Антроп. Отдѣлѣ Д. Н. Анучина[2]). За 16 лѣтъ его вышло 9 томовъ подъ редакціей секретаря Отдѣла А. А. Ивановскаго; недостатокъ въ средствахъ и нѣкоторыя другія обстоятельства помѣшали его выходу въ 1906 году, въ 1909—1912 г.г. и въ 1914—1915 г.г. Въ вышедшихъ томахъ, кромѣ хроники, библіографіи и т. п., напечатаны статьи: А. Н. Абрамова, Б. Ѳ. Адлера, Д. Н. Анучина, Н. А. Аристова, К. А. Бари, И. О. Баронаса, Н. В. Берви, В. А. Благовѣщенскаго, Ѳ. З. Бѣлодѣда, П. А. Бѣльскаго, С. А. Вайсенберга, Р. Л. Вейнберга, Г. И. Вильга, С. К. Витунскаго, Н. А. Вологина, В. В. Воробьева,

---

[1]) Въ связи съ выставкой было издано 4 тома трудовъ Антропологическаго Отдѣла и Комитета выставки, въ которыхъ, кромѣ разной переписки, программъ, каталоговъ, хроники и т. п., были помѣщены и матеріалы, имѣющіе научную цѣнность.

[2]) Желаніе издавать періодическій органъ проявлялось Отдѣломъ и ранѣе. Нѣкоторой попыткой его осуществленія былъ «Дневникъ Антропологическаго Отдѣла», который издавался въ 1890—1891 и 1893 гг., и котораго вышли 3 тома, въ 20 выпускахъ, вошедшіе впрочемъ въ серію «Трудовъ» Отдѣла.

Я. Д. Галая, К. И. Горощенка, I. Е. Деникера, А. Н. Джавахова, И. Е. Дзержинскаго, К. И. Завадскаго, А. Л. Здроевскаго, Н. Л. Зеланда, А. А. Ивановскаго, В. Е. Игнатьева, Д. Л. Iохельсонъ-Бродской, А. Н. Кожухова, А. И. Колмогорова, В. Л. Комарова, Ф. Я. Кона, С. А. Королева, Д. А. Коропчевскаго, Д. П. Косоротова, А. Н. Краснова, К. М. Курдова, Е. И. Луценка, И. И. Майнова, А. Н. Максимова, К. Н. Малинина, С. Д. Масловскаго, М. Б. Милославскаго, М. Н. Никольскаго, П. Н. Пашина, Л. О. Перфильева, А. А. Пiонтковскаго, В. Е. Предтеченскаго, К. Г. Прохорова, А. Г. Рождественскаго, А. Н. Рождественскаго, В. Н. Розанова, П. О. Свидерскаго, Е. П. Севастьянова, И. П. Силинича, Л. Д. Синицкаго, А. А. Спиридова, П. Г. Статкевича, Ю. Д. Талько-Гринцевича, Е. М. Чепурковскаго, В. Г. Штефко, И. С. Щукина, А. Д. Элькинда, Э. В. Эриксона и др. Въ виду исполнившагося 50-лѣтiя Отдѣла слѣдовало бы составить указатель всѣхъ монографiй и статей, помѣщенныхъ въ его изданiяхъ, присоединивъ къ нимъ и статьи антропологическаго характера, разсѣянныя въ «Протоколахъ» и другихъ изданiяхъ Общества. Изъ этого указателя можно было бы видѣть, какiе вопросы затрагивались въ изданiяхъ Отдѣла и изученiю какихъ народностей, органовъ человѣческаго тѣла, бiологическихъ явленiй, археологическихъ эпохъ и т. д. были посвящены труды его сочленовъ и сотрудниковъ. Здѣсь достаточно сказать, что Обществомъ и Отдѣломъ, какъ въ дѣлѣ собиранiя антропологическаго матерiала (наблюденiй и коллекцiй), такъ и его разработки сдѣлано пока больше, чѣмъ какимъ-либо другимъ Обществомъ или учрежденiемъ въ Россiи.

Изъ этихъ учрежденiй слѣдуетъ указать прежде всего на Императорскую Академiю Наукъ, въ изданiяхъ которой, начиная съ 1860-хъ годовъ, вышли описанiя путешествiй Миддендорфа и Шренка, посвятившихъ отдѣльные томы наблюденiямъ надъ типомъ и бытомъ посѣщенныхъ ими инородцевъ, затѣмъ на изслѣдованiя о формѣ великорусскаго черепа профессоровъ Военно-медицинской академiи Ландцерта и Таренецкаго, послѣдняго также о черепахъ алеутовъ, айновъ и другихъ народностей Крайняго Востока, наконецъ на нѣкоторыя работы, болѣе или менѣе случайно попавшiя на страницы академическихъ изданiй, какъ напр. Мацокина— Метисы Забайкалья (сравненiе типа помѣсей между русскими и бурятами съ типомъ чистыхъ русскихъ, такъ называемыхъ «семейскихъ», съ одной стороны, и типомъ бурятъ съ другой), С. И. Руденка—о типахъ самоѣдовъ, вогуловъ и остяковъ, Ю. Д. Талько-Грынцевича (печатается)—опытъ антропологической монографiи о монголахъ [1]) и нѣкоторыя другiя; мы не говоримъ о матерiалахъ по этнографiи, издаваемыхъ время отъ времени въ отчетахъ академическаго этнографическаго музея.

Нѣсколько антропологическихъ работъ (не считая этнографическихъ), появились и въ изданiяхъ Географическаго Общества и его сибирскихъ и дру-

---

[1]) Монографiя Талько-Грынцевича нынѣ заканчивается печатанiемъ. Она была когда-то предложена къ изданiю Антропологическому Отдѣлу О-ва Люб. Ест., но отсутствiе средствъ не позволило воспользоваться этимъ предложенiемъ, тѣмъ болѣе, что работа сопровождается многими таблицами цифръ и иллюстрацiй.

гихъ Отдѣловъ [1]), а также въ трудахъ разныхъ провинціальныхъ ученыхъ обществъ, напр., Обществъ естествоиспытателей въ Казани, Кіевѣ и др., Обществъ археологіи, Обществъ изученія мѣстныхъ краевъ и т. д. Кромѣ того, въ 1888—1893 годахъ возникли въ Петербургѣ два спеціальныхъ антропологическихъ Общества: одно, открывшееся въ 1888 году, при С.-Петербургскомъ университетѣ, подъ названіемъ Русское Антропологическое Общество, другое въ 1893 г., присвоившее себѣ названіе Антропологическаго Общества при Императорской Военно-Медицинской академіи. Первое изъ нихъ, располагая весьма ограниченными средствами, издавало сначала только протоколы засѣданій (8 тонкихъ выпусковъ по 30—117стр.), а съ избраніемъ въ 1904 году предсѣдателемъ Общества профессора Н. М. Маліева и секретаремъ Б. Ѳ. Адлера начало издавать «Ежегодники», въ которыхъ стали находить себѣ мѣсто и болѣе обширныя статьи, сперва преимущественно этнографическаго, а затѣмъ и собственно антропологическаго содержанія. Всего вышло— по 1915 г. шесть выпусковъ (125—382 стр.), первые три подъ редакціей Б. Ѳ. Адлера, а послѣдніе два—С. И. Руденка. Изъ болѣе крупныхъ статей этихъ двухъ послѣднихъ выпусковъ можно отмѣтить—Д. А. Золотарева—по антропологіи великоруссовъ Тверской и Новгородской губерній и П. П. Ефименка—по каменнымъ орудіямъ палеолитическихъ стоянокъ въ с. Костенкахъ на Дону и въ Мезинѣ на Деснѣ.

Антропологическое Общество при Военно-Медицинской Академіи, возникшее въ 1893 г., по инициативѣ профессора анатоміи А. И. Таренецкаго, проявило въ первыя восемь лѣтъ своего существованія живую дѣятельность. Проф. Таренецкій вообще очень интересовался антропологіей, старался о созданіи антропологическаго отдѣла при анатомическомъ музеѣ академіи и о привлеченіи студентовъ къ излюбленной имъ наукѣ; онъ устраивалъ бесѣды для ознакомленія врачей и студентовъ съ антропологическими методами и предлагалъ часто врачамъ антропологическія темы для ихъ докторскихъ диссертацій. Болѣе обстоятельныя работы по физической антропологіи заключены именно въ этихъ диссертаціяхъ, а не въ трудахъ Общества. Достаточно упомянуть, что объектами антропологическихъ изслѣдованій въ этихъ диссертаціяхъ были слѣдующія народности: малороссы, бѣлоруссы, евреи, казанскіе татары, буряты-аларцы, буряты-селенгинцы, таранчи, осетины, кумыки, кабардинцы, черкесы, армяне. Оставленіе А. И. Таренецкимъ въ 1901 году каѳедры анатоміи и назначеніе его на постъ начальника Военно-Медицинской академіи заставило его отдать все свое время и силы новой должности, и онъ не могъ уже направлять дѣятельность основаннаго имъ Общества, хотя и продолжалъ числиться его предсѣдателемъ. Въ 1905 году А. И. Таренецкій скончался, и осиротѣвшее Общество преобразовалось впослѣдствіи въ Общество анатоміи и антропологіи. Въ періодъ дѣятельности прежняго Антропологическаго Общества, при Таренецкомъ, вышло, если не ошибаемся, 6 томовъ его трудовъ, въ которыхъ по-

---

[1]) Между прочимъ, работы: Майнова — о мордвѣ-эрзѣ, Анучина — О географич. распредѣленіи роста мужского населенія Россіи, Полякова, Мережковскаго—о каменномъ вѣкѣ въ Обонежьѣ, Крыму и др.

мѣщенъ рядъ статей какъ собственно антропологическаго, такъ и *этнографическаго* содержанія.

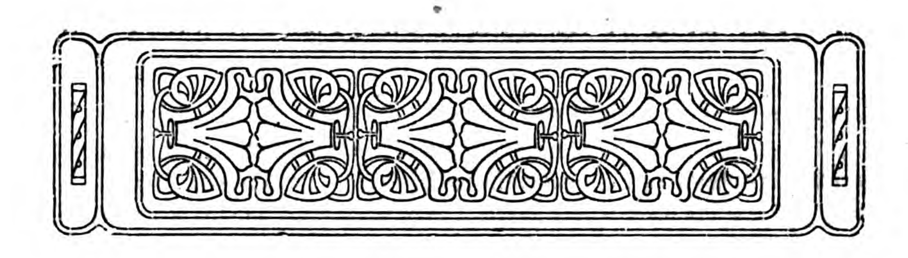
Въ 1870-хъ годахъ виднымъ дѣятелемъ по антропологіи въ Россіи былъ профессоръ анатоміи Дерптскаго университета Л. Х. Штида (впослѣдствіи перешедшій профессоромъ въ Кенигсбергъ). Работая самъ въ области антропологіи, онъ поощрялъ къ тому же и своихъ учениковъ, молодыхъ врачей, вслѣдствіе чего появилась цѣлая серія антропологическихъ докторскихъ диссертацій, посвященныхъ какъ варіаціямъ нѣкоторыхъ органовъ у человѣка, такъ и антропометрическому описанію различныхъ народностей. Въ рядѣ диссертацій были описаны, напр., эсты, ливы, латыши, литовцы, евреи, бѣлоруссы, а также нѣкоторыя серіи череповъ изъ древнихъ могильниковъ, варіаціи нѣкоторыхъ частей костяка и т. д. Самъ Штида оказывалъ еще въ теченіе ряда лѣтъ важную услугу русской антропологіи тѣмъ, что помѣщалъ въ нѣмецкихъ журналахъ (особенно въ «Archiv für Anthropologie») подробные рефераты о русскихъ антропологическихъ работахъ.

Если сопоставить все то, что собрано въ области антропологіи русскими изслѣдователями (кое-что собиралось въ Россіи также иностранцами), то въ итогѣ получается довольно значительное количество наблюденій, касающихся различныхъ народностей, эпохъ, антропологическихъ признаковъ, варіацій и т. д. Были сдѣланы и опыты сравнительнаго изученія имѣющихся данныхъ по отношенію къ извѣстнымъ районамъ, серіямъ народностей или къ тѣмъ или инымъ физическимъ признакамъ,— опыты, представляющіе интересъ, какъ подводящіе итоги собраннымъ даннымъ, но которые нельзя еще признать исчерпывающими затронутые въ нихъ вопросы. Необходимо имѣть въ виду, что антропологическія наблюденія сводятся по преимуществу къ измѣреніямъ, которыя производятся не всегда по одной и той же схемѣ и одними и тѣми же методами; но и въ тѣхъ случаяхъ, когда примѣняются одинаковые пріемы и схемы, далеко не всегда можно быть увѣреннымъ въ сравнимости наблюденій. Возможность ошибокъ въ данномъ случаѣ, помимо неточности инструментовъ и большей или меньшей неправильности измѣрительныхъ пріемовъ, зависитъ еще отъ индивидуальности изслѣдователя, его манеры пользоваться инструментами или производить на нихъ отсчеты, отъ точности записей и подсчета цифръ и т. д. Но даже имѣя увѣренность въ достаточной точности собранныхъ различными наблюдателями данныхъ и въ ихъ сравнимости между собою, мы не можемъ еще ожидать, что сравненіе этихъ данныхъ (у различныхъ группъ особей или народностей) выяснитъ намъ особенности типа каждой изъ сравниваемыхъ группъ. Тѣло человѣка и его отдѣльныя части и органы (напр. черепъ) не представляютъ правильныхъ геометрическихъ формъ, поэтому особенности ихъ вида и формы не могутъ быть выражены въ немногихъ размѣрахъ. Нѣкоторые изслѣдователи думали достигнуть болѣе полнаго представленія объ особенностяхъ строенія (напр. головы, черепа) введеніемъ возможно большаго числа измѣреній, но скоро пришлось убѣдиться, что этимъ впадаютъ въ другую крайность. Масса цифръ (размѣровъ) не только требуетъ и массы времени для ихъ полученія (особенно для сколько-нибудь значительнаго числа объектовъ), но и значительно осложняетъ сравнительное раз-

смотрѣніе группъ (по большому числу признаковъ), дѣлая почти невозможнымъ сколько-нибудь отчетливую ихъ характеристику. Приходится по необходимости дѣлать выборъ признаковъ, сравнивая лишь нѣкоторые изъ нихъ и выбирая болѣе характерные или такіе,по коимъ имѣется большее число наблюденій. Однако, какъ показываетъ опытъ, сравненіе по небольшому числу признаковъ можетъ вести къ неправильнымъ заключеніямъ; оно можетъ указывать иногда на сходство или родство тамъ, гдѣ въ дѣйствительности его нѣтъ и гдѣ его не подтверждаетъ и непосредственное наблюденіе, наглядно показывая тѣмъ, что не всегда путемъ сравненія относительныхъ размѣровъ можно достигнуть болѣе правильнаго заключенія о степени сходства или различія сравниваемыхъ между собою группъ. Весьма важную роль здѣсь должна играть градація или подчиненность признаковъ, т.-е. разсмотрѣніе ихъ (относительныхъ размѣровъ) въ извѣстной послѣдовательности, начиная отъ наиболѣе для данныхъ группъ характерныхъ. Къ сожалѣнію, мы вынуждены часто искать этой послѣдовательности съ завязанными глазами, дѣлая болѣе или менѣе удачныя пробы; тѣмъ не менѣе, и неудачные опыты могутъ быть не безполезны, освобождая насъ отъ обманчивыхъ иллюзій и заставляя искать другихъ путей для достиженія тѣхъ же цѣлей.

Во всякомъ случаѣ область антропологіи, если даже имѣть въ виду собственно физическую антропологію, такъ велика, объектовъ для наблюденій имѣется такъ много, вопросовъ неразрѣшенныхъ столько, что въ путяхъ и цѣляхъ антропологическихъ изысканій еще долго, долго не будетъ недостатка. Особенно это приложимо къ Россіи,съ ея громаднымъ населеніемъ, составленнымъ изъ многихъ племенъ и народностей, которыя образовались изъ различныхъ антропологическихъ и этническихъ элементовъ, и живутъ въ разнообразныхъ географическихъ и соціальныхъ условіяхъ. Желательно только, чтобы не уменьшался, а напротивъ возросталъ у насъ интересъ къ антропологическимъ вопросамъ, въ особенности среди учащейся молодежи, натуралистовъ и врачей, и чтобы наша высшая школа содѣйствовала удовлетворенію и развитію этого интереса учрежденіемъ во всѣхъ университетахъ каѳедры антропологіи и организаціей правильнаго преподаванія этого предмета.

Д. Анучинъ.

Статистическій и біологическій методы въ изученіи наслѣдственности у человѣка.

Явленія наслѣдственности у человѣка имѣютъ для антрополога большое значеніе въ виду ихъ связи съ вопросомъ объ устойчивости расовыхъ признаковъ. Настоящая статья есть обзоръ важнѣйшей литературы по двумъ основнымъ направленіямъ въ изученіи этихъ явленій: статистическому и біологическому. Соотвѣтственно этому ея первая часть посвящена біометріи, а вторая менделизму. Въ концѣ приведены указанія на явленія, интерферирующія съ наслѣдственностью, и даны примѣры примѣненія основныхъ формулъ біометріи къ обработкѣ антропологическаго матеріала.

I. Біометрія.

Количественное опредѣленіе признаковъ организма и вида и ихъ варіаціи.—Понятіе о наслѣдственности, какъ о частномъ случаѣ варіаціи.—Выраженіе степени унаслѣдованія при помощи формулъ корреляціи.—Регрессія къ предкамъ.—Разложеніе кривыхъ варіаціи и его значеніе.—Кривая смертности и ея пять слагающихъ—главнѣйшихъ причинъ смерти въ разныхъ возрастахъ.—Избирательное дѣйствіе этихъ причинъ, какъ указаніе на существованіе естественнаго отбора у человѣка.—Возможность количественнаго изученія генетическаго и репродуктивнаго отборовъ и гомогаміи въ человѣческихъ сообществахъ.—Примѣненіе формулъ біометріи къ вопросамъ изъ другихъ областей знанія.—Краткія біографическія свѣдѣнія о Гальтонѣ и Пирсонѣ и очеркъ исторіи біометріи.

Болѣе десяти лѣтъ тому назадъ профессоромъ механики и прикладной математики въ Лондонскомъ университетѣ Карломъ Пирсономъ была основана новая школа въ біологіи, которой онъ далъ названіе «Біометріи». Съ тѣхъ поръ она получила широкое распространеніе, и съ 1902 года имѣетъ свой журналъ [1]). Задача этой школы придать точность изученію біологіи путемъ измѣреній организмовъ и обработки получаемыхъ данныхъ пріемами статистики. Отсюда и ея названіе: «біометрія» значитъ, по-гречески, измѣреніе живущаго. Преслѣдуя такую цѣль, она должна была, разумѣется, начать съ количе-

---

[1]) Biometrica. London, Clay, Fetter Lane.

ственнаго выраженія организма, которое сводится къ слѣдующему. Положимъ, что передъ нами общеизвѣстное растеніе макъ, несущее рядъ плодовъ—коробочекъ. Сорвемъ съ 2-хъ растеній по 20 такихъ коробочекъ. Сосчитаемъ на крышкѣ каждой изъ нихъ число лучей. Оказывается, что это число не одинакcво на всѣхъ коробочкахъ, но лучи располагаются на двухъ первыхъ попавшихся растеніяхъ слѣдующимъ образомъ:

Число лучей		7	8	9	10	11	12	13	всего коробочекъ
Число коробочекъ	№ 1:	3	9	4	3	1			20
	№ 2:		1	2	5	7	3	2	20

Такое распредѣленіе числа лучей на коробочкахъ каждаго мака мы можемъ выразить и графически, при помощи полигона, или кривой, горизонтальныя ординаты которой обозначаютъ число лучей, а вертикальныя—число коробочекъ, соотвѣтствующихъ первымъ (Рис. 1). Сосчитавъ число лучей на коробочкахъ у многихъ

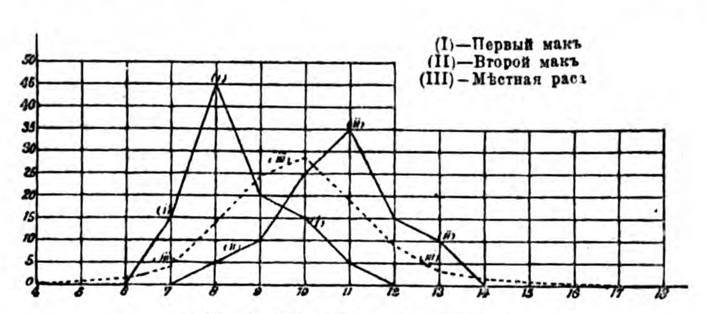

Рис. 1. Кривая варіаціи мака.

экземпляровъ мака въ какой-нибудь мѣстности, мы получимъ кривую распредѣленія этого признака въ данной мѣстной его разновидности, а продѣлавъ то же для многихъ растеній этого вида, взятыхъ изъ разныхъ странъ,—кривую, характеризующую видъ. Подобнаго рода кривыя мы можемъ составлять для любыхъ признаковъ и организмовъ (или видовъ). Для каждаго организма (или вида) и признака будетъ и своя кривая. Какъ извѣстно изъ математики, такія кривыя характеризуются слѣдующими чертами: а) модусомъ (=норма) или той степенью признака, которая наиболѣе часта въ кривой. Въ первомъ изъ нашихъ примѣровъ это будетъ 8 лучей, во 2-мъ—11; б) тѣмъ, насколько скучены другія степени признака около этого модуса. Если большинство индивидуумовъ, положимъ, данной разновидности (расы) мака, стремится имѣть близкое къ модальному число лучей на чашечкахъ, то кривая будетъ острой. Если въ расѣ есть много индивидуумовъ, имѣющихъ и болѣе или менѣе далекія отъ модальныхъ числа лучей, то кривая будетъ пологой. Въ первой расѣ индивидуумы, слѣдовательно, меньше варіируютъ, чѣмъ во второй. Такимъ образомъ, модусъ, т.-е. та степень признака, которая наиболѣе часто встрѣчается, и варіація этого признака характеризуютъ

индивидуума или расу. [1]). Но вѣдь признаки въ данномъ индивидуумѣ не независимы другъ отъ друга; они находятся въ связи—въ корреляціи. Еще Кювье по одной кости считалъ возможнымъ возстановить все животное. Вотъ эта-то корреляція и является третьимъ свойствомъ, характернымъ для индивидуума или расы, и заслуга Пирсона состоитъ въ томъ, что онъ предложилъ удобную формулу для ея выраженія [2]). Предположимъ, теперь, что передъ нами раса, характеризующаяся опредѣленными модусомъ, варіацей и корреляцей признаковъ ея представителей. Если эта раса подвергнется въ борьбѣ за существованіе отбору, или вліянію среды, то тогда и три вышеупомянутыхъ, характеризующихъ ее свойства: модусъ, варіація и корреляція измѣнятся. Такъ, а пріори, мы должны ожидать, что если условія существованія станутъ болѣе суровыми и отборъ болѣе интенсивнымъ, то варіація уменьшится, т.-е. большинство индивидуумовъ окажутся построенными по образцу болѣе, чѣмъ прежде, опредѣленному, т.-е. болѣе близкому къ модусу, ибо не близкіе къ нему вымрутъ. Корреляція, напротивъ, возрастетъ, т.-е. индивидуумъ окажется какъ бы болѣе прочно и болѣе точно построеннымъ [3]). Мало того:

---

[1]) Варіація выражается формулой $\sqrt{\frac{\Sigma x^2}{N}}$, гдѣ Σx^2 есть сумма квадратовъ отклоненій признака отъ средней его величины, а N число случаевъ. Средняя выводится по правиламъ ариѳметики. (См. приложеніе).

[2]) Эта формула впервые была дана Браве, Пирсонъ же показалъ, что она есть наилучшее выраженіе корреляціи. Вотъ она: $r=\frac{\Sigma xy}{N\sigma_1 \sigma_2}$; здѣсь r коэффиціентъ корреляціи; онъ имѣетъ величины отъ 0 до 1. Σxy—сумма произведеній каждаго изъ отклоненій перваго признака отъ его средней на соотвѣтствующее ему отклоненіе второго признака отъ своей средней. N—число случаевъ а σ_1 и σ_2—варіаціи перваго и второго признаковъ, выраженныя по формулѣ, указанной выше. Выводъ и примѣненіе этой формулы см. Е. Е. Слуцкій. Теорія корреляціи. Кіевъ, Оглоблинъ. 1912. Необходимо помнить, что корреляція есть только сосуществованіе и не указываетъ на причинную зависимость, а лишь на наиболѣе вѣроятную степень одного явленія при данной степени другаго.

Изложеніе теоріи корреляціи и ея видоизмѣненій нѣмецкими авторами, а также понятія о контингенціи резюмировано въ «Die Differenzielle Psychologie» von. V. Stern. Leipzig, Barth, 1911. Здѣсь же указаны многочисленныя примѣненія формулы корреляціи къ психометріи и литература. Подробнѣе: Betz. W. Ueber Korrelation, Beiheft zur Zeitschrift für Angewandte Psychologie 1911, гдѣ—обширная литература по корреляціи. Критика корреляціи: Spearman въ American Journal of Psychology, 04. Карлъ Ранке въ Archiv für Antropologie за 1905 г. Выводъ формулъ корреляціи у Czekanowski. Untersuchungen über das Verhältniss der Kopfmasse zu den Schädelmassen. Archiv für Anthropologie, Neue Folge B. VI. Изложеніе біометріи въ примѣненіи къ антропологіи у Мартина въ его обширномъ руководствѣ (Prof. R. Martin. Lehrbuch der Anthropologie. Jena, Fischer) и въ ниже цитируемомъ сочиненіи Johansen'a. Принципіальное несогласіе съ Гальтономъ, см. Brooks. An inherent error in the views of Galton and Weissman on Variation. Science N. S. v. 1 p. 121 (варіація возникла теперь, а не въ прошломъ).

На русскомъ языкѣ теорія корреляціи изложена также въ слѣд. сочиненіи д-ра А. Леонтовича: Элементарное пособіе къ примѣненію методовъ Gauss'a и Pearson'a при оцѣнкѣ ошибокъ въ статистикѣ и біологіи. Кіевъ, Кульженко 1911;—содержитъ перечень статей, помѣщенныхъ въ Біометрикѣ, литературу и вспомогательныя таблицы. Пирсономъ выпущены спеціальныя таблицы для біометриковъ и статистиковъ (Tables for Statisticians and Biometricians. London, Clay).

[3]) Черепъ негра оказался очень варіирующимъ сравнительно съ черепомъ европейца именно въ тѣхъ своихъ признакахъ, которыми онъ отъ этого послѣдняго отличается. Не указываетъ ли это на развитіе европейской расы изъ негрской, говоритъ Пирсонъ, путемъ интенсивнаго отбора?

сравнивъ происшедшія въ этихъ свойствахъ измѣненія—для чего намъ надо выразить эти свойства при помощи указанныхъ выше формулъ—мы будемъ имѣть возможность получить и количественное выраженіе или, по крайней мѣрѣ, количественную оцѣнку отбора.

Изъ многочисленныхъ работъ Пирсона и его школы выяснились интересныя особенности только что указанныхъ свойствъ, характеризующихъ количественно организмъ. Такъ, о варіаціи еще Гальтонъ, котораго можно считать предшественникомъ Пирсона, говорилъ, что древніе греки съ ихъ склонностью къ пантеизму, навѣрное обоготворили бы ее, если бы сознавали, насколько все въ мірѣ подчинено закону большихъ чиселъ. Что бы мы ни измѣрили: величину кровяныхъ тѣлецъ лягушки, размѣры небесныхъ тѣлъ, число выпаденій орла при бросаніи монеты... все это подчинено ему. Біометрики еще болѣе расширили это понятіе, такъ что и наслѣдственность, по ихъ мнѣнію, можетъ быть разсматриваема лишь какъ частный случай варіаціи. Оказалось, именно, что, во-первыхъ, значительной варіаціей обладаетъ не только потомство, происшедшее какъ результатъ полового размноженія, но и партеногенетическаго [1]). Далѣе обнаружилось, что совершенно такой же варіаціей обладаютъ одинаковые недифференцированные органы (undifferentiated like organs), выдѣляемые какимъ-нибудь существомъ, напримѣръ листья дерева, коробочки мака и т. д. Является поэтому вопросъ: не сводится ли и наслѣдованіе просто къ выдѣленію такихъ же недифференцированныхъ одинаковыхъ органовъ, которые суть въ этомъ случаѣ половыя клѣтки—сперматозоиды и овоиды. Кратко говоря: производитъ ли насѣкомое рядъ потомковъ партеногенетически или половымъ размноженіемъ, выростаютъ ли на деревѣ листья, выдѣляются ли кровяные шарики въ организмѣ, родятся ли дѣти у человѣка—всѣ эти листья, шарики, потомки и т. д. представятъ такое же распредѣленіе своихъ признаковъ, какъ указанное выше распредѣленіе числа лучей на головкахъ мака: признаки ихъ расположатся по такимъ же кривымъ. Потомки будутъ, значитъ, не всѣ одинаковы, но представятъ расу въ миніатюрѣ. Вотъ передъ нами таблица корреляціи роста родителей и дѣтей (Табл. 1).

Мы видимъ изъ нея, что дѣти, происшедшія отъ родителей опредѣленнаго роста—положимъ 68 дюймовъ, будутъ по своему росту располагаться такъ, что образуютъ кривую, имѣющую опредѣленные (зависящіе, какъ ниже увидимъ, отчасти отъ родительскихъ) модусъ, среднюю и варіацію, т.-е. эти дѣти представляютъ расу въ миніатюрѣ. Предположимъ теперь, что эти 430 дѣтей произведены не 430-ю родителями, а однимъ родителемъ. Тогда вѣдь мы получимъ то же, что и при выдѣленіи деревомъ листьевъ: та же раса въ миніатюрѣ, только листовымъ зачаткамъ дерева—у человѣка соотвѣтствуютъ овоиды и сперматозоиды. Такое сопоставленіе

---

[1]) Для ознакомленія съ различными видами варіаціи можетъ быть рекомендовано сопоставленіе слѣдующихъ двухъ работъ: W. Bateson. Materials for the study of variation. London, Macmillan 1894, и Kellog and Bell. Studies on variation in insects. Washington Academy of Sciences, proceedings, 1904, December. См. также указанную ниже генетику Бетсона и особенно критику его работы о варіаціи въ American Naturalist 1912, April, стр. 144, въ статьѣ Осборна.

Таблица I. Корреляція роста родителей и дѣтей (въ дюймахъ, по матеріаламъ Гальтона).

	Ростъ дѣтей.								Сумма.	Среднiй ростъ дѣтей.
	60,7	62,7	64,7	66,7	68,7	70,7	72,7	74,7		
Ростъ родителей [1]) 64	2	7	10	14	4	·	·	·	37	65,29
66	1	15	19	56	41	11	1	·	144	66,89
68	1	15	56	130	148	69	11	·	430	67,77
70	1	2	21	48	83	66	22	8	251	68,97
72	·	·	1	7	11	17	20	6	62	70,83
74	·	·	·	·	·	·	4	·	4	72,70
Сумма....	5	39	107	255	287	163	58	14	928	68,086
Среднiй ростъ родителей...	66,40	66,62	67,70	67,83	68,39	69,09	70,52	70,86	68,36	

какъ бы оправдывается еще слѣдующимъ интереснымъ результатомъ, полученнымъ біометриками: степень сходства (по формулѣ корреляціи) между листьями дерева, кровяными тѣльцами лягушки, яичками, отложенными бабочкой—вообще между одинаковыми недифференцированными органами, оказалась такой же, какъ между братьями или сестрами у человѣка, и вообще какъ между членами одного поколѣнія въ растительномъ и животномъ мірѣ. И тамъ и здѣсь корреляція (r) равна приблизительно 0,5 [2]). Это еще разъ указываетъ на то, что братья и сестры могутъ быть приравнены къ недифференцированнымъ сходнымъ (одинаковымъ) органамъ, и наслѣдственность есть, значитъ, просто одинъ изъ частныхъ случаевъ варіаціи—свойства болѣе общаго, которому подчинено въ мірѣ все, имѣющее общее происхожденіе отъ одного индивидуума или отъ одной силы. Является поэтому вопросъ, не есть ли эта варіація свойство не только болѣе общее, чѣмъ наслѣдственность, но и болѣе древнее, предшествовавшее эволюціи организмовъ, и даже, быть можетъ, въ значитель-

[1]) Онъ полученъ такъ: ростъ матери помноженъ на отношеніе между ростомъ женщинъ и мужчинъ вообще, которое Гальтонъ принялъ равнымъ 1,08. Затѣмъ исправленный такимъ образомъ ростъ матери сложенъ съ ростомъ отца, и сумма раздѣлена пополамъ. Тоже сдѣлано для роста дѣтей.

[2]) Предложенное школой біометриковъ понятіе о гомотипіи изложено въ обширномъ мемуарѣ въ «Philosophical Transactions» Королевскаго Общества за 1901 годъ» (On the principle of Homotyposis. Phil. Trans. Series A. v. 197). Ожидается такой же мемуаръ для животнаго царства. Въ тѣхъ же «Transactions» помѣщены большинство основныхъ работъ по біометріи (теорія корреляціи, наслѣдованіе, возстановленіе роста доисторическихъ расъ и т. д.). Общее ихъ названіе: «Mathematical Contributions to the theory of Evolution». Очень краткая критика гомотипіи у Johannsen, 13 см. ниже.

ной степени ее обусловившее. Вѣдь варіація индивидуума по даннымъ Пирсона составляетъ 80% варіаціи расы. Если всякій организмъ даетъ рядъ потомковъ, представляющихъ различныя степени варіаціи своихъ признаковъ, а не вполнѣ сходныхъ съ материнскимъ организмомъ, то тѣмъ самымъ можетъ начаться подборъ, ибо эти варіаціи представляютъ матеріалъ для него. Между тѣмъ, одно изъ главнѣйшихъ возраженій Дарвину и заключалось именно въ томъ, что необъяснимымъ оставалось, откуда берутся тѣ варіаціи (уклоненія), которыя, будучи полезными въ данной обстановкѣ и передаваясь наслѣдственно, все болѣе усиливаются этимъ отборомъ въ ряду поколѣній и ведутъ къ образованію новыхъ видовъ. Раньше считали ихъ случайными[1]). Обратимся теперь вновь къ таблицѣ корреляціи и посмотримъ, въ чемъ собственно заключалось наслѣдованіе роста. Родители, которыхъ ростъ былъ 74 дюйма, дали дѣтей, которыхъ средній ростъ 72,7 оказывается выше средняго роста всѣхъ дѣтей, равнаго 68,086 дюйма; такъ какъ и родители ихъ были выше средняго роста родителей вообще (=68,36 дюйма), то значитъ здѣсь произошло унаслѣдованіе;но въ то же время мы видимъ,что ростъ дѣтей этихъ не настолько увеличился, какъ ростъ ихъ родителей, а склоняется и къ среднему росту всего населенія. Возьмемъ родителей малаго роста, равнаго 64 дюймамъ.Ихъ дѣти точно такъ же слѣдуютъ за ними не вполнѣ: ростъ этихъ послѣднихъ въ среднемъ выше, чѣмъ ростъ ихъ родителей, т.-е. тяготѣетъ опять-таки къ среднему росту всего населенія. Отчего происходитъ эта р е г р е с с і я къ общей средней? Почему потомки, представляютъ собою расу въ миніатюрѣ, а не всѣ вполнѣ сходны съ произведшими ихъ родителями? Потому, что они наслѣдуютъ свои признаки не отъ родителей только, а отъ длиннаго ряда предковъ. Этотъ-то рядъ мертвецовъ не даетъ возможности сыну выдающагося по какому-нибудь признаку человѣка стать такимъ же выдающимся; такъ, уничтоживъ въ предыдущемъ примѣрѣ вліяніе предковъ въ правой части таблицы, мы создали бы породу титановъ, какъ говоритъ Пирсонъ; но съ другой стороны, то же вліяніе предковъ не позволяетъ и сыну низко стоящаго по качествамъ отца окончательно пасть. Каковъ же ходъ этого наслѣдованія отъ предковъ? Здѣсь-то біометрія и помогаетъ своей формулой корреляціи. Коэффиціентъ корреляціи въ этомъ случаѣ будетъ коэффиціентомъ наслѣдованія. Предположимъ, что дитя получаетъ признаки цѣликомъ отъ отца или отъ матери, т.-е. что признаки не смѣшиваются. Тогда по какому-нибудь признаку половина потомства будетъ похожа на отца, а половина нѣтъ[2]). Сравнивъ это потомство съ отцами, мы получимъ значитъ, что 50% потомства будутъ на нихъ походить, т.-е. коэффиціентъ корреляціи будетъ 0,5. Какъ выразится сходство этого потомства съ дѣдами? Мы видѣли только что, что 50% сыновей похо-

---

[1]) Для критическаго отношенія къ этому вопросу въ связи съ представляющимъ для антрополога интересъ понятіемъ о различныхъ категоріяхъ признаковъ см. указанную выше работу K e l l o g aud B e l l, а также H e i n c k e. Naturgeschichte des Herings (см. ниже).

[2]) По теоріи вѣроятностей. Подробный выводъ въ Philosophical Trausactions v. CXCII стр. 274.

дятъ на отца. Но изъ отцовъ половина, т.-е. тоже 50%, въ силу того же предположенія, будутъ походить на своихъ отцовъ, т.-е. на дѣдовъ. Значитъ, въ разсматриваемомъ поколѣніи—у сыновей—на дѣдовъ будетъ походить четверть, т.-е. 0,25%. Продолжая это разсужденіе, мы найдемъ, что на прадѣдовъ будутъ походить $^1/_8$, на прапрадѣдовъ $^1/_{16}$ потомства и т. д. Таковы были бы коэффиціенты наслѣдованія, если бы оно происходило безъ смѣшенія признака и возвращенія части потомства къ типу болѣе или менѣе отдаленныхъ предковъ, т.-е. безъ реверсіи (которую не слѣдуетъ смѣшивать съ регрессіей и атавизмомъ[1]). Если же происходитъ смѣшеніе или реверсія, то на отца будутъ походить не 50% потомства, а меньше, такъ какъ часть его будетъ походить на болѣе отдаленнаго предка той же расы, или же признакъ отца видоизмѣнится материнскимъ. При помощи нѣкоторыхъ алгебраическихъ дѣйствій можно вычислить, каковы должны быть коэффиціенты сходства съ родителями и болѣе отдаленными предками при различныхъ формахъ наслѣдованія (Таблица 2), а изъ наблюденій надъ организмами можно вывести тѣ коэффиціенты, которые дѣйствительно имѣютъ мѣсто въ природѣ, и такимъ образомъ, сравнивъ первые со вторыми, опредѣлить, какая изъ этихъ формъ приложима къ данному случаю[2]). Но въ біометрическомъ изученіи наслѣдованія, по словамъ Пирсона, есть намеки на одинъ результатъ болѣе общаго характера. А именно, повидимому обнаруживается, что интенсивность наслѣдованія одинакова для всѣхъ видовъ наслѣдованія, для всѣхъ органовъ и для всѣхъ формъ жизни. Если бы это подтвердилось, то мы получили бы еще новое указаніе на универсальность наслѣдованія, стоящее въ связи съ тѣмъ, что наслѣд-

Таблица 2. Интенсивность наслѣдственности.

РОДСТВЕННИКИ.	Смѣшанная наслѣдственность.	Исключительная наслѣдственность.
Родитель и дѣти	0,3	0,5
Дѣдъ и внуки	0,15	0,25
Прадѣдъ и правнуки	0,075	0,125
Дядя и племянникъ	1,15	отъ 0,1667 до 0,25
Братья—три или больше въ семьѣ	0,4	отъ 0,3333 до 0,5

[1]) Реверсія по Пирсону есть возобновленіе у даннаго индивидуума какого-нибудь признака, который имѣлся у опредѣленнаго предка этого индивидуума, напр., голубые глаза у дѣда и внука и каріе у родителей. Атавизмъ есть возвратъ къ такому типу, который въ данной расѣ совершенно не встрѣчается, а лишь въ расѣ или видѣ низшемъ. Регрессія есть, какъ выше было указано, тяготѣніе къ среднему признаку всего населенія.

[2]) Работы по вопросу о томъ, какіе коэффиціенты корреляціи получаются при наслѣдованіи по Менделю, указаны во 2 части статьи. Корреляція можетъ быть вычисляема

ственность есть, какъ думаютъ біометрики, лишь частный случай болѣе общаго явленія,—варіаціи.

Итакъ мы вновь возвращаемся къ варіаціи, этому весьма общему явленію,— которому подчинено все въ природѣ [1]) Все, что имѣетъ общее происхожденіе или произведено одной силой, представляетъ строй, или рядъ, расположенный по опредѣленной кривой, т.-е. расу въ миніатюрѣ: большинство индивидуумовъ будутъ имѣть среднія степени признаковъ, соотвѣтствующія наиболѣе частому, среднему, дѣйствію этой силы, а отклоненій отъ нихъ вправо и влѣво будетъ тѣмъ меньше, чѣмъ эти отклоненія больше относительно средней. Природа, производя извѣстный видъ организма, дѣйствуетъ подобно стрѣлку, который не можетъ всѣ пули направить въ самый центръ мишени, но онѣ располагаются, образуя какъ бы туманность, скученную около этого центра; природа, иначе говоря, какъ бы ошибается, т.-е. вслѣдствіе ряда отклоняющихъ причинъ значительное число представителей вида имѣетъ признаки въ типичной для него степени, но другіе представляютъ отклоненія, расположенныя въ видѣ такой туманности, или

и для признаковъ, не поддающихся точному измѣренію, напр. цвѣта глазъ, душевныхъ свойствъ. Вотъ примѣры коэффиціентовъ наслѣдованія для человѣка.

Признаки.	Корреляція.			
	Отецъ и сынъ.	**Отецъ и дочь.**	**Мать и сынъ.**	**Мать и дочь.**
Ростъ	0,51	0,51	0,49	0,51
Размахъ рукъ	0,45	0,45	0,46	0,45
Локоть (длина)	0,42	0,42	0,41	0,42
Цвѣтъ глазъ.	0,55	0,44	0,48	0,51
Умственная одаренность. .	0,49	—	—	—
То же.	0,58	—	—	—

Родители и дѣти.

Чахотка.	0,40 до 0,60
То же.	0,43 до 0,62
Помѣшательство	0,47 и 0,53
Глухонѣмота.	0,54
Близорукость.	0,60

Средняя корреляція между родителями и дѣтьми. 0,49
Средняя корреляція между членами одного поколѣнія (братьями и сестрами) 0,52

[1]) За однимъ впрочемъ курьезнымъ исключеніемъ: это рулетка въ Монако, по изслѣдованіямъ Пирсона (въ «Chances of Death») представляющая собою хаосъ, такъ какъ тѣ сочетанія, которыя по теоріи вѣроятностей должны были бы выйти только одинъ разъ въ милліоны лѣтъ, тамъ выходятъ иногда подрядъ.

же по кривой биноміальнаго типа [1]). Но предположимъ, что у нашего стрѣлка въ теченіе нѣкотораго времени мушка на ружьѣ была отклонена въ сторону, а онъ этого не замѣтилъ, и не исправилъ. Тогда наша туманность обратится въ туманность съ двойнымъ ядромъ, а если мы выразимъ распредѣленіе, которое получено такимъ образомъ, при помощи кривой, то эта кривая будетъ имѣть двѣ вершины. Если, измѣряя признаки многихъ индивидуумовъ какого-нибудь организма, мы найдемъ въ кривой двѣ вершины, это значитъ, что мы имѣемъ дѣло не съ чистымъ видомъ, а со смѣсью двухъ видовъ, или съ начавшимся расщепленіемъ вида, или, быть можетъ, съ воздѣйствіями на организмъ двухъ какихъ-нибудь факторовъ. Даже если кривая не двувершинна, а только уплощена или просто скошена, мы можемъ предполагать присутствіе нѣсколькихъ силъ или видовъ [2]). Заслуга Пирсона въ нахожденіи математическихъ пріемовъ анализировать такія кривыя, т.-е. разлагать многовершинную или скошенную кривую на составляющія ее элементарныя кривыя. Вотъ примѣръ такого разложенія, взятый изъ собранія работъ Пирсона, носящаго общее названіе «Шансы смерти и другія изысканія въ области эволюціи» [3]). Передъ нами (рис. 2) кривая смертности въ различномъ возрастѣ населенія Англіи. Горизонтальныя ординаты обозначаютъ возрастъ, а вертикальныя число случаевъ смерти на 1000 индивидуумовъ. Она, значитъ, наглядно показываетъ, сколько человѣкъ изъ тысячи умираетъ въ извѣстномъ возрастѣ. При помощи математическаго анализа Пирсонъ нашелъ, что кривая разлагается на пять кривыхъ, которыя и обозначены на рисункѣ. Каждая изъ этихъ элементарныхъ кривыхъ соотвѣтствуетъ особому роду смертности, поражающему человѣка въ опредѣленномъ возрастѣ и съ опредѣленною мѣткостью. При этомъ обнаружилась интересная особенность этой кривой. Оказывается именно, что ее можно только тогда разложить на пять указанныхъ кривыхъ, когда мы ее продолжимъ мысленно и для времени до рожденія: только тогда данныя, полученныя наблюденіемъ (крестики на рисункѣ) и слагающаяся изъ 5 элементовъ вычисленная кривая сливаются. Это

---

[1]) Какъ извѣстно изъ алгебры $(a+b)^2=a^2+2ab+b^2$; $(a+b)^3=a^3+3a^2b+3ab^2+b^3$; и т. д. Коэффиціенты одночленовъ будутъ: въ первомъ случаѣ 1, 2, 1; во второмъ 1, 3, 3, 1; при возвышеніи $(a+b)$ въ 4-ю степень коэффиціенты будутъ: 1, 3, 4, 4, 3, 1, и т. д. Возставивъ къ горизонтальной прямой перпендикуляры на равномъ разстояніи другъ отъ друга, длины которыхъ были бы пропорціональны этимъ коэффиціентамъ, и соединивъ ихъ вершины отъ руки кривою линіей, мы и получимъ биноміальныя кривыя. Туманность или биноміальную кривую мы получаемъ въ зависимости отъ того, изображаемъ ли распредѣленіе отклоненій въ пространствѣ, или же на плоскости; сущность же явленія остается одна и та же. Дѣйствительныя наблюденія не даютъ обыкновенно плавныхъ кривыхъ, но обнаруживаютъ зубчатость, что зависитъ отъ недостаточно большаго числа наблюденій. Имѣя такую зубчатую кривую, можно, при помощи несложныхъ вычисленій, найти и плавную биноміальную кривую, наиболѣе близкую къ зубчатой. (См. прилож.). Не надо смѣшивать зубчатость, зависящую отъ немногочисленности матеріала, съ дѣйствительной многовершинностью, которая свидѣтельствуетъ (при достаточномъ числѣ наблюденій) о неоднородности матеріала, о смѣшеніи его изъ двухъ или болѣе расъ, или типовъ, и т. д.

[2]) О томъ, что и кривая, по виду симметричная и одновершинная, можетъ состоять изъ разнороднаго матеріала ср. Johannsen 1913, l. c.

[3]) K. Pearson. Chances of Death and other studies in Evolution. 2 v. London, Arnold, 1897.

Русское изложеніе одной статьи: Б. Хрущевъ. Смертность и пять возрастовъ жизни;—въ журналѣ «Научное Слово» 1903 г. кн. II.

какъ бы смерть до рожденія, смерть въ утробѣ матери. Мы должны продолжить эту послѣднюю кривую за девять мѣсяцевъ до рожденія, т.-е. до момента зачатія. Дальше, достигая наименьшей величины въ возрастѣ 13—14 лѣтъ, кривая медленно повышается до 72-лѣтняго возраста, гдѣ и лежитъ ея максимумъ, а затѣмъ быстро падаетъ. Изслѣдуя ближе пять элементарныхъ кривыхъ, на которыя разложилъ общую кривую Пирсонъ, мы можемъ опредѣлить для каждой изъ нихъ, во-первыхъ, модусъ: онъ будетъ обозначать тотъ возрастъ, въ который цѣлится извѣстный родъ смерти; во-вторыхъ, варіацію, т.-е. среднее отклоненіе или мѣткость выстрѣловъ этого рода смерти; въ третьихъ, скошенность. Первая справа будетъ старческая смертность съ модусомъ на 72; стрѣлокъ этой смерти какъ бы опи-

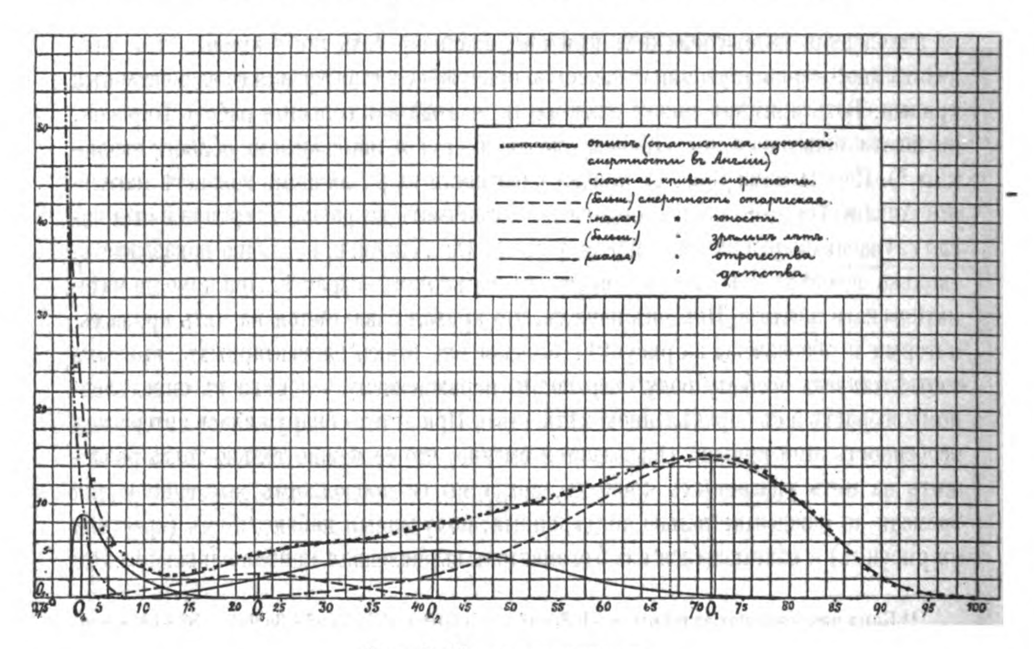

Рис. 2. Кривая смертности.

бается, забирая нѣсколько влѣво въ сторону юности (кривая нѣсколько скошена), т.-е. отъ причинъ этой смертности умираютъ иногда и болѣе молодые—преждевременные старики. Всего этотъ родъ смерти поражаетъ 484-хъ изъ тысячи. Слѣдующая за нею причина смертности имѣетъ модусъ на 42 году жизни и почти симметрична. Стрѣлокъ мѣтитъ немного лучше (варіація 12 лѣтъ, а у старческой смертности $13^1/_2$), но выпускаетъ меньше выстрѣловъ, чѣмъ первый (173 изъ тысячи), и его природа есть, вѣроятно, спеціальныя болѣзни въ родѣ рака, а также несчастные случаи. Третій стрѣлокъ мѣтитъ въ возрастъ 23 года, поражая всего 51 изъ тысячи, и концентрируя хорошо свой огонь на намѣченной цѣли—его средняя варіація равна 7—8 годамъ. Это есть юношеская смертность, совпадающая съ періодомъ пробужденія новыхъ функцій въ организмѣ. Далѣе идетъ четвертая

слагающая, напоминающая по своей формѣ кривыя смертности отъ дифтерита и скарлатины. Модусъ ея лежитъ на 3—5 году жизни и поражаетъ она 46 на тысячу. Стрѣлокъ, олицетворяющій эту смерть, мѣтитъ очень хорошо: его среднее отклоненіе равно 3,5 года, и огонь такимъ образомъ очень сконцентрированъ— какъ бы изъ митральезы. Наконецъ, идетъ послѣдняя слагающая. Она весьма замѣчательна. Во-первыхъ, какъ уже было сказано, лишь продолживъ ее за предѣлы жизни до момента зачатія, мы получаемъ полное совпаденіе той кривой, которая получилась Пирсономъ изъ пяти указанныхъ слагающихъ, съ данными наблюденія. Во-вторыхъ, такъ какъ начало этой кривой пришлось принять съ момента зачатія, т.-е. продолжить ее совершенно теоретически за 9 мѣсяцевъ до рожденія, то явилась возможность предсказать смертность въ различныхъ періодахъ утробной жизни, т.-е. количество мертворожденныхъ дѣтей въ разныхъ мѣсяцахъ, и сдѣланныя потомъ наблюденія подтвердили это предсказаніе. Мѣткость стрѣлка, соотвѣтствующаго этой послѣдней слагающей, весьма велика, варіація менѣе одного года, а дѣтская смертность равна 246 изъ тысячи. Олицетворяетъ этотъ стрѣлокъ причины преимущественно наслѣдственныя — болѣзни и недостатки родителей и предковъ. Такое разложеніе кривой было по указаніямъ Пирсона изображено однимъ художникомъ въ видѣ «Моста Жизни» (рис. 3). По

Рис. 3. Мостъ жизни.

этому мосту идетъ человѣкъ съ рожденія и до кончины, и въ каждомъ возрастѣ въ него мѣтитъ главнымъ образомъ свой спеціальный родъ смерти, стрѣляющій болѣе или менѣе совершеннымъ оружіемъ. Когда человѣкъ проходитъ прямо противъ того мѣста, куда направлено оружіе, тогда онъ подверженъ и наибольшей смертности отъ данной причины. Но и въ сосѣдніе возрасты залетаютъ иногда снаряды стрѣлковъ. Такъ мы видѣли, что старческая смертность поражаетъ иногда и юношей. Уже при самомъ появленіи человѣка на свѣтъ, смерть стремится

поразить его костями его же предковъ—роковыми наслѣдственными вліяніями. Этотъ рисунокъ, говоритъ Пирсонъ, долженъ замѣнить средневѣковыя представленія о «Пляскѣ смерти», гдѣ смерть танцуетъ одинаково съ людьми всѣхъ классовъ и возрастовъ.

Итакъ, пять стрѣлковъ подстерегаютъ насъ въ теченіе всего нашего шествія по мосту жизни. Избираютъ ли эти пять причинъ смертности опредѣленныя жертвы, или же онѣ стрѣляютъ безъ разбора въ толпу людей, убивая кого попало? Мы приходимъ, иначе говоря, къ вопросу о томъ, существуетъ ли въ человѣчествѣ, какъ и въ мірѣ организмовъ, естественный подборъ, выживаютъ ли только приспособленные, а слабые гибнутъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ помогаетъ та же формула корреляціи. По даннымъ біометріи, и физическіе, и духовные признаки человѣка наслѣдуются одинаково, и степень сходства между родителями и дѣтьми выражается коэффиціентомъ 0,5. Какъ должна наслѣдоваться продолжительность жизни, связанная, несомнѣнно, съ общей крѣпостью организма? Если бы естественнаго подбора совершенно не было, то смерть, значитъ, поражала бы всѣхъ безъ разбора, а не слабыхъ преимущественно, и мы бы не нашли никакой зависимости между продолжительностью жизни родителей и дѣтей. Если бы, наоборотъ, естественный подборъ дѣйствовалъ съ полной силой, то смерть поражала бы сначала слабыхъ, а сильные дольше жили бы, т.-е. между продолжительностью жизни родителей и дѣтей мы нашли бы такую же связь, какая найдена и между наслѣдственно передающимися всякими другими признаками, т.-е. 0,5. На дѣлѣ оказалось, что коэффиціентъ наслѣдованія продолжительности жизни имѣетъ нѣкоторую промежуточную величину между 0 и 0,5. Это значитъ, что лишь часть смертей происходитъ отъ естественнаго отбора, часть же отъ причинъ совершенно случайныхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ физической крѣпостью. Изъ полученнаго коэффиціента возможно опредѣлить и соотношеніе между двумя родами смерти: избирающей, т.-е. отборомъ, и безпорядочной, которая случайна. Это соотношеніе оказалось равнымъ приблизительно 70%. Такъ велико дѣйствіе въ человѣчествѣ естественнаго отбора [1]). Можно его констатировать и инымъ способомъ. Пусть напримѣръ у насъ имѣются двѣ мѣстности, въ одной изъ которыхъ дѣтская смертность велика,

---

[1]) Краткое изложеніе этой работы Пирсона помѣщено въ «Proceedings of the Royal Society» vol. 65: «A first study of the inheritance of longevity, and the selective Death-rate in Man; by Mary Beeton and Karl Pearson» подробная работа въ Philosophical Transactions; см. также первые номера біометрики. По-русски изложеніе въ «Грамматикѣ Науки». Въ тѣхъ же Proceedings другая, связанная съ первой работа: «On the correlation between duration of life and the number of offspring», vol 67. Тамъ же Pearson. The intensity of natural Selection in Man. Proceedings 1912.

Позволяю себѣ указать, что идеи отбора (напр. военнаго) среди человѣчества и даже попытки опредѣлить его количественно были сдѣланы въ издававшемся въ 70-хъ годахъ журналѣ «Знаніе» русскимъ ученымъ Чурилинымъ. Идеи искусственнаго отбора путемъ уничтоженія выдающихся элементовъ населенія средневѣковыми феодалами мы находимъ у Крживицкаго («Антропологія») и въ сочиненіяхъ другихъ авторовъ, напр. Lapouge. Les selections sociales. Отрицательный отборъ, т.-е. стремленіе къ вступленію въ бракъ психически ненормальныхъ субъектовъ съ себѣ подобными, составило предметъ работы П. П. Тутышкина. (Роль отрицательнаго отбора въ процессѣ семейнаго вырожденія. Харьковъ. Зильбербергъ 1902). Было бы интересно, если бы авторъ перечислилъ свои данныя по методу корреляціи.

а въ другой мала. Если окажется, что продолжительность жизни взрослыхъ (оставшихся въ живыхъ) въ первой изъ этихъ мѣстностей больше, чѣмъ во второй, то передъ нами не что иное, какъ выживаніе наиболѣе сильныхъ, т.-е. все тотъ же естественный отборъ. Такія работы и были дѣйствительно произведены, и насколько пока можно судить, существованіе отбора этимъ пріемомъ подтвердилось[1]). Но кромѣ естественнаго отбора въ мірѣ организмовъ наблюдается генетическій отборъ, когда произведеніе потомства въ одной части вида становится больше, чѣмъ въ другой. Для того, чтобы констатировать существованіе генетическаго отбора у человѣка, надо сравнить типъ и варіацію лицъ, вступившихъ въ бракъ, съ типомъ и варіацией во всемъ населеніи страны. Пока такого рода сравненія были сдѣланы въ Англіи только для двухъ признаковъ—роста и цвѣта глазъ. Болѣе или менѣе достовѣрныя данныя получились лишь относительно цвѣта глазъ; а именно оказалось, что вступать въ бракъ стремятся главнымъ образомъ свѣтлоглазые. Отъ чего бы это ни зависѣло, если бы такой фактъ существовалъ, то онъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній вызвалъ бы несомнѣнно измѣненіе типа: типъ всего населенія приблизился бы къ типу вступающихъ въ бракъ.

Отъ генетическаго отбора, по Пирсону, надо отличать репродуктивный отборъ, зависящій отъ большей плодовитости одной части населенія, сравнительно съ другой. Положимъ, что мы сравнили признаки женъ вообще и тѣхъ изъ замужнихъ женщинъ, которыя имѣютъ дѣтей. Такое сравненіе для Англіи показало, насколько можно судить по имѣющемуся пока незначительному матеріалу, что болѣе плодовиты женщины высокаго роста и темноглазыя. Значитъ населеніе должно бы становиться все болѣе высокимъ и темнымъ, и когда оно все станетъ высокимъ и темнымъ,—измѣненія прекратятся. Дѣйствительно, у нѣкоторыхъ растеній (напр. мака) былъ найденъ слѣдующій интересный фактъ: было опредѣлено число лучей на сѣмянныхъ коробочкахъ, и при этомъ оказалось, что тѣ коробочки, на которыхъ это число близко къ модальному, т.-е. типичному для даннаго растенія, давали гораздо больше сѣмянъ, чѣмъ тѣ, которыя отъ типичныхъ отличались. Наибольшая плодовитость, здѣсь, такимъ образомъ, связана съ типичной для данной расы степенью признака, поэтому раса больше отъ репродуктивнаго отбора не мѣняется: она установилась. Если бы этого не было, то начались бы измѣненія въ сторону той степени признака, которая связана съ наибольшей плодовитостью[2]). Есть вѣроятно у человѣка и періодическій отборъ, ибо до зрѣлаго возраста доживаетъ лишь извѣстный процентъ родившихся, а типъ населенія остается, повидимому, постояннымъ. Итакъ, пріемы біометріи даютъ основаніе надѣяться не только обнаружить, но и измѣрить различнаго рода отборы. Не менѣе интересные результаты получа-

---

[1]) E. C. Snow. The intensity of natural selection in Man. Drapers' C-o Research Memoirs. London, Dulau '11.

M. Greenwood and J. Brown. An examination of some factors influencing the rate of infant Mortality. Cambridge University Press '12.

Новая работа Snow по тому же вопросу въ Biometrica 1913, March.

[2]) Примѣромъ половаго подбора у организмовъ служатъ медузы: оказалось, что плодовитость медузъ съ симметричнымъ и несимметричнымъ числомъ лучей неодинакова.

ются и при изслѣдованіи тѣхъ явленій, которыя помогаютъ отбору, напримѣръ барьеровъ, устраняющихъ смѣшеніе вновь возникшей разновидности съ прежними формами, смѣшеніе, которое имѣло бы послѣдствіемъ возвратъ къ первоначальному типу, или преобладаніе промежуточной формы[1]). Однимъ изъ такихъ барьеровъ служитъ стремленіе вступать въ бракъ сходныхъ по тѣмъ или инымъ признакамъ индивидуумовъ. Когда Пирсонъ составилъ таблицу корреляціи признаковъ мужей и женъ, то получился неожиданный результатъ: оказалось, что по этимъ признакамъ мужья и жены сходны больше, чѣмъ двоюродные братъ и сестра, чѣмъ дядя и племянница (Таблица 3). Такимъ образомъ,въ человѣчествѣ происходятъ процессы, которые для невооруженнаго точнымъ статистическимъ методомъ могутъ остаться необнаруженными [2]).

Таблица 3. Кореляція между признаками мужа и жены.

Признакъ.	Коэффиціентъ корреляціи.
Цвѣтъ глазъ	0,26
Ростъ	0,28
Размахъ рукъ	0,20
Длина локтя	0,20
Продолжительность жизни	0,20
То же у другой группы	0,25
То же у третьей группы	0,20
Состояніе здоровья	0,27
Среднее	0,23
Чахотка и другія болѣзни (среднее изъ 8)	0,21
Душевныя качества (среднее изъ 8 признаковъ)	0,22

Много другихъ вопросовъ можетъ быть освѣщено, при помощи формулъ корреляціи и варіаціи. Перечислить здѣсь все, что сдѣлано школой біометріи и ея послѣдователями въ самыхъ различныхъ областяхъ знанія, нѣтъ, разумѣется, возможности. Поэтому мы укажемъ лишь на нѣкоторые результаты. Варіація изучалась у человѣка и ряда организмовъ. У человѣка она изслѣдована самимъ Пирсономъ, при чемъ оказалось, что поддерживавшееся нѣкоторыми убѣжденіе въ томъ, что женщина болѣе консервативна въ своемъ типѣ, т.-е. меньше варіируетъ, должно быть оставлено: въ нѣкоторыхъ признакахъ она варіируетъ меньше мужчины, въ другихъ больше. Точно также приходится, какъ уже упоминалось, оставить и то воззрѣніе, что варіація обязана своимъ существованіемъ половому размноженію, ибо оказалось, что и при партеногенетическомъ размноженіи, напр.

[1]) Подробнѣе взгляды Пирсона на отборы и происхожденіе видовъ изложены въ «Грамматикѣ Науки».

[2]) Въ Біометрикѣ за 1913 г. помѣщена работа Harris'а о между классовой корреляціи, изъ которой авторъ выводитъ, что объясненіе гомогаміи у человѣка просто вступленіемъ въ бракъ лицъ, принадлежащихъ къ одному классу, несостоятельно.

у афидъ, она очень велика Отмѣтимъ также бо́льшую, повидимому, измѣнчивость древнихъ расъ человѣка, что указываетъ какъ бы на то, что среди нихъ не было еще интенсивнаго подбора. Изъ примѣненій формулъ корреляціи укажемъ, напримѣръ, на вычисленіе при помощи коэффиціента корреляціи наиболѣе вѣроятнаго роста доисторическихъ расъ по нѣсколькимъ костямъ [1]),на связь между количествомъ оспенныхъ и тифозныхъ заболѣваній и давностью прививки, между числомъ заболѣвшихъ малярiей и количествомъ москитовъ (Biom. v. VII), между количествомъ поглощенныхъ фагоцитами бактерій и свойствами среды (ibid), на то, что формула корреляціи примѣняется для установленія связи съ одной стороны между цѣнами ржи въ Москвѣ и Саратовѣ, а, съ другой, между элементарными психическими свойствами человѣка [2]); далѣе для сужденія о существованіи у человѣка телегоніи, т.-е. вліянія перваго мужа на признаки дѣтей, рожденныхъ отъ второго; для оцѣнки ошибокъ въ различныхъ мѣстахъ поля зрѣнія микроскопа при счетѣ кровяныхъ шариковъ и для установленія связи между высотами барометра въ 2 мѣстностяхъ; для количественнаго изученія роста—сравнивая коэффиціенты корреляціи какого-нибудь признака для 2 возрастовъ у тѣхъ же индивидуумовъ, для количественнаго выраженія сходства между мужчиной и женщиной; въ этнографіи—для опредѣленія связи между разными культурными явленіями, напримѣръ, одежды и татуировки; въ техникѣ—при разрѣшеніи вопросовъ объ устойчивости сводовъ и т. п. [3]). Наконецъ, и одинъ изъ самыхъ капитальныхъ вопросовъ: объ относительной цѣнности среды и расы—тоже можетъ быть до извѣстной степени количественно освѣщенъ при помощи формулы корреляціи и въ этомъ отношеніи сдѣлано довольно много [4]).

Такъ какъ взгляды біометриковъ на законы наслѣдованія стоятъ въ связи съ ихъ воззрѣніями на общія задачи науки, то нелишне будетъ привести здѣсь краткія біографическія свѣдѣнія объ основателяхъ школы.

Иниціаторомъ біометріи въ Англіи является Френсисъ Гальтонъ, родившійся

---

[1]) См. K. Pearson. On the reconstruction of the stature of prehistoric races. Philosophical Transactions. 1898. London Dulau. Вычисливъ по этимъ формуламъ ростъ курганнаго населенія Россіи, я нашелъ, что онъ оказывается меньше, чѣмъ то предполагалось проф. Богдановымъ.

[2]) Кромѣ указанной выше «Individuelle Psychologie» Stern'а примѣненіе корреляціи къ психологіи расъ (связь между воспріятіями различныхъ цвѣтовъ). См. у. Th. Mollison. Eine neue Methode zur Prüfung des Farbensinnes und ihre Ergebnisse an Europaeern und Somali. A. für A-gie. Ср. также: Whipple. Manual of Mental and Physical Tests. Baltimore. Warwick and Jork. 1910.

[3]) О ростѣ см. напр., R. Pearl. Some recent studies on Growth. Amer. Natur. (1909) May. Его же работа по примѣненію корреляціи къ агрикультурѣ въ томъ же журналѣ за 1911 г. July. Корреляція въ этнографіи см. Czekanowski. Objective Kriterien in der Ethnologie. Corr. Blatt der Deutschen A. Ges. 1911, 8—12. Техническія сочиненія о сводахъ, дамбахъ и т. п. см. Biometric Laboratory publications. Technical Series. London, Clay.

[4]) Содержаніе Біометрики см. у Леонтовича и въ индексѣ, который можно получить отъ Clay. London, Fether Lane (за 5 лѣтъ). По вопросу объ относительномъ вліяніи среды и расы см. второе изданіе E. M. Elderton. The relative strength of Nurture and Nature. 1915 (London, Clay). Здѣсь же отвѣтъ Пирсона своимъ критикамъ.

въ Бирмингемѣ въ 1822 году [1]). Его прадѣдъ по отцу былъ банкиръ, интересовавшійся естествознаніемъ и статистикой, а прадѣдъ по матери—извѣстный Эразмъ Дарвинъ, натуралистъ и поэтъ, сынъ котораго отъ перваго брака Робертъ былъ отцемъ знаменитаго Чарльза Дарвина. Дочь Эразма отъ втораго брака была матерью Гальтона. Въ юности Гальтонъ изучаетъ медицину въ Лондонѣ, путешествуетъ по Европѣ и нѣкоторое время слушаетъ лекціи Либиха. Затѣмъ учится математикѣ въ Кембриджѣ; въ 44 году онъ предпринимаетъ путешествіе по Сиріи, а въ 50 по юго-западной Африкѣ. По возвращеніи, Гальтонъ все время живетъ въ Лондонѣ, занимаясь цѣлымъ рядомъ научныхъ вопросовъ. Такъ, въ метеорологіи ему принадлежитъ честь открытія антициклоновъ; въ физіологіи «свистокъ Гальтона» для опредѣленія предѣловъ слуха, въ антропологіи сводные портреты, отпечатки пальцевъ и т. д.; но особенно интересуютъ его вопросы наслѣдственности. Подъ вліяніемъ «Происхожденія Видовъ» своего знаменитаго дяди онъ изучаетъ біографіи выдающихся людей Кембриджа и публикуетъ сначала въ 1865 году въ одномъ англійскомъжурналѣ, а потомъ и отдѣльной книгой, въ 75 году переведенной на русскій языкъ, свои изслѣдованія надъ передачей по наслѣдству талантливости («Hereditary Genius» [2]). Заинтересовавшись вообще наслѣдованіемъ признаковъ человѣка, онъ назначаетъ преміи за доставляемыя ему свѣдѣнія о семействахъ, и устраиваетъ антропометрическую лабораторію въ Кенсингтонскомъ музеѣ. Въ результатѣ собиранія этихъ матеріаловъ появляются въ 1883 г. «Изысканія о человѣческихъ способностяхъ» [3]), а въ 1889 капитальный трудъ «Природное наслѣдованіе», [4]) гдѣ впервые дано понятіе о регрессіи. Уже въ этихъ сочиненіяхъ Гальтонъ высказываетъ идеи о сознательномъ улучшеніи человѣка путемъ искусственнаго подбора и такъ увлекается ими, что въ 1904 г. основываетъ въ Лондонскомъ университетѣ лабораторію и каѳедру «евгеники». Въ 1911 году Гальтонъ скончался, завѣщавъ университету значительныя суммы на продолженіе начатаго имъ дѣла. Его послѣдователемъ и основателемъ «Біометрики» былъ Карлъ Пирсонъ, профессоръ прикладной математики и механики въ Лондонскомъ университетѣ. Онъ родился въ 1859 году, съ 75 по 80 годъ изучалъ въ Кембриджѣ математику, а въ Берлинѣ право и философію. Профессоромъ въ Лондонскомъ университетѣ состоитъ съ 1885 года. Взглядъ Пирсона на научный законъ выраженъ въ его «Грамматикѣ Науки», которая представляетъ собою какъ бы введеніе во всякое точное знаніе. Она выходитъ въ настоящее время третьимъ изданіемъ и переведена и на русскій языкъ, но къ сожалѣнію со

[1]) Источникомъ свѣдѣній о Гальтонѣ является его автобіографія, вышедшая вторымъ изданіемъ въ ноябрѣ 1908 г. Ея заглавіе: Francis Galton. Memories of my life. London, Metuen, 36, Essex Street. Весьма легко читаемая книга эта содержитъ, помимо интересной характеристики автора, исторію возникновенія идей корреляціи, евгеніи и т. д. Здѣсь же перечень 183-хъ мемуаровъ и работъ Гальтона. Въ 1915 году вышла книга Пирсона: «The Life, Letters and Labours of Francis Galton», London, Clay. vol I; отъ рожденія до брака (1822—1853).

[2]) Русскій переводъ: «Наслѣдственность таланта, ея законы и послѣдствія». Спб. 1875.

[3]) Inquiries into Human Faculty. London, Macmillan. Первое изданіе распродано. Теперь выпущено новое дешевое изданіе.

[4]) Natural Inheritance. London Macmillan. 1889.

стараго изданія. Рядъ статей этого ученаго по общимъ вопросамъ знанія помѣщенъ въ книгѣ «Этика свободной мысли» [1]). Для Пирсона характерно изученіе какого-нибудь вопроса не самого по себѣ, а въ связи съ общими задачами науки, и всѣ его работы объединены одной идеей, которую онъ унаслѣдовалъ отъ Дарвина и Гальтона, — идеей эволюціи. «Я разсматриваю феномены физическіе и соціальные, какъ непрерывный ростъ и стремлюсь описать его короткой формулой, говоритъ онъ». Эволюція интересовала его не только въ области организмовъ, но и въ явленіяхъ исторіи и духовной жизни человѣка. Такъ, съ цѣлью собрать матеріалы по фольклору и по развитію родственныхъ отношеній, Пирсонъ предпринимаетъ въ каникулярное время восхожденія на горы Австріи и Ю. Германіи и записываетъ тамъ весьма значительное количество названій родства; этотъ матеріалъ послужилъ для работы о развитіи современныхъ родственныхъ отношеній изъ первобытныхъ («Kindred group Marriage»). Кромѣ этой филологической работы, къ которой приложенъ и довольно большой словарь, развитію семьи посвящена имъ работа: «Женщина какъ вѣдьма». («Woman as Witch»); въ ней проводится мысль, что понятіе о вѣдьмѣ есть пережитокъ матріархата, т.-е. того періода, когда женщина стояла во главѣ рода, когда она вела хозяйство (почему и теперь вѣдьма изображается съ аттрибутами этого первобытнаго хозяйства), когда она отправляла богослуженіе, была свѣдущей въ леченіи; ей мы обязаны тѣмъ, что она сохранила жизнь нашихъ предковъ. Когда матріархатъ смѣнился патріархатомъ, старый порядокъ, какъ и всегда, сталъ презираться, и она стала считаться злой. Постепенная смѣна этихъ порядковъ сохранилась въ сказкахъ о Золушкѣ, которымъ посвящаетъ Пирсонъ особую работу («Aschiepattle»). Такого же рода сочиненія, объединенныя идеей эволюціи, имѣются у Пирсона и по другимъ вопросамъ, напримѣръ о развитіи средневѣко-

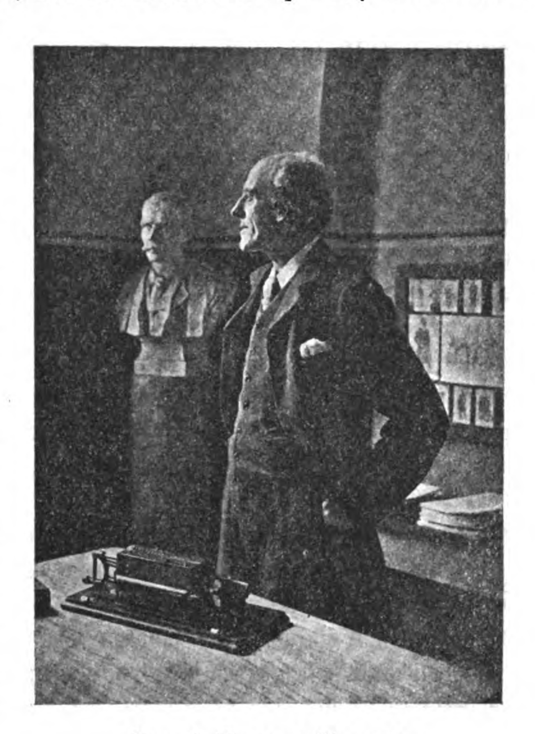

Рис. 4. Портретъ Пирсона.

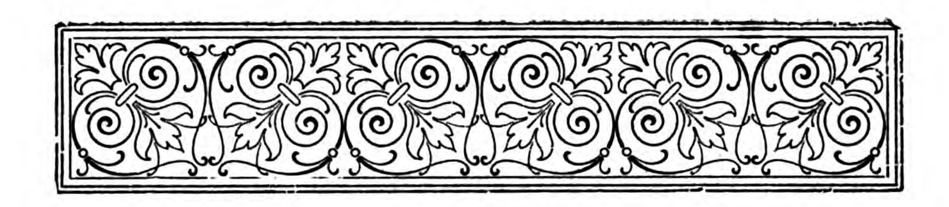
[1]) The Ethics of Freethought and other Adresses and Essays. London, 1901 (второе изданіе).

выхъ мистерій, о средневѣковыхъ портретахъ Христа т. д. На ряду съ этими изслѣдованіями мы находимъ у него работы изъ совершенно другихъ областей, напр. по сопротивленію матеріаловъ, по эластичности, и, наконецъ, длинный рядъ оригинальныхъ мемуаровъ, какъ чисто математическихъ, по теоріямъ корреляціи и ассоціаціи, такъ и по математической теоріи эволюціи, куда входятъ вопросы наслѣдованія, подбора и т. д. Основывая въ 1901 году журналъ «Біометрика», Пирсонъ говоритъ въ предисловіи слѣдующее: Біологи играютъ терминами эволюція, подборъ, наслѣдственность, приспособленіе и т. д. Соціологи пытаются примѣнить эти понятія къ сложнымъ и важнымъ человѣческимъ отношеніямъ. Но раньше слѣдовало бы найти точныя опредѣленія этихъ терминовъ и ихъ количественное выраженіе, слѣдовало бы д о к а з а т ь существованіе отбора, большую варіацію мужчины и т. под., а затѣмъ уже строить на этихъ терминахъ обобщающія гипотезы. Равнымъ образомъ біологи понятія физики и механики смѣло переносятъ въ свою область, между тѣмъ какъ давно уже пора произвесть переоцѣнку этихъ понятій. Такъ, Вейсманъ предполагаетъ, что смертная часть организма развилась изъ физіологически безсмертныхъ репродуктивныхъ клѣтокъ подъ вліяніемъ борьбы за существованіе и естественнаго отбора: организму стало выгодно, чтобы часть его (не половая) отмирала. Но Пирсонъ замѣчаетъ, что для такого утвержденія надо было бы произвесть по меньшей мѣрѣ два статистическихъ изслѣдованія: во-первыхъ, надъ продолжительностью жизни простыхъ организмовъ, размножающихся путемъ дѣленія, и, во-вторыхъ, надъ наслѣдованіемъ продолжительности жизни. Здѣсь, говоритъ Пирсонъ, фантазія, предлагая формулу, разрѣшаетъ одну изъ загадокъ мірозданія раньше, чѣмъ собраны и классифицированы тѣ факты, которые формула эта призвана описать[1]).

Біологія, говоритъ онъ, должна стать точной наукой. Для этого ей необходимо обратиться къ массовымъ статистическимъ изслѣдованіямъ, ибо относительно индивидуальной жизненной единицы мы ничего не можемъ предвидѣть, какъ и относительно индивидуальнаго атома; всѣ примѣненія атомической и молекулярной гипотезъ къ проблемамъ теплоты, упругости и т. д. покоятся на статистикѣ среднихъ величинъ. Законы измѣнчивости и законы наслѣдственности могутъ стать столь же точными, какъ и большинство тѣхъ законовъ, съ которыми мы встрѣчаемся въ физикѣ. Задача натуралиста въ обѣихъ областяхъ знанія одна и та же: замѣнить длинное и сложное описаніе краткой формулой. Краткое указаніе на то, что сдѣлано за 15 лѣтъ школой Пирсона въ этомъ направленіи и составляло предметъ нашего изложенія. Почти одновременно съ біометріей возникло, благодаря открытію старыхъ работъ Менделя, и другое направленіе въ изученіи наслѣдованія—индивидуальное, противоположное массовымъ статистическимъ пріемамъ біометріи. Оно получило большое распространеніе благодаря практическимъ примѣненіямъ въ сортоводствѣ. Изложенію его сущности и результатовъ въ отношеніи къ человѣку будетъ посвящена вторая часть статьи. *Е. Чепурковскій.*

---

[1]) Кромѣ того много проникнутыхъ его идеями и методомъ популярныхъ статей: о женской эмансипаціи, соціализмѣ и естественномъ отборѣ, длинный рядъ работъ по евгеникѣ и т. д. Нѣкоторыя изъ указанныхъ здѣсь работъ по эволюціи помѣщены въ цитировавшихся раньше «Chances of Death and other Studies in Evolution».

Зобная и щитовидная железы и ихъ значеніе въ физическомъ и психическомъ развитіи животныхъ и человѣка [1]).

Настоящая статья представляетъ изъ себя краткій очеркъ изслѣдованій по біологіи зобной и щитовидной железъ, главнымъ образомъ, въ ихъ отношеніи къ физическому и психическому развитію человѣка и животныхъ. Работая самостоятельно уже довольно долго въ этой области, я въ этой замѣткѣ рѣшилъ коснуться преимущественно тѣхъ вопросовъ, которые входили въ программу моихъ изслѣдованій.

Въ настоящее время мы переживаемъ періодъ наибольшаго увлеченія біологической и медицинской мысли въ смыслѣ тенденціи объяснять явленія психической жизни и физическаго развитія химическими процессами, совершающимися въ нашемъ организмѣ подъ вліяніемъ закрытыхъ железъ.

Изслѣдованіями послѣднихъ лѣтъ установлено, что функція железъ съ внутренней секреціей начинается очень рано (въ періодъ эмбріональнаго развитія) и, повидимому, играетъ роль въ развитіи плода.

Особенно рано начинаютъ функціонировать надпочечныя железы. Такъ (Kohn — 1903) отмѣтилъ начало секреціонной дѣятельности этихъ железъ у зародыша человѣка въ 1,7 стм. длиной. Въ періодъ эмбріональной жизни повидимому начинается и функція зобной железы, такъ какъ въ ней появляются въ этотъ періодъ (и мѣняются въ немъ съ возрастомъ внутриутробнаго развитія) особыя тѣла, носящія названіе Гассалевскихъ и дающія возможность заключить о ея дѣятельности.

Весьма возможно, что и другія железы адреналиновой системы точно также начинаютъ очень рано выдѣлять свой секретъ, но относительно ихъ мы не имѣемъ еще достаточнаго количества данныхъ въ этомъ направленіи.

То обстоятельство, что функція перечисленныхъ железъ (всей адреналиновой системы) наступаетъ очень рано, весьма важно, ибо оно даетъ возможность объяснить въ нѣкоторыхъ случаяхъ явленія отсталости, дистрофій костной системы и т. д.

Даже такія сложныя явленія, какъ микроцефалія, въ настоящее время пытаются объяснить выпаденіемъ функціи одной или нѣсколькихъ железъ съ внутрен-

---

[1]) Доложено въ засѣданіи Антропологическаго отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. 8-го марта 1915 года.

ней секреціей (адреналин. системы), которыя стимулируютъ развитіе центральной нервной системы.

Такъ что въ микроцефаліи мы имѣемъ особый, частный случай миксэдемы, выразившійся главнымъ образомъ въ недоразвитіи головного мозга (лобн. долей въ особенности).

Акад. В. М. Бехтеревъ полагаетъ, что корковому слою надпочечныхъ железъ, вырабатывающему холинъ и лецитинъ, въ развитіи головного мозга принадлежитъ крупная роль.

Не меньшее значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ и gl. thymus, которая, по изслѣдованіямъ Bourneville, у идіотовъ отсутствуетъ (почти) въ 70—80% случаевъ.

Зобная железа (thymus) играетъ роль въ развитіи организма до наступленія половой зрѣлости.

Въ эту эпоху, какъ мы увидимъ далѣе, наступаютъ атрофическія измѣненія въ зобной железѣ и на ея мѣсто вступаетъ секретъ половыхъ железъ, вносящій тѣ своеобразныя особенности въ жизнь организма, которыя наблюдаются съ наступленіемъ половой зрѣлости.

По своему происхожденію зобная железа представляетъ изъ себя парный органъ, обособляющійся отъ эпителія эмбріональныхъ жаберныхъ мѣшковъ.

Число жаберныхъ мѣшковъ, принимающихъ участіе въ образованіи зобной железы различно, но вообще говоря оно тѣмъ больше, чѣмъ ниже организація животнаго.

Въ настоящемъ сообщеніи я не могу говорить сколько-нибудь подробно о филогенетическомъ и онтогенетическомъ развитіи железы, точно такъ же приходится выпустить ея гистологію.

Скажу нѣсколько словъ объ ея анатомическомъ положеніи у человѣка.

Thymus у человѣка лежитъ непосредственно позади грудины въ переднемъ срединномъ промежуткѣ. Обычно состоитъ изъ 2-хъ долей, изъ которыхъ лѣвая почти всегда больше правой.

Довольно часто встрѣчается 3 доли (иногда и 4).

Величина железы, ея объемъ и пр. зависятъ отъ питанія ребенка и отъ инфекціонныхъ процессовъ въ его организмѣ.

Добавочныя доли thymi были находимы различными авторами.

Hammar нашелъ овальное тѣльце (которое оказалось добав. долею thymi) влѣво и вентрально отъ трахеи. Nanotti—у основанія языка.

На одномъ изъ вскрытій младенца и мнѣ удалось найти овальное тѣльце (0,5—0,7 стм. дл.), расположеннымъ вправо и вентрально отъ трахеи, которое при послѣдующемъ изслѣдованіи оказалось добавочной долькой thymi. Эти добавочныя доли представляютъ изъ себя совокупность эпителіальныхъ клѣтокъ, разросшихся въ компактную эпителіальную массу съ прослойками соединительной ткани,и происходятъ, вѣроятно, отъ эпителія одного изъ вышележащихъ жаберныхъ мѣшковъ.

Измѣненія зобной железы были подмѣчены еще средневѣковыми анатомами.

Это—первая железа, развитіе которой было поставлено въ связь съ возрастными измѣненіями организма.

Согласно новѣйшимъ изслѣдованіямъ (Waldeyer, Hammar, Pflügge и др.), въ развитіи зобной железы мы можемъ различить пять періодовъ.

1-й періодъ отъ рожденія до 10-ти лѣтъ, когда железа богата паренхиматической тканью и очень сочна.

2-й періодъ соотвѣтствуетъ періоду половой зрѣлости; въ этомъ періодѣ наблюдается болѣе рѣзкое выступленіе элементовъ соединительной ткани и болѣе мощное развитіе корковаго вещества (subst. corticalis) железы.

3-й періодъ отъ 16 до 20 лѣтъ характеризуется еще болѣе мощнымъ разрастаніемъ соединительной ткани.

4-й періодъ отъ 40—45 лѣтъ, когда въ железѣ появляется жировая ткань, стушевываются границы между мозговымъ и корковымъ веществами железы и вообще наступаютъ атрофическія измѣненія въ ней.

5-й періодъ—60 лѣтъ. Въ этомъ періодѣ subst. medullaris и элементы его слагающіе еле отличимы; границы между корковымъ и мозговымъ веществомъ совершенно исчезаютъ.

Однако несомнѣнно, какъ думаетъ Waldeyer на основаніи своихъ цитологическихъ изысканій, зобная железа не атрофируется вполнѣ, а несетъ нѣкоторую функцію[1]) и въ болѣе глубокомъ возрастѣ.

Уже одно изученіе строенія thymi въ различные возрасты даетъ намъ возможность догадываться о ея физіологическомъ назначеніи.

Теперь, благодаря огромному количеству экспериментальнаго матеріала, мы можемъ довольно точно узнать назначеніе и функцію зобной железы. Обиліе матеріала по детимизаціи (начиная съ 1845 года) не позволяетъ останавливаться подробно на работахъ отдѣльныхъ авторовъ, потому я приведу лишь тѣ данныя, которыя были добыты изслѣдователями послѣднихъ лѣтъ.

Перехожу къ весьма бѣглому обзору нашихъ свѣдѣній по физіологіи зобной железы въ свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій по этому вопросу.

Работами проф. Basch, Klose и Vogt и нѣкоторыхъ другихъ авторовъ, а также и мной (надъ цыплятами) установлена несомнѣнная роль зобной железы въ процессахъ окостенѣнія растущаго организма. Кромѣ того удаленіе thymi влечетъ за собой цѣлый рядъ другихъ признаковъ, такъ что послѣоперaціонный періодъ при детимизаціи можно разбить (по Klose и Vogt) на три части.

1-ый скрытый періодъ (Latenzstadium) отъ 2 до 4 недѣль.

Въ этомъ періодѣ наблюдается прибавленіе въ вѣсѣ.

Однако уже рядъ признаковъ отличаетъ животное, лишенное зобной железы, отъ нормальнаго.

Животныя апатичны, мало рѣзвятся и имѣютъ нездоровый habitus.

Дыханіе у нихъ учащенное; при чемъ ротъ открытъ и языкъ высунутъ.

---

[1]) Неизвѣстную еще до сихъ поръ.

Походка неувѣренная, качающаяся.

Сжимая конечности, нетрудно убѣдиться въ ихъ большей эластичности, чѣмъ у контрольныхъ животныхъ.

Аппетитъ увеличенъ. Взглядъ мутный, безразличный, взоръ часто остается неподвижнымъ, устремленнымъ въ одну точку.

Весьма похожее состоянiе отмѣчается педiатрами при гипоплазiи аденоидной системы (status thymico-lymphaticus).

За этимъ перiодомъ слѣдуетъ второй перiодъ, который обозначаютъ какъ stadium adipositatis; развивается онъ на 2—3 мѣсяцѣ жизни щенятъ.

Если въ этомъ перiодѣ сдѣлать вскрытiе, то въ клѣтчаткѣ, mesenterium'ѣ, сѣменникахъ, яичникахъ обычно находятъ большiя отложенiя жира.

Въ этомъ перiодѣ наступаютъ рѣзкiя уклоненiя въ развитiи и питанiи костей.

На 3—4 мѣсяцѣ жизни, сначала медленно, а затѣмъ очень рѣзко происходитъ перемѣна.

Кривая вѣса, которая все время постепенно поднималась, внезапно падаетъ. Но аппетитъ удерживается еще нѣсколько времени. Слабость костей особенно сильно выражена, очень замѣтно развивается дрожь (мускульная).

Задняя половина тѣла чрезвычайно слаба, и собака постоянно стремится устроиться такъ, чтобы не упасть отъ слабости заднихъ конечностей. Такое тяжелое состоянiе продолжается около или немного болѣе мѣсяца, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ затягивается до 14 мѣсяцевъ.

Въ этомъ перiодѣ собаки особенно подвержены нѣкоторымъ заболѣванiямъ (въ особенности инфекцiоннымъ): пневмонiя, плевритъ, катарръ кишечника.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ наступали изъязвленiя роговой оболочки глаза.

Волосы взъерошены и выпадаютъ въ большомъ количествѣ.

Животныя лежатъ въ коматозномъ состоянiи, не будучи въ состоянiи подняться, лишь временами безумно и злобно кусая себя.

Потребность въ пищѣ еще остается большой. Если попытаться поднять животное, то оно быстро падаетъ на бокъ, такъ какъ у него повидимому страдаетъ также чувство равновѣсiя, а также и слабыя кости не могутъ выдержать вѣса тѣла.

За этимъ перiодомъ слѣдуетъ третiй перiодъ, носящiй названiе Stadium cachecticum, сопровождающiйся Idiotia thymica. Перiодъ этотъ продолжается отъ 3 до 14 мѣсяцевъ и обычно оканчивается смертью.

Смерть наступаетъ при явленiяхъ адинамiи (физическомъ и психическомъ увяданiи).

Klose и Vogt отмѣтили также крупныя измѣненiя въ скелетѣ послѣ детимизацiи, и ихъ данныя совпадаютъ съ выводами проф. Basch.

Въ своихъ опытахъ надъ детимизацiей цыплятъ я пришелъ къ тѣмъ же заключенiямъ и наблюдалъ ту же картину, какъ вышеозначенные авторы. Потому я не буду приводить результатовъ своей работы, тѣмъ болѣе, что они составляютъ предметъ отдѣльной работы, которая выйдетъ въ ближайшемъ будущемъ (печатается). Что касается до химическихъ измѣненiй въ костной системѣ, то здѣсь

мы имѣемъ изслѣдованіе д-ра Schultz'а, который отмѣтилъ значительное уменьшеніе солей Ca и Ph у животныхъ съ удаленной зобной железой.

Schultz и др. изслѣдователи пришли къ тому выводу, что тѣ измѣненія въ костяхъ, которыя наблюдаются у детимизированныхъ животныхъ, и замедленное срастаніе переломовъ происходятъ отъ увеличенія количества кислоты (resp. кислотныхъ соединеній) въ организмѣ, что и препятствуетъ отложенію Ca и его солей.

Картина найденныхъ измѣненій въ костяхъ, по мнѣнію Schultz'а, очень напоминаетъ таковую же при остеомаляціи и рахитѣ [1]).

Итакъ, изъ приведеннаго мы видимъ, какая огромная роль принадлежитъ зобной железѣ въ процессахъ окостенѣнія и общемъ развитіи организма.

Однако я долженъ сказать, что новѣйшія изслѣдованія въ области внутренней секреціи учатъ насъ, что выпаденіе функціи одной изъ железъ (закрытыхъ) влечетъ за собой разстройства въ общемъ ходѣ процессовъ въ другихъ замкнутыхъ железахъ, и въ результатѣ нарушенія хода этого стройнаго концерта, мы и получаемъ цѣлый рядъ уклоненій въ физическомъ и психическомъ развитіи особи.

Вѣроятно, подобное явленіе имѣетъ мѣсто въ ниже приведенныхъ случаяхъ среди людей.

Тѣ уклоненія въ развитіи, которыя были описаны выше и добыты экспериментальнымъ путемъ на животныхъ, мы можемъ встрѣтить и среди людей при заболѣваніяхъ рахитомъ, при дистрофіяхъ и атрофіяхъ дѣтскаго возраста и нѣкоторыхъ случаяхъ нанизма.

Изслѣдованіями антропологовъ установлено, что нанизмъ есть понятіе общее, и мы можемъ различать нѣсколько видовъ нанизма; для краткости я раздѣлю нанизмъ лишь на 2 группы: 1) къ первому относятся карлики, части тѣла которыхъ развиты пропорціонально съ длиной всего тѣла. (микросомія). Ихъ органы развиты нормально (genitalia и пр.) и въ психикѣ обычно не замѣчается рѣзкихъ уклоненій отъ нормы.

Ко 2-й категоріи относятся, такъ сказать, патологическіе карлики.

Размѣры и развитіе ихъ конечностей, головы и пр. явно уклоняются отъ нормальнаго. Въ основѣ этихъ уклоненій въ развитіи лежатъ рахитическія измѣненія въ костяхъ.

Умственное развитіе такихъ дѣтей очень бѣдно; они психически отсталыя и даже бываютъ идіоты.

Къ группѣ патологическихъ же карликовъ можно присоединить также микромелію или ахондроплязію, когда процессы ограничиваются конечностями, не затрагивая туловища.

Отличительной особенностью этой формы является также несоотвѣтствіе между размѣромъ конечностей и размѣромъ головы и туловища.

---

[1]) Однако считаю нужнымъ замѣтить, что нѣкоторые авторы ставятъ остеомаляцію въ связь съ дистрофіей медуллярнаго слоя надпочечныхъ железъ.

Въ то время какъ голова и туловище представляются развитыми пропорціонально возрасту индивида, верхнія конечности оказываются несоразмѣрно короткими.

Верхнія конечности вмѣсто того, чтобы достигать середины бедра доходятъ лишь до пояса. При чемъ болѣе короткимъ является плечо. Интересною особенностью является строеніе кости: указательный и средній палецъ руки мало отличаются другъ отъ друга по величинѣ, благодаря чему кисть руки похожа на треугольникъ.

Окостенѣніе идетъ нормально и заканчивается тоже. Половые органы нормальны; нормально развитъ ихъ волосяной покровъ.

Лицо у микромеликовъ обладаетъ нѣкоторыми характерными чертами, изъ которыхъ отмѣтимъ: широкій носъ; переносье обычно вдавлено; твердое небо высокое; иногда развивается epicanthus. Зубы нормальны и смѣна ихъ своевременна.

Патологическая анатомія указываетъ намъ, что въ случаяхъ микромеліи процессъ локализируется въ пограничномъ хрящѣ, который не образуетъ кости и склеротизируется.

Poucet и Lerich считаютъ нанизмъ (патологическій) признакомъ расоваго вырожденія.

Launois и Apert указываютъ на то, что ахондропластичные субъекты способны къ дѣторожденію и въ потомствѣ отъ нихъ мы встрѣчаемъ ту же аномалію.

Этіологія ахондроплазіи очень темна, но нѣкоторые авторы (Apert) пытаются поставить ее въ связь съ измѣненіями зобной железы.

Атрофію въ грудномъ возрастѣ цѣлый рядъ авторовъ (Durante, Blondel, Stoker, Rurah и Rohrer) разсматриваютъ, какъ результатъ выпаденія функціи thymi, которая при вскрытіи такихъ дѣтей бываетъ плотной, фиброзной и лишь иногда среди склеротизированныхъ тканей встрѣчаются маленькіе остатки железистыхъ долекъ.

За этотъ взглядъ говоритъ то обстоятельство, что, въ случаяхъ атрофій, кости отстаютъ въ своемъ ростѣ въ длину и ширину и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ бываютъ толстыя берцовыя кости и уродливое строеніе шейки бедра (при ахондроплазіи); мозги у такихъ дѣтей содержатъ много мочевины и хлоридовъ, т.-е. то, что описано Friedleben'омъ у детимизированныхъ животныхъ.

Lucien и Parisat наблюдали смертельное паденіе кровяного давленія у кроликовъ при инъекціи экстракта изъ нормальной thymi, экстрактъ же, приготовленный изъ thymi атрофика, не вызывалъ никакого замѣтнаго эффекта [1]).

Выпаденіе функціи щитовидной железы влечетъ за собой заболѣваніе особенно интересное и важное въ антропологическомъ отношеніи, которое носитъ названіе

---

[1]) Оканчивая очеркъ о зобной железѣ считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить мою глубокую благодарность д-ру мед. А. И. Абрикосову за его цѣнныя указанія по литературѣ предмета.

кретинизма. Кретинизмъ разсматриваютъ теперь, какъ особую—крайнюю степень заболѣванія, извѣстнаго у насъ подъ именемъ миксэдэмы [1]).

Кретинизмъ—заболѣваніе, большею частью, встрѣчающееся эндемически въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земного шара; въ Швейцаріи, Саксоніи, Франціи, Америкѣ (Кордильеры), Индіи, въ Россіи (Туркестанѣ, Кавказѣ—Сванетіи, Алтаѣ и др. мѣстахъ).

Исторія кретинизма весьма интересна и указываетъ намъ на то, что это заболѣваніе имѣло распространеніе въ весьма древнюю эпоху существованія человѣчества.

Въ этомъ отношеніи особенно интересенъ черепъ «Камбургской дѣвы», который былъ найденъ въ древнѣйшихъ германскихъ могилахъ (близъ Іены).

Проф. Шафгаузенъ, демонстрировавшій его на международномъ конгрессѣ въ Стокгольмѣ, призналъ, что особенности его строенія, повидимому, свойственны чертамъ первобытной расы, нѣкогда жившей въ Германіи.

Однако при дальнѣйшемъ подробномъ изученіи этого черепа, произведенномъ Вирховымъ, было установлено, что тѣ особенности, которыя Шафгаузенъ принялъ за характерныя для древнихъ череповъ, оказались измѣненіями, свойственными черепамъ кретиновъ [2]).

Въ черепѣ «Камбургской дѣвы», говорилъ Вирховъ, мы имѣемъ доказательство, что уже въ ту отдаленную эпоху, когда здѣсь (близъ Іены) обитали нѣмецкіе завоеватели, существовала болѣзнь, которая и нынѣ господствуетъ въ долинѣ Зааля, именно кретинизмъ, и что уже среди первобытныхъ германцевъ были кретины. Всѣ особенности этого черепа ясно доказываютъ его кретиническое происхожденіе»

Этотъ случай является весьма поучительнымъ для антрополога и доказываетъ на взаимную близость патологіи и антропологіи въ цѣляхъ изученія расовыхъ признаковъ первобытнаго человѣка.

Особенно тщательно былъ изученъ кретинизмъ въ Швейцаріи Рудольфомъ Вирховымъ, а въ послѣднее время цѣлымъ рядомъ другихъ ученыхъ и въ другихъ частяхъ земли.

Еще не такъ давно кретиновъ принимали за остатокъ особой древней человѣческой расы, какимъ-то образомъ уцѣлѣвшей въ уединенныхъ горныхъ долинахъ.

Вирховъ, послѣ изученія миксэдемы въ клиникѣ проф. Ord'а въ Америкѣ, первымъ выступилъ противникомъ такого воззрѣнія.

Вотъ что онъ пишетъ о нихъ:

---

[1]) Въ виду того, что она довольно хорошо изучена, я не буду здѣсь на ней останавливаться.

[2]) Характерною особенностію череповъ кретиновъ, по Bircher'у, является сильное выступаніе скуловыхъ костей, вмѣстѣ со слабымъ развитіемъ нижней челюсти и вообще лица снизу вверхъ, расширеніе и вдавленность косолобнаго шва, весьма мощное развитіе (волнообразное) надбровныхъ дугъ, которыя сливаются между собою, сильное выступаніе protuber. occ. externa, колбовидная форма сосцевиднаго отростка.

Главное, что бросается въ глаза при бѣгломъ взглядѣ на черепъ кретина, это—его старческій типъ и квадратная т. сказ. приземистая форма при разсматриваніи въ n. facialis; далѣе разстройства въ зубной системѣ (преждевременное выпаденіе зубовъ).

«Всякій, кто хотя бѣгло разсматривалъ извѣстное число кретиновъ, можетъ очень скоро составить себѣ общую картину ихъ внѣшности, которая даетъ возможность съ извѣстной увѣренностью выдѣлить ихъ изъ остального населенія или даже, какъ утверждаютъ многіе ученые, подмѣтить черты кретинизма въ цѣломъ населеніи извѣстной мѣстности.

Кретинъ въ Альпахъ похожъ на кретина на Рейнѣ, Майнѣ или долинѣ Неккара. Если уже нелегко по физіономіи отличить полъ, то часто бываетъ еще труднѣе различить другъ отъ друга отдѣльныхъ кретиническихъ индивидуумовъ одного пола и одного возраста. Можно было бы думать, что всѣ эти индивидуумы находятся между собою въ близкомъ родствѣ и принадлежатъ одной семьѣ или, по крайней мѣрѣ, одному племени.

Если бы мы не знали въ точности, что въ кретиническихъ мѣстностяхъ до тѣхъ поръ вполнѣ здоровая семья можетъ производить кретиническихъ дѣтей, то, конечно, возникаетъ мысль, что мы имѣли здѣсь дѣло съ остатками какого-то низко организованнаго или выродившагося племени. Такое мнѣніе высказывали Рамонъ де-Карбоньеръ, Шталь и Кіейсъ.

Аккерманъ справедливо называетъ ихъ особымъ видомъ человѣка, но тѣ общія черты, которыя характеризуютъ этотъ человѣческій видъ, не имѣютъ ничего общаго съ особенностями расы или племени. Это, говоритъ Рудольфъ Вирховъ,— не физіологическій, а патологическій видъ; это не типы, а законосообразное уклоненіе отъ типа. Если бы, говоритъ онъ далѣе, потребовалось еще новое доказательство того, что патологія подчиняется извѣстнымъ законамъ внѣ условій пространства и времени, то именно здѣсь мы имѣемъ такое доказательство».

Теперь приведу описаніе кретиновъ различныхъ горныхъ областей, подвергавшихся изслѣдованію со стороны Вирхова.

«Впечатлѣніе, которое производитъ разсмотрѣніе кретиновъ совершенно такое же, какое испытывается при видѣ уродливости.

Трудно отрѣшиться отъ мысли, говоритъ Вирховъ, что стремленіе найти сколько-нибудь правдоподобную теорію этихъ отвратительныхъ уродливостей немало способствовало укрѣпленію вѣры въ вѣдьмъ и дьявола.

Бальярже первымъ высказалъ мысль, что кретины долголѣтнія дѣти, неправильно развитыя и въ физическомъ отношеніи.

Для того, чтобы составить себѣ представленіе о непропорціональности частей тѣла кретиновъ, приведу слѣдующіе размѣры одного изъ кретиновъ: окружность головы 52,5 см., длина тѣла 84 см., стана 17 см. и предплечья 14,5 см.

Не всегда мы видимъ дѣтскія черты лица на взросломъ тѣлѣ: иногда, наоборотъ, замѣчается еще болѣе отталкивающая картина—старая большая голова на дѣтскомъ туловищѣ или кожа взрослаго, натянутая на неразвившемся скелетѣ.

Непропорціональность частей тѣла свидѣтельствуетъ объ уклоненіи отъ законовъ физическаго развитія и расовыхъ признаковъ».

Способность размноженія отсутствуетъ у громаднаго большинства кретиновъ; тѣмъ не менѣе, состояніе это при высшихъ ступеняхъ кретинизма таково, что совер-

шенно исключаетъ возможность самосохраненія индивидуума. Весьма живописно описаніе кретиновъ, сдѣланное проф. Шталемъ.

Согласно Шталю, въ кретинозныхъ мѣстностяхъ Валлиса существуютъ три различныхъ степени кретинизма; главнымъ образомъ, онѣ различаются по степенямъ развитія, котораго достигаетъ рѣчь этихъ несчастныхъ существъ.

Кретины первой или самой легкой степени, называемые въ Валлисѣ чингенами или чаменами, обладаютъ способностью выражаться болѣе или менѣе отчетливыми словами или жестами и даже произносить короткія фразы.

Сфера этихъ выраженій обнимаетъ не только ближайшія потребности, но и нѣкоторые предметы повседневной жизни.

Здѣсь, слѣдовательно, сохранилось пониманіе: тлѣетъ еще ясно уловимая, хотя и крайне слабая душевная дѣятельность.

У представителей второй или средней ступени, называемыхъ въ Валлисѣ трифелями или чегеттами, способность выраженія ограничивается лишь непонятными словами и скорѣе нечленораздѣльными звуками и энергическими, но несовершенными жестами.

Здѣсь, такимъ образомъ, обнаруживаются лишь слѣды душевной жизни.

Принадлежащимъ къ третьей низшей ступени, называемымъ въ Валлисѣ гойхами или идіотами, не хватаетъ способности какого бы то ни было выраженія и все сводится лишь къ непроизвольнымъ крикамъ. Здѣсь отсутствуютъ, слѣдовательно, даже зачатки духовной дѣятельности.

Эта высшая мѣра вырожденія даетъ довольно постоянную картину симптомовъ.

Представленіе, ощущеніе и воля, говоритъ Шталь, здѣсь сводятся къ минимуму и часто вовсе отсутствуютъ: состояніе ниже животнаго!

Такіе кретины едва узнаютъ своихъ близкихъ. Они совершенно нечувствительны къ окружающему міру и не выражаютъ никакого признака радостнаго возбужденія или болѣзненнаго чувства.

Рѣчи не существуетъ; зрѣніе, слухъ, вкусъ и периферическое чувство какъ-будто парализованы.

Одна лишь потребность въ пищѣ, изрѣдка требующая вниманія со стороны окружающихъ, свидѣтельствуетъ до нѣкоторой степени о сохранившейся растительной жизни.

О самостоятельной, правильной двигательной способности не можетъ быть и рѣчи.

Кретинъ сидитъ или лежитъ въ одномъ положеніи, пока оно не будетъ измѣнено посторонней рукой. Его нужно кормить, какъ новорожденное дитя. И такъ какъ вся поверхность тѣла его нечувствительна, то онъ не испытываетъ непріятнаго ощущенія, когда лежитъ въ экскрементахъ или подвергается дѣйствію холода и жара, не испытываетъ даже боли при механическихъ поврежденіяхъ, напр., при уколахъ иглою и ожогахъ.

Эта крайняя форма, которая можетъ сопровождаться весьма различными физическими разстройствами, можетъ переходить черезъ посредство вышеназванныхъ

среднихъ ступеней въ незначительныя степени кретинизма, мало отличающіяся отъ здоровой окружающей среды.

Состояніе кожи, внѣшній habitus, психика и пр. весьма похожи на то, что наблюдалось выше послѣ операцій Kocher'a, и еще больше на то, что мы наблюдаемъ при кретиновомъ идіотизмѣ или дѣтской миксэдемѣ (myxœdéme infantile), встрѣчаемой иногда и у насъ при обычныхъ условіяхъ.

Дѣтская миксэдема представляетъ изъ себя особую разновидность атрофическаго слизистаго отека, комбинирующагося съ общимъ физическимъ и психическимъ недоразвитіемъ и начинающагося такъ же, какъ и въ случаѣ кретинизма, въ утробной жизни или раннемъ дѣтскомъ возрастѣ. Такіе кретины живутъ иногда довольно долго. Bourneville въ своемъ изслѣдованіи по этому вопросу приводитъ случай, гдѣ кретину (myxoedéme infantile) было 36 лѣтъ.

Вскрытіе кретиновъ обнаруживаетъ полное отсутствіе щитовидной железы или ея жировое перерожденіе или нѣкоторые другіе процессы въ ней, приводящіе къ выпаденію ея функціи.

Изслѣдованія надъ миксэдемой и частью эндемическимъ кретинизмѣ, а также (и гл. обр.) экспериментальныя данныя привели къ тому заключенію, что щитовидная железа служитъ, повидимому, для обезвреживанія или нейтрализаціи ядовитыхъ веществъ общаго бѣлковаго обмѣна, которыя постепенно накопляются въ крови и способны вызвать отравляющее дѣйствіе.

Первыя данныя за такую гипотезу были приведены въ 1884 году Colzi и Wagner'омъ.

Отсутствіе въ тѣлѣ щитовидной железы влечетъ за собой прекращеніе правильнаго расщепленія бѣлковыхъ веществъ, что влечетъ самоотравленіе организма: такъ наз. автоинтоксикацію и особенно интоксикацію нервной системы.

Въ различныхъ частяхъ тѣла наступаютъ периферическія разстройства, въ особенности же въ подкожной клѣтчаткѣ наступаетъ при этомъ гипертрофія и разрыхленіе соединительной ткани съ превращеніемъ части бѣлковъ въ особое слизистое вещество—такъ наз. муцинъ.

Особенно ясно доказывается, что всѣ вышеописанныя разстройства зависятъ отъ выпаденія функціи щитовидной железы, спеціальнымъ леченіемъ, называемымъ органо- или опотерапіей.

Въ виду того, что опытъ способа леченія хорошо извѣстенъ, точно такъ же извѣстны и блестящіе результаты, достигнутые имъ, я считаю излишнимъ на немъ подробно останавливаться.

Вопросъ объ этіологіи кретинизма (и миксэдемы въ частности) принадлежитъ къ однимъ изъ самыхъ спорныхъ въ современной наукѣ.

Литература по этому вопросу весьма обширна, потому останавливаться на немъ сколько-нибудь подробно не представляется возможнымъ. Я приведу лишь краткія свѣдѣнія и подѣлюсь результатами своихъ экспериментальныхъ из-

слѣдованій въ этой области, о которыхъ подробно сообщалось въ засѣданіи Бактеріологическаго отдѣла [1]).

Въ настоящее время существуютъ двѣ гипотезы для объясненія эндемическаго кретинизма и зоба,—въ огромномъ большинствѣ случаевъ сопровождающаго кретинизмъ.

1-ая гипотеза ставитъ эти заболѣванія въ связь съ геологическимъ строеніемъ мѣстности.

Такъ, по мнѣнію Birscher'а, Kocher'а и нѣкоторыхъ другихъ авторовъ, эндемическій кретинизмъ встрѣчается въ мѣстахъ древнихъ морскихъ отложеній палеозойской эры (силуръ, девонъ или же каменноугольн. отложеній).

Въ мѣстахъ, гдѣ встрѣчаются морскія отложенія третичнаго періода, юры, четвертичнаго періода, а также на мѣстахъ отложеній прѣсной воды заболѣваній зобомъ и кретинизмомъ нѣтъ.

Теперь эта гипотеза въ томъ видѣ, какъ она была предложена Birscher'омъ, оставлена большинствомъ изслѣдователей, такъ какъ, въ сущности говоря, она не объясняла причину заболѣванія щитовидной железы, а лишь указывала на область ея распространенія.

Второе мнѣніе, принимаемое въ настоящее время почти всѣми изслѣдователями кретинизма, считаетъ источникомъ заболѣванія зобомъ и кретинизмомъ питьевую воду.

У туземцевъ такая вода носитъ даже спеціальное названіе «зобной воды» (Kropfwasser—Швейцарія—Юра).

Однако вопросъ о дѣйствующемъ началѣ въ такой водѣ не можетъ считаться разрѣшеннымъ и по сіе время.

Одни авторы (Rolle, Carrison и др.) видятъ причину въ присутствіи особыхъ микроорганизмовъ и токсиновъ, вырабатываемыхъ ими, другіе (Repin) въ присутствіи солей Ca и Mg и, наконецъ, третьи — въ коллоидныхъ веществахъ воды (H. Birscher).

Бо́льшій перевѣсъ беретъ первое мнѣніе (гласящее, что вода въ кретинозныхъ мѣстностяхъ обусловливаетъ заболѣваніе щитовидной железы, вслѣдствіе присутствія въ ней особыхъ микроорганизмовъ или органическихъ ядовъ), такъ какъ цѣлому ряду авторовъ (гл. обр. знаменитому изслѣдователю кретинизма д-ру Carrison'у), а также и мнѣ въ спеціально для этой цѣли поставленныхъ опытахъ, такимъ путемъ удалось вызвать миксэдему у животныхъ,

На основаніи этихъ изслѣдованій можно сказать, что агентами заболѣваній кретинизмомъ и зобомъ являются, повидимому, токсическіе продукты, вырабатываемые микробами нашего кишечника и нѣкоторыми другими органическими продуктами (ацетонъ, напр.).

---

[1]) Напечатано въ «Мед. Обозрѣніи», изд. О-вомъ Русск. врачей, №№ 5—6, 1915.

Въ Индіи, въ областяхъ эндемическаго кретинизма, Carrison могъ констатировать періодическое загрязненіе питьевой воды (вслѣдствіе условій собиранія этой воды—дождевая вода;, бѣгущая съ горъ), при чемъ эта періодичность совпадаетъ съ наибольшимъ количествомъ заболѣваній зобомъ.

Далѣе, прямыми опытами было установлено, что заразное начало кроется въ продуктахъ загрязненія воды (каловыхъ массахъ, отбросахъ), съ которыми она приходитъ въ соприкосновеніе при своемъ стокѣ въ питьевые чаны.

Дѣйствующимъ началомъ являются, повидимому, какъ сами продукты, такъ и микробы въ нихъ заключающіеся (b. coli commune, b. enteritidis и особая спороносная палочка.)

Я не могу, къ сожалѣнію, болѣе подробно останавливаться на весьма интересной работѣ Carrison'а.

Укажу лишь вкратцѣ на послѣднюю (новѣйшую) попытку проф. Wilms'а, обосновать причину распространенія кретинизма на опредѣленныхъ геологическихъ слояхъ, пользуясь экспериментальными данными. Основываясь на томъ, что продукты разложенія органическихъ веществъ (cadaverin, тифозинъ и пр.) и жировъ (ацетонъ) способны вызвать признаки кретинизма (какъ клиническіе, такъ и обнаруживающіеся при гисологическомъ, изслѣдованіи щитовидной железы), Wilms высказываетъ предположеніе, что, быть можетъ, причина распространенія кретинизма на мѣстахъ опредѣленныхъ геологическихъ отложеній можетъ быть объяснена тѣмъ,что питьевая вода, проходя сквозь горизонты морскихъ отложеній, растворяетъ и уноситъ тѣ ядовитые продукты, которые образовались въ результатѣ разложенія обитателей древняго моря или организмовъ, залитыхъ имъ.

Насколько правильна эта гипотеза, покажетъ будущее.

На основаніи личныхъ экспериментальныхъ изслѣдованій въ этой области, я могу лишь сказать, что продуктамъ разложенія жировъ (б. м. и въ геологическихъ отложеніяхъ, черезъ которыя проходитъ питьевая вода) принадлежитъ крупная роль въ описываемыхъ заболѣваніяхъ щитовидной железы.

Въ Россіи мы не имѣемъ еще достаточно хорошихъ научныхъ изслѣдованій по вопросамъ эндемическаго зоба и кретинизма.

Произвести эти изслѣдованія было бы очень желательно, ибо жители нѣкоторыхъ областей Россіи (см. выше) очень страдаютъ этими заболѣваніями.

Особенной распространенностью пользуется эндемическій зобъ и кретинизмъ въ Сванетіи (Кавказъ).

Д-ръ Орбели въ своемъ очеркѣ о Сванетіи даетъ краткое описаніе распространенности этого заболѣванія среди жителей этой гористой мѣстности, но, къ сожалѣнію, никакихъ подробныхъ изслѣдованій въ этомъ направленіи имъ сдѣлано не было.

Сванеты, кстати сказать, народность чрезвычайно плохо изслѣдованная и въ антропологическомъ отношеніи.

Большимъ распространеніемъ пользуется также эндемическій зобъ и кретинизмъ на Алтаѣ и въ Туркестанѣ, гдѣ встрѣчаются даже зобатыя животныя.

Остается пожелать, чтобы возможно скорѣе были снаряжены экспедиціи для собиранія и научной обработки матеріала и облегченія участи этихъ несчастныхъ существъ [1]).

В. Штефко.

---

[1]) Общій планъ изслѣдованій и болѣе подробныя данныя относительно этіологіи зоба и кретинизма приведены мною въ работѣ, напечатанной въ «Медицинскомъ Обозрѣніи» О-ва русск. врачей №№ 5—6, 1915 года.

Къ антропологіи великорусскаго населенія Пермской губ.

Среди основного великорусскаго населенія въ Пермской губерніи небольшими островками живутъ пермяки, зыряне, вотяки, вогулы, башкиры, мещеряки, татары, черемисы.

Въ то время какъ о нѣкоторыхъ изъ этихъ инородцевъ имѣются антропологическія работы, великорусское населеніе губерніи въ этомъ отношеніи почти совершенно не изучено.

Въ 1914 году я произвелъ антропологическія наблюденія среди крестьянскаго (православнаго) населенія трехъ уѣздовъ—Чердынскаго, Соликамскаго и Пермскаго. Всего было измѣрено 977 человѣкъ (мужчинъ) въ возрастѣ отъ 21—25 лѣтъ преимущественно, изъ нихъ въ Чердынскомъ 111, въ Соликамскомъ 285 и въ Пермскомъ 581. Измѣренные происходили изъ всѣхъ волостей уѣзда, а не изъ отдѣльныхъ, ограниченныхъ районовъ.

Лѣтомъ того же года я посѣтилъ Иньвенскій край (Соликамскаго уѣзда), населенный пермяками—«коми», и измѣрилъ здѣсь 657 человѣкъ, изъ нихъ 200 женщинъ.

Въ 1915 году мною были изслѣдованы 527 чердынскихъ пермяковъ (изъ нихъ 125 женщинъ) и 1500 представителей другихъ славянскихъ и угорскихъ народностей.

Измѣрялись ростъ, длина и ширина головы, а у чердынскихъ пермяковъ, кромѣ того, размѣры лица и нѣкоторые описательные признаки, опредѣлялись цвѣтъ волосъ и глазъ, записывались возрастъ и мѣсто рожденія.

Скажемъ нѣсколько словъ объ исторіи первоначальнаго заселенія и позднѣйшей колонизаціи трехъ сѣверо-западныхъ уѣздовъ Пермской губерніи—Чердынскаго, Соликамскаго и Пермскаго.

Аборигены края обозначались первыми русскими колонистами терминомъ «чудь». Связь чуди съ пермяками неясна; по этому поводу у историка Пермскаго края Дмитріева мы находимъ такія слова: «что же касается непосредственной генетической связи самого народа пермь съ чудью, то этотъ вопросъ въ наукѣ все-таки

остается открытымъ». Однако заслуживаетъ полнаго вниманія указаніе проф. Смирнова, который считалъ пермяковъ-инородцевъ потомками чуди народныхъ преданій.

Въ XVI и XVII столѣтіяхъ наши лѣтописи говорятъ о Перми Великой—Чердыни, подразумѣвая подъ этимъ терминомъ опредѣленную географическую и этнографическую провинцію. Наши три уѣзда, за исключеніемъ своихъ восточныхъ частей, входили въ составъ этой провинціи.

Ядро населенія составляли пермяне-пермичи; это тѣ инородцы, которые, отступая подъ натискомъ русскихъ колонистовъ, оставляли названія рѣкъ съ окончаніемъ «ва» и «шоръ». Къ сѣверу и востоку отъ этой территоріи жили вогулы.

Южная граница Перми Великой шла южнѣе рѣки Чусовой, пересѣкала р. Сылву, на верхнемъ теченіи которой находилась область остяцкихъ улусовъ. На югѣ нынѣшняго Пермскаго уѣзда встрѣчались поселенія тюркскихъ племенъ башкиръ, татаръ. Западъ, территоріи нынѣшнихъ Вологодской и Вятской губерніи, населяли пермяки и вотяки.

Русскіе колонисты шли изъ нынѣшнихъ Архангельской, Вологодской, Вятской губерній; это были потомки древнихъ новгородцевъ; они или осѣдали въ Пермскомъ краѣ, или же продвигались далѣе на востокъ, за Уралъ.

Именитые люди Строгановы привлекали въ свои обширныя владѣнія, захваченныя ими у пермяковъ, поселенцевъ и изъ центральной Россіи.

Русскій колонистъ оттѣснялъ инородцевъ все дальше на востокъ и на сѣверъ. Временами вогулы, остяки, татары и другія племена, объединившись, поднимались противъ новыхъ насельниковъ и огнемъ и мечомъ проходили по всей территоріи Перми Великой. Такъ, Чердынь и Соликамскъ неоднократно подвергались нашествію ихъ полчищъ.

Въ XVIII вѣкѣ заселеніе Пермскаго края было увеличено раскольничьей колонизаціей.

Современное населеніе губерніи представляетъ продуктъ большаго или меньшаго смѣшенія указанныхъ этнографическихъ элементовъ.

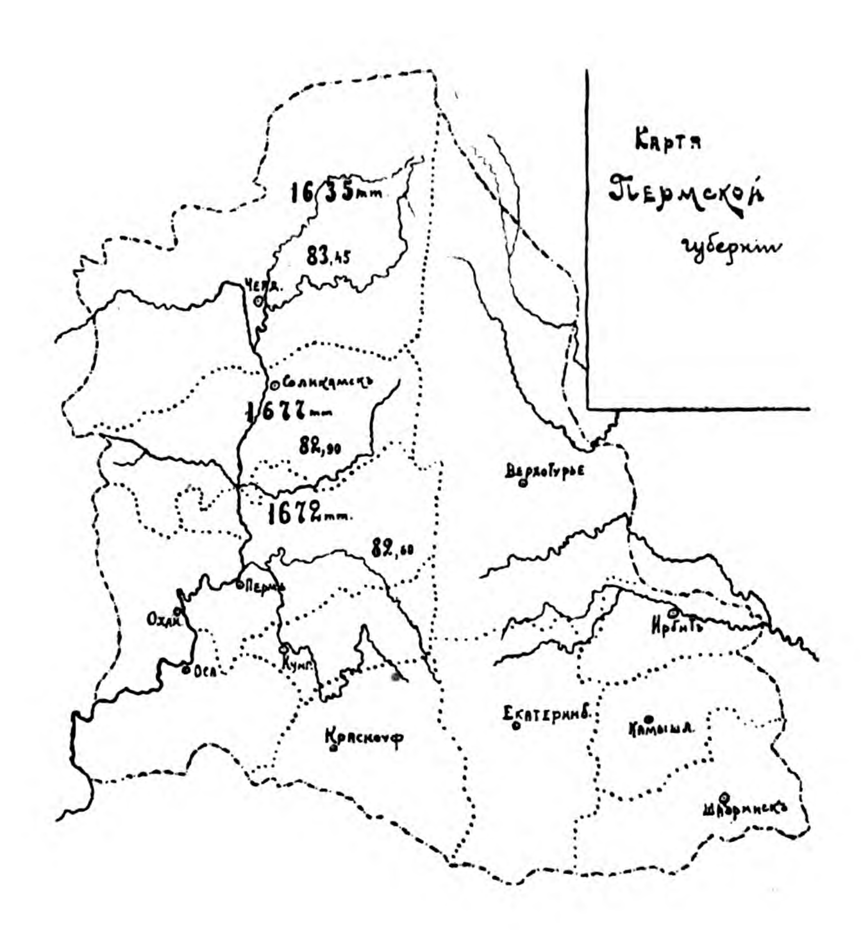
Переходимъ къ разсмотрѣнію собраннаго матеріала и въ двухъ словахъ скажемъ о способѣ его обработки.

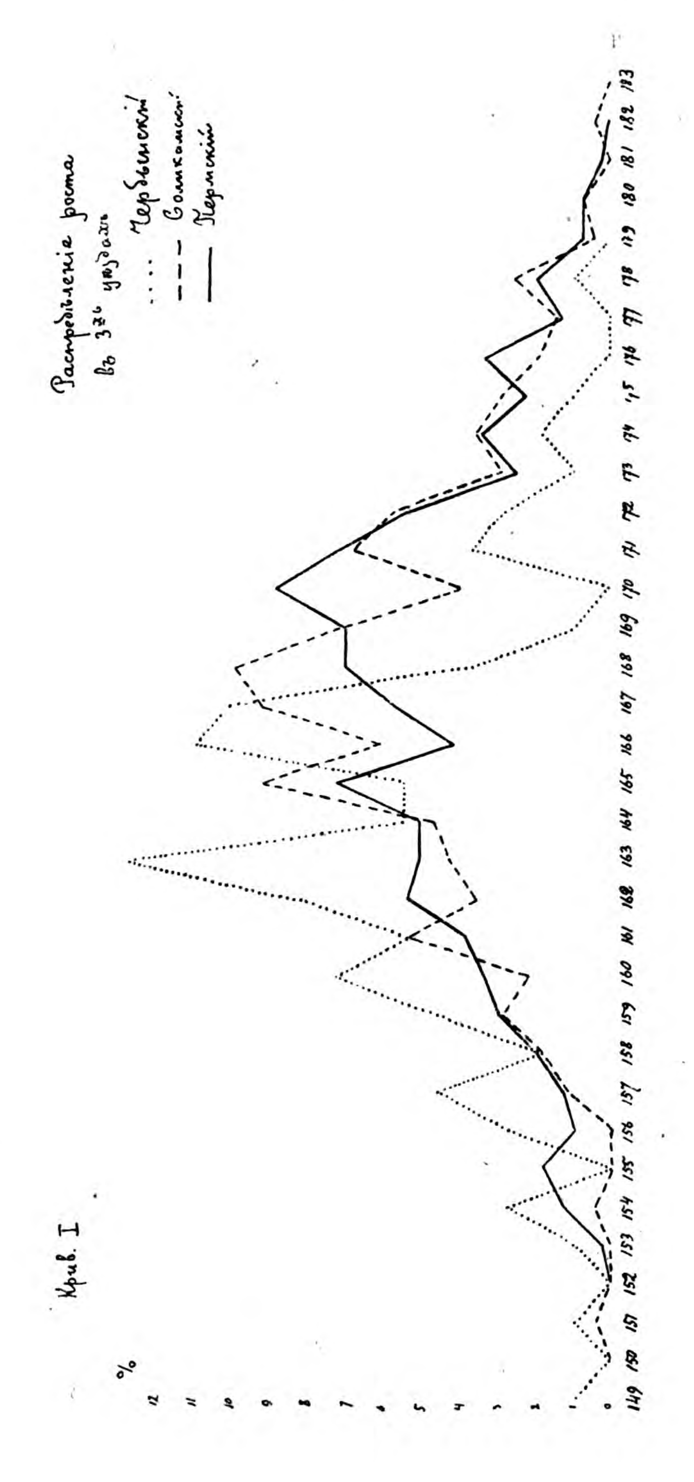
Такъ какъ матеріалъ былъ представленъ двумя измѣрительными признаками (ростъ и головной указатель) и третьимъ—цвѣтностью, то наиболѣе удобнымъ представлялся слѣдующій способъ: составлялась для каждаго уѣзда таблица корреляціи между ростомъ и индексомъ. Она давала возможность сразу опредѣлить, не только существуетъ ли связь между этими признаками, но также ихъ частоту, среднюю, варіацію и идеальныя кривыя. При составленіи этой таблицы отмѣчались на ней же для каждаго индивидуума и цвѣтъ волосъ и глазъ, а также волость условными знаками.

Этотъ послѣдній пріемъ давалъ возможность легко опредѣлять цвѣтность въ разныхъ частяхъ поля таблицы.

Только при такомъ способѣ могутъ быть обнаружены всѣ имѣющіяся въ населеніи сочетанія этихъ трехъ признаковъ, которые могутъ ускользнуть при простомъ сопоставленіи ихъ между собою.

I. Ростъ (см. табл. I и карту) въ трехъ изслѣдованныхъ уѣздахъ, располагая ихъ съ сѣвера на югъ, выразился такими средними цифрами: Чердынскій 1635 mm., Соликамскій 1677 mm., Пермскій 1672 mm. Такимъ образомъ, по среднему росту самый сѣверный—Чердынскій уѣздъ значительно (болѣе 3,5 cm.) отличается отъ 2-хъ другихъ, а южные—Соликамскій и Пермскій разнятся между собою лишь на 0,5 cm.

Крив. I
Распредѣленіе роста
въ 3-хъ уѣздахъ
Чердынскій
Соликамскій
Пермскій
%

Разсматривая распредѣленіе роста, изображенное на табл. I и на кривой I, и построенныя мною для него идеальныя кривыя (см. крив. III), мы видимъ еще

Табл. 1.

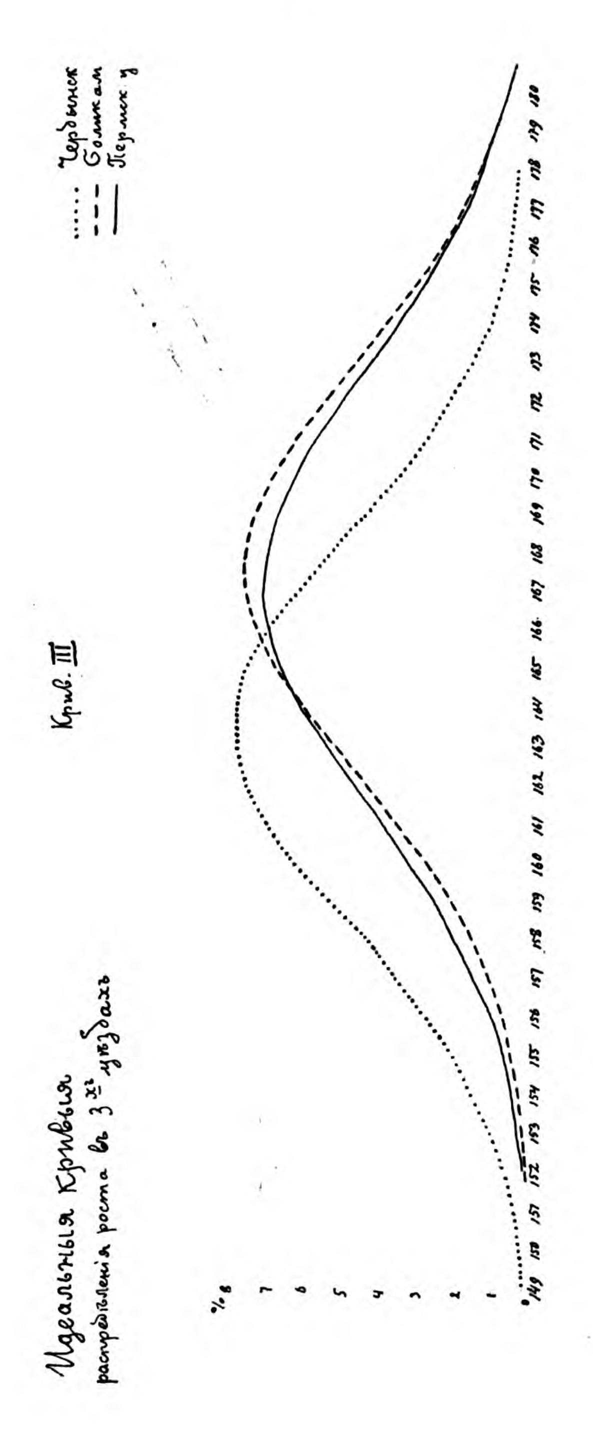
Ростъ.

	149	150	151	152	153	154	155	156	157	158	159	160	161	162	163	164	165	166	167	168	169
Чердынск. у. .	1	—	1	—	1	3	—	3	5	2	5	8	7	9	14	6	6	12	11	4	1
%	0,9	—	0,9	—	0,9	2,7	—	2,7	4,5	1,8	4,5	7,2	6,3	8,1	12,6	5,4	5,4	10,8	9,9	3,6	0,9
Соликам. у. . .	—	—	1	—	—	1	—	—	3	5	8	6	15	10	12	13	26	17	26	28	20
%	—	—	0,4	—	—	0,4	—	—	1,1	1,8	2,8	2,1	5,3	3,5	4,2	4,6	9,1	6,0	9,1	9,8	7,0
Пермскій у. . .	—	—	—	—	1	7	10	5	7	11	17	19	22	31	29	29	41	24	33	40	40
%	—	—	—	—	0,2	1,2	1,7	0,9	1,2	1,9	2,9	3,3	3,8	5,3	5,0	5,0	7,1	4,1	5,7	6,9	6,9

	170	171	172	173	174	175	176	177	178	179	180	181	182	183	184	185	186	187	N	M	Сред. вар.
Чердынск. у. .	—	4	3	1	2	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	111	1635	5,10
%	—	3,6	2,7	0,9	1,8	0,9	—	—	0,9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	99,9	—	—
Соликам. у. . .	11	19	16	8	10	8	5	4	7	1	2	—	1	—	1	—	—	1	285	1677	5,39
%	3,9	6,7	5,6	2,8	3,5	2,8	1,8	1,4	2,5	0,4	0,7	—	0,4	—	0,4	—	—	0,4	100,5	—	—
Пермскій у. . .	50	41	31	14	19	13	19	7	11	4	4	1	—	1	—	—	—	—	581	1672	5,72
%	8,6	7,1	5,3	2,4	3,3	2,2	3,3	1,2	1,9	0,7	0,7	0,2	—	0,2	—	—	—	—	100,3	—	—

болѣе наглядно различіе между сѣвернымъ уѣздомъ и двумя южными. По варіаціи они различаются мало, но въ Чердынскомъ уѣздѣ намѣчаются какъ будто два maximum'а на 163 и 166 cm.

Менѣе рѣзкіе намеки на два maximum'а мы находимъ на кривыхъ двухъ южныхъ уѣздовъ. Сравнивъ полученныя данныя съ таковыми же въ работѣ профес-

Идеальныя кривыя
распредѣленія роста въ 3-хъ уѣздахъ
Крив. III
Чердынск
Соликам
Пермск. у.
%

сора Д. Н. Анучина «О географическомъ распредѣленіи роста... (см. табл. 2), мы видимъ, что ростъ и по даннымъ проф. Анучина возрастаетъ къ югу. Въ сред-

Табл. 2.

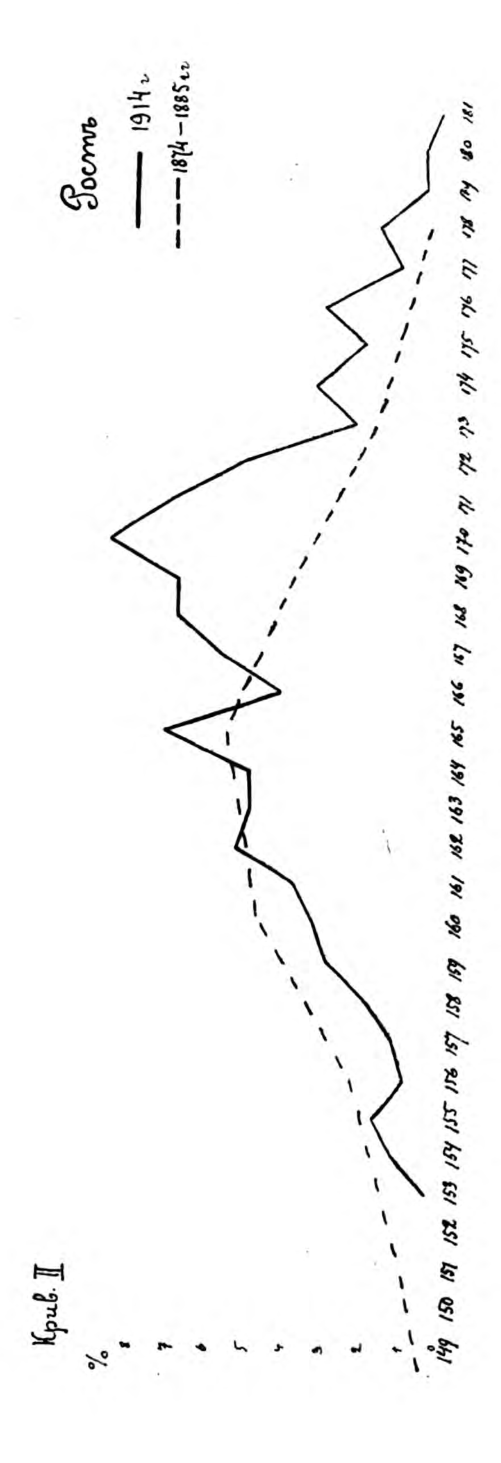
Уѣзды.	По Д. Анучину	Мои измѣрен.
Чердын.	1618 mm.	1635 mm.
Соликам. . . .	1623 mm.	1677 mm.
Пермск.	1639 mm.	1672 mm.

немъ, полученныя мною для отдѣльныхъ уѣздовъ цифры болѣе цифръ проф. Анучина, т.-е. съ 1874—83гг. до 1914 года ростъ въ этихъ уѣздахъ какъ бы повысился. Другое сравненіе мы можемъ сдѣлать съ данными Бѣлоусова [1]) для Пермскаго уѣзда, основанными на измѣреніяхъ не только принятыхъ на военную службу, но всѣхъ призывавшихся по этому уѣзду. Данныя эти относятся приблизительно къ тому же періоду времени, что и цифры проф. Анучина. Средній ростъ населенія Пермскаго уѣзда по Бѣлоусову, выведенный изъ измѣреній 7000 субъектовъ, равенъ 1636 mm. и почти одинаковъ съ данными Д. Н. Анучина (см. крив. II).

Объяснить констатированное выше увеличеніе роста различіемъ въ возрастѣ, едва ли возможно[2]). Быть можетъ здѣсь играли роль соціально-экономическія причины—отмѣна крѣпостного права и другія реформы, а также мѣропріятія земства въ области агрономіи, медицины, народнаго образованія. Извѣстно, что на ростъ вліяютъ внѣшнія условія: такъ, въ Пермскомъ уѣздѣ, по даннымъ и Бѣлоусова и по моимъ, ростъ заводскихъ волостей (Кусье-Александровская, Пашійская, Бисерская, Добрянская, Мотовилихинская, Лысьвинская, Юговская, Юго-Камская, Крестовоздвиженская, Полазнинская, Курашимская—Бѣлоусова и тѣ же у меня, за исключеніемъ Добрянской, Лысьвинской, Мотивилихинской) ниже, чѣмъ таковой въ земледѣльческихъ, гдѣ населеніе занято болѣе здоровымъ трудомъ, чѣмъ работа на заводахъ, рудникахъ, копяхъ, пріискахъ. Несмотря на это, если распредѣлить ростъ по всѣмъ волостямъ въ Пермскомъ уѣздѣ, относительно котораго мы располагаемъ большимъ матеріаломъ, то получимъ такую картину: наиболѣе высокорослое населеніе (167—170 cm.) находимъ около рѣкъ Камы, Чусовой, Обвы, по которымъ несомнѣнно шла первоначальная колонизація. Низкорослое (относительно) населеніе, отъ 163—166 cт. занимаетъ южную часть уѣзда и восточную, что тоже стоитъ въ связи съ указаннымъ выше ходомъ первоначальнаго заселенія края. Хотя число измѣренныхъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ и не велико, но за достовѣрность общей картины говоритъ слѣдующее сопоставленіе (см. табл. 3) моихъ данныхъ съ данными Бѣлоусова (7000 измѣреній) по волостямъ, которое я

[1]) Бѣлоусовъ, И. М. «Пермскій уѣздъ по даннымъ 12 призывовъ 1874—1885 годовъ къ исполненію воинской повинности». Пермь. 1895.

[2]) Ростъ изслѣдованныхъ 21-го года по уѣздамъ таковъ: Чердын. 1638, Соликам. 1665, Пермскій 1667; послѣ 21-го года—Чердын. 1634, Соликам. 1680, Пермск. 1674.

Крив. II
Ростъ
1914 г.
1874—1885 гг.
%
1 2 3 4 5 6 7 8
149 150 151 152 153 154 155 156 157 158 159 160 161 162 163 164 165 166 167 168 169 170 171 172 173 174 175 176 177 178 179 180 181

получилъ, составивъ обычную таблицу корреляціи для средняго роста волостей моихъ и Бѣлоусова.

Табл. 3.

Волости по Бѣлоусову имѣютъ ростъ (въ сантиметрахъ)	160—161	162—163	164—165
Средній ростъ тѣхъ же волостей по моимъ даннымъ[1])	165,6	166,8	167,7
	(6)	(12)	(21)

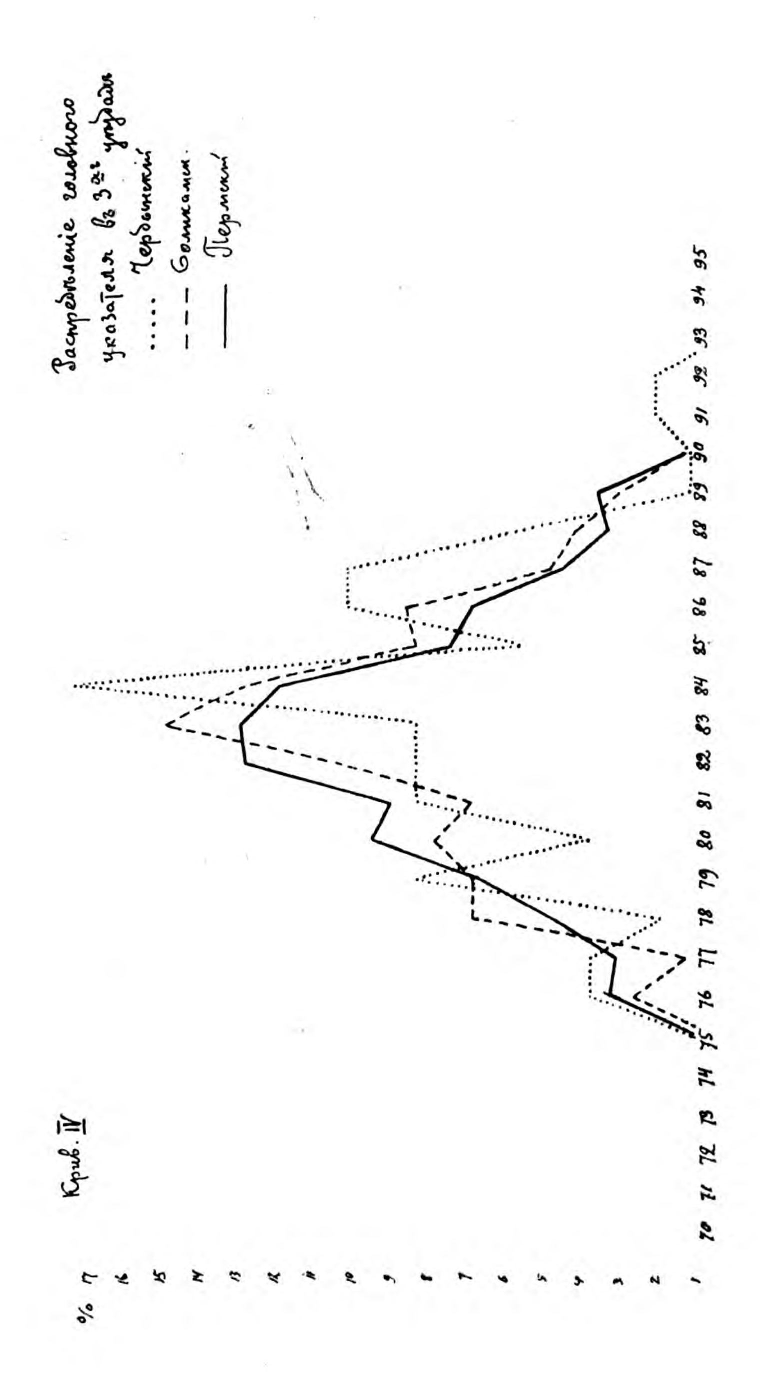
II. Головной указатель, какъ видно изъ таблицы 4 и кривыхъ (крив. IV), въ трехъ изслѣдованныхъ уѣздахъ не даетъ большихъ колебаній: для Чердынскаго уѣзда мы имѣемъ 83,45, для Соликамскаго 82,90 и для Пермскаго 82,60; такимъ образомъ, онъ понижается къ югу и, какъ и для роста, различіе между самымъ сѣвернымъ уѣздомъ, Чердынскимъ, и двумя южными больше, чѣмъ между этими послѣдними.

Головной указатель. *Табл. 4.*

Уѣзды.	70	71	72	73	74	75	76	77	78	79	80	81	82	83	84
Чердынскій . .	—	—	—	—	—	1	4	4	2	9	4	9	9	9	19
%	—	—	—	—	—	0,9	3,6	3,6	1,8	8,1	3,6	8,1	8,1	8,1	17,1
Соликамскій . .	—	—	1	—	—	1	7	3	19	19	22	19	29	42	36
%	—	—	0,4	—	—	0,4	2,5	1,1	6,7	6,7	7,7	6,7	10,2	14,7	12,6
Пермскій . . .	—	—	—	—	2	4	18	17	27	38	54	51	73	74	68
%	—	—	—	—	0,3	0,7	3,1	2,9	4,6	6,5	9,3	8,8	12,6	12,7	11,7

Уѣзды.	85	86	87	88	89	90	91	92	93	94	N	M	Сред. варіац.
Чердынскій . .	6	11	11	6	1	1	2	2	—	1	111	83,45	3,82
%	5,4	9,9	9,9	5,4	0,9	0,9	1,8	1,8	—	0,9	99,9	—	—
Соликамскій . .	23	24	13	11	8	3	2	2	1	—	285	82,90	3,45
%	8,1	8,4	4,6	3,9	2,8	1,1	0,7	0,7	0,4	—	100,4	—	—
Пермскій . . .	42	39	25	18	19	6	3	3	—	—	581	82,60	3,40
%	7,2	6,7	4,3	3,1	3,3	1,0	0,5	0,5	—	—	99,8	—	—

[1]) Число волостей показано въ скобкахъ.

Крив. IV
Распредѣленіе головного указателя въ 3-хъ уѣздахъ
Чердынскій
Соликамск.
Пермскій
%
17
16
15
14
13
12
11
10
9
8
7
6
5
4
3
2
1
70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95

Обращаясь къ идеальнымъ кривымъ (см. крив. V) распредѣленія головного указателя, мы видимъ то же самое, но нагляднѣе: ихъ модусы нѣсколько смѣщаются въ сторону брахицефаліи (слѣва направо) по мѣрѣ движенія къ сѣверу, особенно у Чердынскаго у. Интересно при этомъ отмѣтить, что у того же уѣзда идеальная кривая получилась менѣе острая, чѣмъ у двухъ другихъ, что указываетъ какъ бы на то, что процессъ смѣшенія не ушелъ еще здѣсь такъ далеко, какъ въ двухъ южныхъ уѣздахъ. Дѣйствительно, коэффиціентъ корреляціи, вычи-

Таб. 5.

Чердынскій	—0,20
Соликамскій	0,04
Пермскій	0,03

сленный по фромулѣ Пирсона, между ростомъ и головнымъ указателемъ для трехъ уѣздовъ таковъ: (табл. 5). Эти коэффиціенты показываютъ, что въ Чердынскомъ уѣздѣ высокому росту соотвѣтствуетъ низкій индексъ, а низкому росту болѣе высокій индексъ. Въ двухъ южныхъ уѣздахъ зависимости нѣтъ, или она чрезвычайно слаба. Въ этомъ мы убѣждаемся и простымъ сопоставленіемъ индекса у высокорослыхъ и низкорослыхъ субъектовъ въ этихъ уѣздахъ (таблица 6) [1]).

Табл. 3.

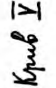
Уѣзды.	**Головной указатель**	
	роста ниже 161 cm.	**роста выше 175 cm.**
Чердынскій уѣздъ	83,80	82,2 [2])
Соликамскій уѣздъ	82,13	82,76
Пермскій уѣздъ	82,60	82,60

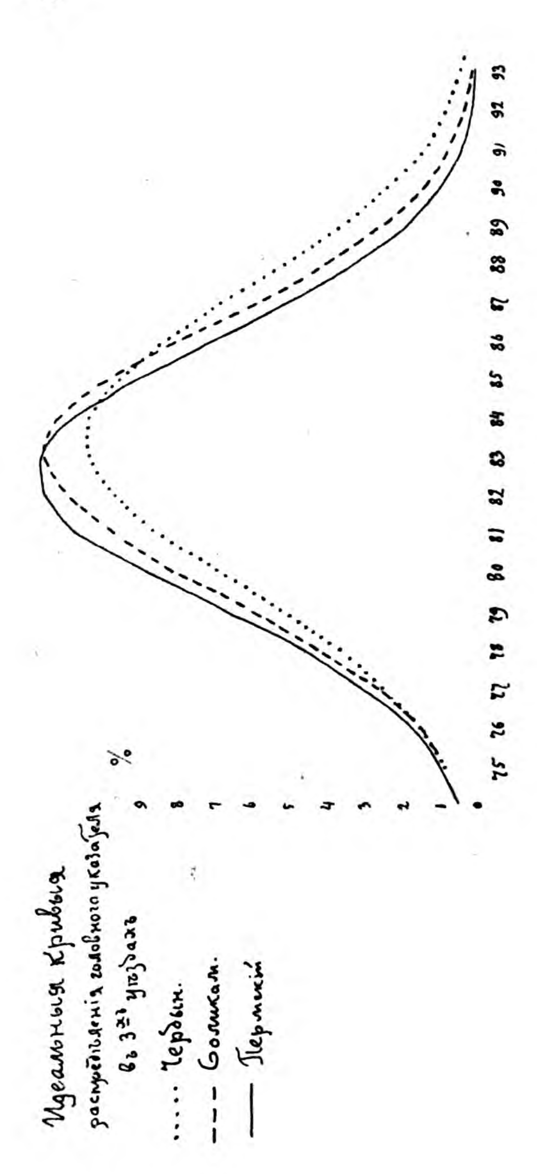
III. Цвѣтность и ея отношеніе къ двумъ другимъ признакамъ.

Цвѣтъ волосъ дѣлился мною въ работахъ 1914 года на 4 категоріи—бѣлорусый, русый, темный и рыжій, а цвѣтъ глазъ на пять категорій—голубые, сѣрые,

[1]) Если въ томъ же Пермскомъ уѣздѣ распредѣлить головной указатель по волостямъ, то оказывается, что наибольшій указатель (83,6—85) находится въ юго-восточной части уѣзда, по берегамъ же большихъ рѣкъ онъ равенъ 81,6—83,5.

[2]) По Чердынскому уѣзду индексъ для роста выше 165 cm.

Крив V

Идеальныя кривыя
распредѣленія головного указателя
въ 3-хъ уѣздахъ
..... Чердын.
- - - Соликам.
—— Пермскій
%
0
1
2
3
4
5
6
7
8
9
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93

зеленые, свѣтло-каріе и темно-каріе. Соединяя всѣхъ, имѣющихъ волосы бѣлорусые и русые и глаза голубые и сѣрые въ свѣтлый типъ, а имѣющихъ волосы темные и глаза свѣтло-каріе и темно-каріе въ темный типъ, мы и по этому признаку находимъ значительную разницу между сѣвернымъ уѣздомъ и двумя южными (табл. 7).

Табл. 7.

Уѣзды.	Свѣтл. типъ.	Темн. типъ.
Чердынскій уѣздъ.	34,2%	26,1%
Соликамскій уѣздъ	57,4%	15,5%
Пермскій уѣздъ.	49,4%	19,1%

Изслѣдуя въ Чердынскомъ уѣздѣ зависимость между цвѣтностью, ростомъ и головнымъ указателемъ въ разныхъ частяхъ поля корреляціи, мы находимъ слѣдующее: 23 индивидуума низкаго роста (отъ 149 до 160 cm.) съ индексомъ выше 80 имѣютъ свѣтлаго типа 39%, а темнаго 30%; 33 индивидуума, имѣющіе ростъ выше 165 cm., а индексъ ниже 85 имѣютъ свѣтлаго типа 33%, а темнаго 42%. Взявъ среднюю часть поля (при одинаковомъ ростѣ 161—165 cm., 42 индивидуума), мы находимъ до индекса 81—свѣтлаго типа 12,5%, темнаго 75%; отъ 81—85 свѣтлаго 31, темнаго 12,5%. За индексомъ 86 свѣтлый типъ даетъ въ этой части поля 56%, а темный 22%. Такимъ образомъ, темные оттѣнки связаны съ болѣе высокимъ ростомъ и болѣе низкимъ головнымъ указателемъ, чѣмъ свѣтлые. То же мы находимъ, сопоставляя индексъ и ростъ съ цвѣтностью отдѣльно (табл. 8 и 9).

Головной указатель свѣтлаго и темнаго типовъ. Чердынскій уѣздъ.

Табл. 8.

	—	75	76	77	78	79	80	81	82	83	84	85
Свѣтлый типъ	—	—	1	1	—	2	2	—	6	2	6	1
Темный типъ.	—	—	1	1	1	3	2	4	1	3	7	2

	86	87	88	89	90	91	92	93	94	—	N	M
Свѣтлый типъ	6	3	3	—	1	1	—	—	1	—	36	84.27
Темный типъ.	2	3	1	1	—	—	1	—	—	—	33	83.12

Табл. 9.

Ростъ свѣтлаго и темнаго типовъ. Чердынскій уѣздъ.

	148	149	150	151	152	153	154	155	156	157	158	159	160	161	162	163	164	165
Свѣтлый типъ	—	—	—	—	—	1	1	—	1	1	—	3	1	2	6	4	2	2
Темный типъ.	—	1	—	—	—	—	—	—	2	2	—	—	2	3	2	4	2	1

	166	167	168	169	170	171	172	173	174	175	176	177	178	179	180	N	M
Свѣтлый типъ	5	3	1	—	—	2	—	—	—	—	—	—	1	—	—	36	1633
Темный типъ.	1	5	2	1	—	1	3	—	1	—	—	—	—	—	—	33	1641

Что касается двухъ южныхъ уѣздовъ, Соликамскаго и Пермскаго, то тамъ мы наблюдаемъ очень слабую связь индекса съ ростомъ. Съ цвѣтностью обнаруживается тоже лишь слабая зависимость въ томъ же направленіи, какъ и въ Чердынскомъ уѣздѣ (таблица 10).

Табл. 10.

Уѣзды.	Ростъ.		Головной указатель.	
	Свѣтлый типъ.	Темный типъ.	Свѣтлый типъ.	Темный типъ.
Чердынскій.	1633	1641	84,3	83,1
Соликамскій	1673	1678	83,3	82,0
Пермскій	1665	1672	82,7	82,4

Резюмируя сказанное въ этомъ краткомъ сообщеніи, мы видимъ слѣдующее:

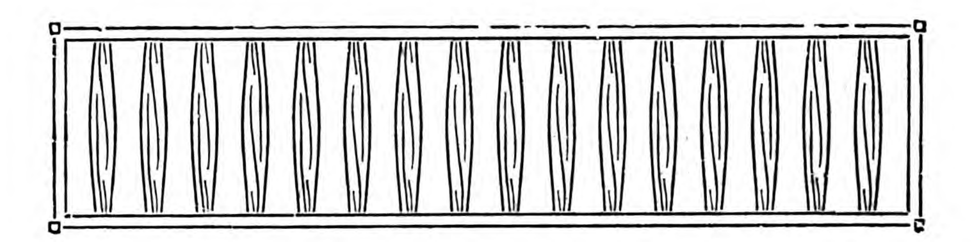
1) Головной указатель, мало отличаясь по средней величинѣ, все же явственно повышается въ сѣверномъ, Чердынскомъ у., и кривая его здѣсь болѣе растянута.

2) Въ сѣверномъ уѣздѣ замѣтна явственная связь между тремя признаками въ томъ смыслѣ, что высокій ростъ связанъ съ болѣе темными оттѣнками и болѣе низкимъ индексомъ; въ двухъ южныхъ уѣздахъ связь эта очень слаба.

Отсюда можно сдѣлать тотъ выводъ, что великорусское крестьянское населеніе Чердынскаго уѣзда состоитъ изъ двухъ главныхъ типовъ: а) болѣе широкоголоваго, свѣтлаго и низкаго; б) болѣе длинноголоваго, темнаго и болѣе высокаго. Въ Соликамскомъ и Пермскомъ уѣздахъ, по имѣющемуся матеріалу, этихъ типовъ явственно выдѣлить нельзя, такъ что населеніе ихъ представляется уже какъ бы гораздо болѣе смѣшаннымъ. Намѣчается, такимъ образомъ, задача опредѣлить этническую принадлежность этихъ двухъ типовъ въ связи съ исторіей колонизаціи Пермскаго края. Однимъ изъ средствъ для ея разрѣшенія явилось бы сравненіе найденныхъ типовъ съ признаками пермяковъ и другихъ инородцевъ этого края, а также и изученіе распредѣленія формы головы, цвѣтности и роста великоруссовъ, обитающихъ районъ, промежуточный между Пермскимъ краемъ и тѣми частями Великороссіи, для которыхъ уже существуетъ карта распредѣленія этихъ признаковъ и намѣчены главные типы. Эти вопросы я позволяю себѣ отложить до обработки собранныхъ мною матеріаловъ о пермякахъ и великоруссахъ губерній, сосѣдящихъ съ Пермскимъ краемъ.

Кончая, считаю своимъ долгомъ благодарить Императорское Общество Любителей Естеств. Антроп., и Этногр., открытымъ листомъ котораго я пользовался, Пермское губернское и Соликамское уѣздное земства, предоставившія мнѣ безплатно проѣздные билеты, сельскую интеллигенцію, оказывавшую всяческое содѣйствіе моей работѣ, глубокоуважаемаго профессора Д. Н. Анучина за поддержку моихъ экскурсій и приватъ-доцента Е. М. Чепурковскаго за постоянную готовность помочь мнѣ своими указаніями и совѣтами при обработкѣ собраннаго матеріала.

Б. Вишневскій.

Къ антропологіи армянъ.

Въ бытность мою въ Іерусалимѣ въ 1908 г. я имѣлъ возможность, благодаря любезности завѣдующаго тамошней армянской духовной семинаріей, изслѣдовать воспитанниковъ ея. Къ сожалѣнію, я могъ набрать только контингентъ въ 20 человѣкъ, но думаю, что и эта небольшая группа имѣетъ свой интересъ, такъ какъ она составилась, главнымъ образомъ, изъ обитателей Малой Азіи. Но и помимо того, армяне, представляя собой остатокъ древнѣйшихъ, можетъ быть, обитателей передней Азіи, въ общемъ еще сравнительно мало изучены антропологически, вслѣдствіе чего я полагаю, что и моя маленькая группа найдетъ свое мѣсто въ оцѣнкѣ антропологическаго типа армянъ. Неоднородность матеріала по мѣсту жительства отъ Адріанополя до Багдада—уравновѣшивается отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что разселеніе армянъ, какъ таковыхъ, совершилось сравнительно поздно уже при свѣтѣ исторіи и если замѣчаются кое-какія отступленія отъ рѣзко выраженнаго ихъ типа, то причины тому слѣдуетъ искать не въ разселеніи народовъ въ новѣйшее время, а въ длительномъ и болѣе или менѣе широкомъ смѣшеніи, имѣвшемъ мѣсто въ древнія времена въ постоянно бурлящемъ котлѣ народовъ передней Азіи.

Небольшое число измѣренныхъ не позволяетъ детально остановиться на всѣхъ видоизмѣненіяхъ въ размѣрахъ, такъ какъ таковыя могутъ быть чисто случайнаго характера. Я ограничусь, поэтому, только приведеніемъ рядомъ съ средней также и наибольшей и наименьшей величинъ. Я считаю также лишнимъ сравнить свои данныя съ данными другихъ авторовъ, такъ какъ мои собственныя наблюденія недостаточны для монографической обработки, а могутъ только служить сырымъ матеріаломъ для таковой въ будущемъ.

Ростъ изслѣдованныхъ мною армянъ равнялся 1646 мм. въ среднемъ и колебался между 1550 и 1820. Принимая во вниманіе, что изъ числа изслѣдованныхъ мной лицъ 16 находились еще въ періодѣ роста (моложе 25 лѣтъ), я полагалъ бы, что среднюю цифру можно увеличить до 1660.

Большой размахъ въ среднемъ равнялся 1679 мм. и колебался между 1600 и 1830. Обращаетъ на себя вниманіе незначительное въ общемъ преобладаніе большого размаха надъ ростомъ, составляющее только 33 мм. Въ связи съ этимъ стоитъ то явленіе, что изъ 20 изслѣдованныхъ у 5 оба размѣра были равны, а у двухъ большой размахъ былъ меньше роста.

Горизонтальная окружность головы даетъ въ среднемъ 548 мм., колеблясь между 530 и 570.

Наибольшая длина головы была въ среднемъ равна 182 мм., при максимумѣ въ 194 и минимумѣ въ 175.

Наибольшая ширина головы равнялась въ среднемъ 153 мм., при максимумѣ въ 168 и минимумѣ въ 144.

Соотвѣтственно съ размѣрами головы и благодаря, главнымъ образомъ, ея большой ширинѣ, головной указатель получился въ среднемъ равнымъ 84.1, при чемъ колебанія его простирались между 75.8 и 90.3. Замѣчательно, что среди 20 измѣренныхъ не было ни одного длинноголоваго, между тѣмъ какъ половина изъ нихъ были чрезмѣрно короткоголовы.

Длина лица (отъ переносицы до подбородка) колебалась между 112 и 137 и равнялась въ среднемъ 122 мм.

Ширина лица (наибольшая по скуловой дугѣ) даетъ болѣе постоянныя величины въ предѣлахъ между 127 и 145, въ среднемъ же она составляла 136 мм.

Лицевой указатель, при наименьшей величинѣ въ 83.6 и наибольшей въ 98.4, составлялъ въ среднемъ 89.7 и стоялъ, такимъ образомъ, на границѣ между узколицестью (до 90.0), куда можно было отнести 11 лицъ, и широколицестью (выше 90.0), куда принадлежали остальные 9 измѣренныхъ.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ и сама форма лица была въ большинствѣ случаевъ овальная, при чемъ чисто овальную форму имѣли 7, остроовальную 8, длинноовальную 4 и только одинъ имѣлъ широкоовальное лицо. Выступаніе скуловыхъ дугъ, а также покатый лобъ составляютъ рѣдкое явленіе и были замѣчены только по одному разу.

Длина носа (отъ переносицы до основанія) колебалась между 48 и 61 и равнялась въ среднемъ 55 мм.

Межглазничное пространство равнялось въ среднемъ 30 мм. и колебалось въ предѣлахъ отъ 26 до 35.

Ширина носа (у прикрѣпленія его крыльевъ) дала въ среднемъ 33 мм., при колебаніи между 29 и 39.

Носовой указатель колебался въ предѣлахъ между 54.4 и 70.8 и равнялся въ среднемъ 60.0.

V. Luschan впервые указалъ на то, что такъ называемый семитическій носъ, отличающійся крупными размѣрами, горбатой спинкой и низко опущен-

нымъ кончикомъ, есть въ сущности армянскій. Эго прискорбное во многихъ отношеніяхъ недоразумѣніе было, я полагаю, вызвано тѣмъ, что европейцы впервые и притомъ уже очень давно, еще въ средніе вѣка, познакомились съ этой формой носа по жившимъ среди нихъ евреямъ, восточнымъ выходцамъ, пріобрѣвшимъ ее въ длительномъ смѣшеніи съ народами передней Азіи и Кавказа. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ то обстоятельство, что описанная форма, совершенно не встрѣчающаяся среди истыхъ семитовъ, какъ напримѣръ, бедуиновъ, является гораздо болѣе частой особенностью армянскаго, чѣмъ еврейскаго лица. Такъ и изъ

Армяне семинаристы въ Іерусалимѣ.

изслѣдованныхъ мною армянъ 12 имѣли прямой носъ, а 8 семитическій, при чемъ послѣдняя форма была у 5 выражена весьма рѣзко.

По цвѣтовому типу армяне должны быть причислены къ брюнетамъ, такъ какъ только 3 изъ изслѣдованныхъ мной въ виду сѣрыхъ глазъ были смѣшаннаго типа. Изъ остальныхъ 7 имѣли темнокаріе, 6 каріе и 4 свѣтлокаріе глаза. Волосы у 11 лицъ были черные и у 9 темнокоричневые.

Въ заключеніе позволю себѣ замѣтить, что мои хотя и немногочисленные данные вполнѣ подтверждаютъ сложившееся уже на основаніи прочихъ изслѣдованій представленіе объ антропологическомъ типѣ армянъ.

Измѣрительные при

№	Возрастъ.	Мѣстожительство.	Ростъ.	Большой размахъ.	Наибольшая длина голов.	Наибольшая шир. головы	Головной указатель.	Горизонтал. окружность головы.	Длина лица.	Ширина лица.	Лицевой указатель.
1	22	Брусса . . .	1655	1670	183	144	78,7	540	115	128	89,8
2	19	Мушъ. . . .	1740	1810	178	153	86,0	545	121	139	87,0
3	19	Сасунъ . . .	1675	1730	179	152	84,9	545	125	141	88,6
4	21	Адана . . .	1580	1670	178	149	83,7	540	116	133	87,2
5	18	Родосто. . .	1585	1600	185	163	88,1	565	121	140	86,4
6	19	Александрета	1630	1680	177	158	89,3	545	124	135	91,8
7	19	Айнтабъ. . .	1615	1650	186	150	80,6	550	124	132	93,4
8	19	Смирна . . .	1665	1650	186	168	90,3	570	123	144	85,4
9	20	Алеппо. . .	1630	1630	175	150	85,7	530	126	128	98,4
10	29	Ангора. . .	1635	1680	184	164	89,1	570	126	145	86,9
11	18	Алеппо. . .	1625	1720	175	153	87,4	535	122	129	94,6
12	19	Брусса. . .	1660	1620	189	152	80,4	555	123	139	88,5
13	37	Іерусалимъ .	1640	1730	194	147	75,8	555	112	134	83,6
14	20	Брусса. . .	1665	1670	178	155	87,1	545	123	135	91,1
15	18	Багдадъ. . .	1650	1650	186	151	81,2	550	118	140	84,3
16	19	Іерусалимъ .	1610	1610	186	146	78,5	550	123	127	96,8
17	18	Битлисъ . .	1630	1660	177	152	85,9	530	124	133	93,2
18	56	Эрзерумъ. .	1550	1650	178	144	80,9	530	127	130	97,7
19	19	Адріанополь .	1665	1670	181	161	88,9	550	118	139	84,9
20	27	Брусса. . .	1820	1830	185	155	83,8	555	137	142	96,5

знаки 20 армянъ.

Длина носа.	Межглазн. пространство.	Ширина носа.	Носовой указатель.	Форма лица.	Форма носа.	Цвѣтъ волосъ.	Цвѣтъ глазъ.
53	28	32	60,4	Овальная.	Прямой.	Тем.-кор.	Карій.
57	30	32	56,1	"	"	"	Сѣрый.
49	33	33	67,3	"	"	"	Тем.-карій.
48	32	34	70,8	Остроовал.	Прям., шир.	Черный.	Карій.
55	29	36	65,5	Остроов. (выст. скул. дугъ).	Немн. семит.	"	Тем.-карій.
57	31	33	57,9	Овальная.	Семит.	"	Карій.
58	34	35	60,3	"	"	"	"
54	32	31	57,4	Остроовал.	"	Тем.-кор.	Свѣтл.-карій.
57	26	31	54,4	Длинноов.	Немн. семит.	Черный.	Тем.-карій.
61	32	35	57,4	Овальная.	"	Тем.-кор.	Свѣтл.-карій.
56	29	32	57,1	Остроовал.	Семит.	Черный.	Тем.-карій.
54	35	35	64,8	Овальная.	Прям.	"	"
53	31	32	60,4	Остроовал.	"	Тем.-кор.	Свѣтл.-карій.
52	30	32	61,5	Длиннов.	"	Черный.	Сѣрый.
49	31	32	65,3	Остроовал.	"	Тем.-кор.	Карій.
55	26	33	60,0	"	"	Черный.	Свѣтл.-карій.
60	29	39	65,0	"	Шир., прям.	Тем.-кор.	Тем.-карій.
57	29	33	57,9	Длинноов. (пок. лобъ).	Семит.	Черный.	Сѣрый.
49	28	29	59,2	Широкоов.	Прям.	Тем.-кор.	Тем.-карій.
59	32	35	52,3	Длинноов.	"	Черный.	Карій.

С. Вайсенбергъ.

Нѣкоторыя находки каменныхъ орудій въ Тверской и въ Новгородской губ. и ихъ мѣсто въ системѣ европейской палеоэтнологіи.

Южная часть Новгородской губерніи и прилегающіе къ ней уѣзды Тверской губерніи издавна извѣстны богатствомъ своимъ остатками каменнаго вѣка. Здѣсь составлялись коллекціи И. С. Полякова, кн. Путятина, въ теченіе многихъ лѣтъ систематически изслѣдовавшаго извѣстную Бологовскую стоянку, В. Передольскаго, Н. К. Рериха, П. Ѳ. Симсона и многихъ другихъ коллекціонеровъ и любителей. Собранія эти лишь въ маломъ числѣ попали въ музеи, хранятся они у частныхъ лицъ, и поэтому мало доступны. По большей части они еще не описаны или описаны мало удовлетворительно. Но и то, что извѣстно, возбуждаетъ, несомнѣнно, большой интересъ. Въ особенности останавливаетъ вниманіе изслѣдователей то обстоятельство, что здѣсь, въ районѣ Валдайской возвышенности, рядомъ съ многочисленными остатками поздне-неолитической культуры, встрѣчаются нерѣдко формы орудій столь примитивныя и столь, казалось бы, чуждыя неолиту, что многія изъ нихъ слѣдовало бы отнести къ палеолиту и, даже, къ древнѣйшимъ его эпохамъ.

Лѣтомъ 1911 года мнѣ пришлось объѣхать рядъ озеръ Новгородской и отчасти Тверской губерніи (Валдай, Бологое, Пиросъ, Кафтино верхнее и нижнее, Тубасъ и Лабынецъ); собранные здѣсь остатки каменнаго вѣка составили значительную коллекцію[1]), которая еще ждетъ своего описанія. Въ ней, среди массы чисто неолитическихъ формъ, выдѣляется группа находокъ (гл. обр. съ оз. Пиросъ) массивныхъ орудій, частью отбивныхъ (т. е. приготовленныхъ изъ пластины, отдѣленной отъ нуклеуса), частью съ обѣихъ сторонъ оббитыхъ, и въ этомъ случаѣ удивительно напоминающихъ первичное орудіе—шелльское ручное рубило (coup de poing). Пользуюсь случаемъ дать описаніе одного изъ характернѣйшихъ coup de poing'видныхъ орудій моей коллекціи (рис. 1). Оно приготовлено изъ буровато-коричневой плотной кремнистой породы; патины, повидимому, не имѣетъ; совершенно не окатано, хотя и было найдено среди береговой гальки—края его вполнѣ сохраняютъ

[1]) Хранится въ Кабинетѣ Географіи и Антропологіи Петроградскаго Университета.

свою первоначальную остроту и угловатость. Оббито оно, съ обѣихъ сторонъ, крупными, неправильными фасетками и болѣе тонкой ретуши совершенно не имѣетъ. Его края, въ профиль, обладаютъ характерной для шелльскихъ орудій извилистостью; въ основаніи, нѣсколько сбоку, наблюдается сильная притупленность края, такъ называемая пятка (talon), предохраняющая руку отъ порѣза при сильномъ ударѣ; эта пятка также свойственна шелльскимъ формамъ. Кромѣ основанія, подобная же притупленность края имѣется и на одномъ изъ боковыхъ краевъ; въ совокупности эти пятки даютъ возможность удобно помѣщать орудіе въ рукѣ для работы. У этого экземпляра оба противоположныхъ конца служили, повидимому, какъ инструменты: основаніе съ его рѣжущимъ краемъ и верхній конецъ—массивно заостренный. Длина орудія—137 м.м., ширина—84 м.м., толщина—55 м.м.

Значительно ранѣе, Н. К. Рерихъ въ своей статьѣ «Каменный вѣкъ на оз. Піросъ» (Зап. Отд. Рус. и Слав. Арх. И. Р. А. Общ. т. VII, 1905 г., стр. 168, 169), упоминаетъ о находкахъ въ нѣсколькихъ пунктахъ побережья того же озера подобныхъ орудій. Вотъ нѣсколько примѣровъ: «миндалевидное крупное орудіе для насадки на рукоять, какъ палица (шелльской формы)» [1]), «длинное орудіе въ типѣ бельгійскихъ изъ Pienne»[2]), «9 орудій миндалевидной формы», «грубый рѣзакъ (tranchet)», далѣе отмѣчаются «миндалевидныя орудія», «tranchet», «орудіе типа bec de perroquet» и т. п. Къ сожалѣнію, авторъ не снабдилъ свою статью рисунками, которые давали бы возможность судить о вѣрности его опредѣленій. Если Н. К. Рерихъ не высказываетъ своего мнѣнія о возрастѣ этихъ орудій, то кн. Путятинъ, П. Ѳ. Симсонъ, И. Т. Савенковъ и нѣкоторые другіе прямо относятъ подобныя находки къ палеолиту.

Изъ этого можно видѣть, какой исключительный интересъ для русской археологіи представляетъ уясненіе этихъ неожиданныхъ и загадочныхъ находокъ.

Нѣкоторое знакомство съ европейскими собраніями и рядъ статей по вопросамъ каменнаго вѣка, появившихся за послѣдніе годы въ европейской палеоэтнологической литературѣ, натолкнули меня на мысль попытаться установить для нашихъ валдайскихъ находокъ аналогію въ европейскихъ находкахъ и тѣмъ, быть можетъ, нѣсколько разсѣять тьму, окутывающую вопросъ объ ихъ возрастѣ. Долженъ оговориться, что смотрю на настоящую замѣтку, какъ на предварительное сообщеніе. Въ мою задачу совершенно не входитъ дать сколько-нибудь исчерпывающее изложеніе вопроса, хотя бы уже по одному тому, что въ нашей археологической литературѣ совершенно отсутствуетъ сколько-нибудь полное описаніе инвентаря этихъ своеобразныхъ стоянокъ. Главной руководящей формой интересующей насъ группы находокъ я считаю coup de poing' видную форму и на ней, по преимуществу, буду базироваться.

---

[1]) Это нѣкоторое недоразумѣніе, такъ какъ шелльскіе coups de poing, какъ показываетъ уже ихъ названіе, на рукоять не насаживались.

[2]) Авторъ имѣетъ въ виду, вѣроятно, орудія типа pic, находимыя, дѣйствительно, въ извѣстномъ бельгійскомъ мѣстонахожденіи Spiennes.

Въ Импер. Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ имѣется весьма любопытная коллекція каменныхъ орудій, происходящихъ изъ-подъ г. Старицы (Тверской губ.), собранная на побережьѣ Волги. Это—стоянка, или вѣрнѣе мастерская, съ особымъ, характернымъ обликомъ той кремневой индустріи, которая насъ сейчасъ интересуетъ, почти свободная отъ примѣси болѣе позднихъ, чисто неолитическихъ формъ. Здѣсь, правда, имѣется нѣсколько черепковъ неолитической посуды, пара глиняныхъ пряслицъ, нѣсколько наконечниковъ стрѣлъ и другихъ, явно «робенгаузенскихъ» формъ. Такъ какъ орудія подбирались съ поверхности и безъ всякаго выбора, то, естественно, мы могли бы встрѣтить здѣсь остатки и болѣе позднихъ эпохъ и культуръ, но уже сама ихъ малочисленность и совсѣмъ особый обликъ мастерской—громадность нуклеусовъ, массивность и характерная «примитивность» орудій, и присутствіе такихъ типичныхъ для разсматриваемой культуры формъ, какъ

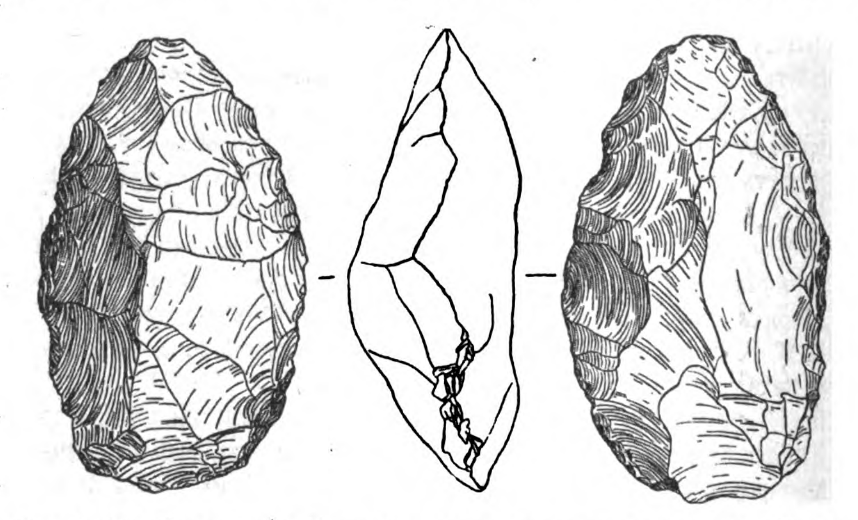

Рис. 1. (Ок. ²/₅ нат. вел.). Ручное рубило, найденное на побережьѣ оз. Пиросъ, Новг. губ.

«ручное рубило» и «ручной топоръ»—опредѣленно говорятъ за ея иной, не «робенгаузенскій» возрастъ. Особенный интересъ этой коллекціи, довольно бѣдной законченными формами орудій (что, впрочемъ, повидимому, характерно для ранняго неолита) заключается въ томъ, что лицо, ее собравшее, доставило все, что составляло мастерскую—нуклеусы и простые валуны кремня, приготовленные для обработки, осколки и обломки орудій, пластины и законченныя орудія. Не имѣя возможности сейчасъ издать эту интересную коллекцію, которая заслуживаетъ, несомнѣнно, детальнаго изученія и подробнаго описанія, какъ съ точки зрѣнія формъ, такъ и съ точки зрѣнія техники, опишу лишь нѣсколько, по моему мнѣнію, болѣе типичныхъ орудій.

Н у к л е у с ы и о т б о й н и к и. Нуклеусы представлены обычно очень крупными кремневыми желваками съ ограниченнымъ числомъ большихъ непра-

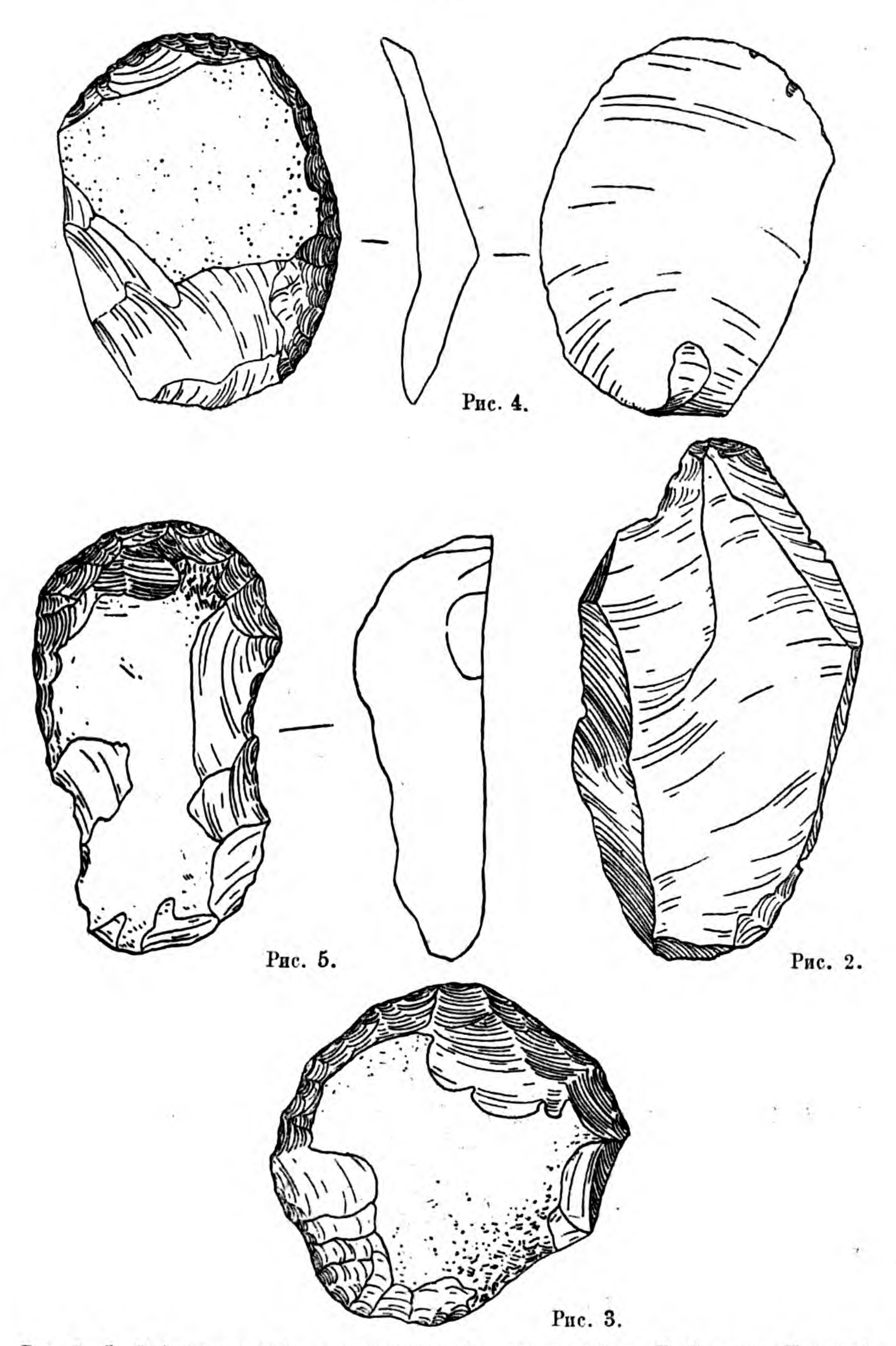

Рис. 2—5. Отбивныя орудія, сопровождающія ручное рубило. Г. Старица, Тверской губ. Пластинка—рис. 2, скребокъ (grattoir) — рис. 5, скребла (racloirs)—рис. 3 и 4 $^1/_2$ нат. вел.

вильныхъ фасетокъ (плоскости отдѣленія пластинокъ). Отбойниками служили, повидимому, такіе же кремневые валуны, на граняхъ которыхъ замѣтны слѣды сильныхъ, повторныхъ ударовъ.

Пластины крупныя, широкія, неправильныхъ очертаній и несимметрично ограненныя, часто подтреугольныхъ формъ (рис. 2).

Скребла (racloirs) округлыхъ формъ, какъ изображенное на рис. 3, или характера grattoir-racloir (нѣсколько мустьерскаго облика), какъ изображенное на рис. 4.

Скребки (grattoirs)—на концѣ массивной пластины, иногда съ нѣсколько обособленной рукояткой (gestielter Kratzer)—рис. 5.

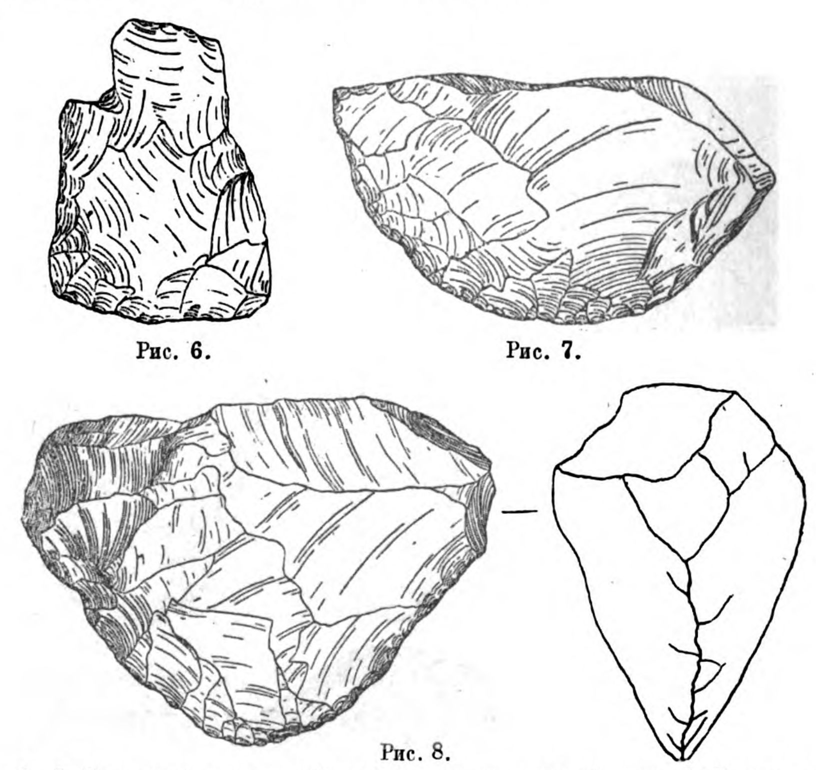

Рис. 6—8. Кремневый топоръ, оббитый, но не полированвый—рис. 6 (1/2 нат. вел.), Ручное рубило (Handhacke)—рис. 7 (1/2 нат. вел.), рис. 8 (1/3 нат. вел.). Изъ находокъ возлѣ г. Старицы, Тверской губ.

Топоръ кремневый оббитый (не полированный) изобр. на рис. 6. Относится ли онъ къ описываемой культурѣ, сказать не рѣшаюсь.

Ручной топоръ (Handhacke) [1]). Онъ слѣдующимъ образомъ описы-

[1]) Не смѣшивать съ ручнымъ рубиломъ. Терминъ «ручной топоръ» я считаю необходимымъ ввести для обозначенія весьма своеобразной формы рубящаго орудія, которое не рѣдко въ описываемыхъ находкахъ. Долженъ отмѣтить, что хорошая характеристика и правильное истолкованіе этой формы даны г. Макаренко въ описаніи каменныхъ орудій

вается г. Макаренко: «Массивные ножи или топоры, находимые пока исключительно по верхнему теченію Волги. Это-подѣлки, доходящія иногда до четверти аршина длины и состоящія изъ толстой широкой кремневой пластины съ круглымъ лезвіемъ и широкимъ обухомъ. Такой ножъ довольно удобно захватывается въ ладонь руки. Обыкновенно на трети длины такія подѣлки откалываются, такъ что образуется второй обухъ, перпендикулярный первому. Минимальная величина этихъ ножей—вершокъ, но чаще всего они держатся въ предѣлахъ $1^1/_2$—2 вершковъ». Если небольшія орудія этого типа, какъ изображенныя въ статьѣ г. Макаренко или на рис. 7 изъ коллекціи Историческаго Музея, могутъ быть истолкованы, какъ ножи или скребла, то для такихъ громадныхъ инструментовъ, какъ помѣщенный нами на рис. 8, совершенно ясно ихъ назначеніе, какъ орудія рубящаго, причемъ ихъ массивный обухъ, полученный поперечнымъ отколомъ, явно служитъ

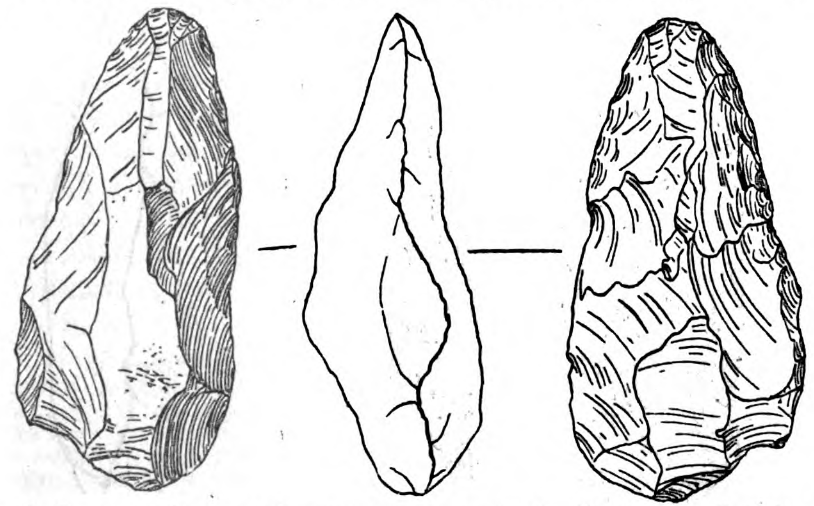

Рис. 9. Ручное рубило, приближающееся къ типу pic. Найдено возлѣ г. Старицы, Тверской губ.

для обхвата рукой. Впрочемъ и самъ г. Макаренко, повидимому, принимаетъ это объясненіе для болѣе крупныхъ экземпляровъ своей коллекціи.

Ручныя рубила (coups de poing) не рѣдки въ коллекціи. Они то весьма примитивны—въ видѣ подходящей формы валуна съ грубымъ заостреніемъ, то оббиты сплошь, иногда сравнительно невелики и удлинены (рис. 9), напоминая кампиньенскій pic или, наконецъ, вполнѣ сходны съ шелльскимъ ручнымъ рубиломъ. Рис. 10 изображаетъ такое массивное миндалевидное орудіе, отдѣланное крупными отколами.

Болѣе детальное изученіе этой коллекціи, хранящейся въ особыхъ условіяхъ, дающихъ ей большую наглядность, но нѣсколько затрудняющихъ пересмотръ

изъ-подъ городища у д. Прислонъ Калязинскаго уѣзда («Поѣздка 1903 г. по верхнему теченію р. Волги» (Изв. Имп. Арх. Комиссіи. В. 6-й 1904 г., стр. 95—98, рис. 32, 33); но врядъ ли эти находки имѣютъ какое-либо отношеніе къ самому городищу.

отдѣльныхъ вещей, можетъ открыть и иныя формы, встрѣчающіяся въ другихъ аналогичныхъ стоянкахъ: проколки, рѣзцы (burins), быть можетъ, даже bec de perroquet. Интересно было бы, наконецъ, вырѣшить также, встрѣчается ли въ этомъ комплексѣ формъ, съ ея руководящей формой—coup de poing—и настоящій топоръ, хотя бы въ его примитивной формѣ—такъ наз. траншэ (tranchet) или грубо оббитаго овальнаго топора (Gratbeil). Указанія на это имѣются, но точно, пока, ни фактъ его присутствія, ни форма его не установлена.

Не останавливаясь на другихъ, аналогичныхъ стоянкахъ, достаточно поверхностно еще изслѣдованныхъ и совершенно не изученныхъ, отмѣчу только, что, по

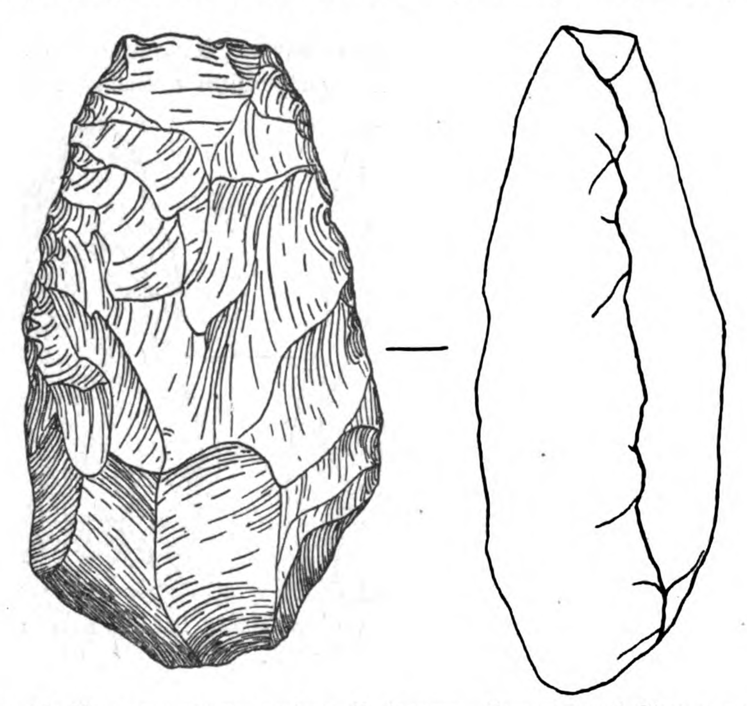

Рис. 10. Массивное ручное рубило. Г. Старица, Тверской губ. $^5/_8$ нат. вел.

моимъ, свѣдѣніямъ находки орудій этого типа изрѣдка встрѣчаются на побережьяхъ озеръ Новгородской губ. и тяготѣютъ къ Тверской губ., гдѣ онѣ особенно многочисленны по берегамъ Волги. Дальнѣйшее ихъ распространеніе пока совершенно не прослѣжено [1]).

Можно поставить теперь вопросъ, къ какому времени относятся эта и подобныя ей находки, характеризующіяся присутствіемъ ручного рубила(coup de poing).

[1]) Можно, повидимому, согласиться съ Обермайеромъ, что эбошевидная форма изъ коллекціи Полякова, происходящая, кажется, изъ Олонецкой губ., не можетъ считаться coup de poing, какъ того хотѣлъ O. Herman. Срав. O. Herman «Das Artefakt von Olopec». Mitt. der Anthropolog. Gesel. in Wien, 1910; стр. 181.

Вопросъ этотъ, особенно за послѣднее время, сильно интересуетъ русскихъ археологовъ. Правда, въ нашей ученой литературѣ, на сколько мнѣ извѣстно, онъ еще не ставился сколько-нибудь опредѣленно. Но, несомнѣнно, уже издавна существуетъ тенденція разсматривать эти находки, какъ палеолитическія. Палеолитическому возрасту приписываются находки нижняго слоя Бологовской стоянки [1]), къ палеолиту относитъ значительную часть своей коллекціи (правда), довольно фантастической) г. Симсонъ [2]). Особенно горячимъ и убѣжденнымъ сторонникомъ этой точки зрѣнія былъ недавно умершій, видный русскій археологъ И. Т. Савенковъ. По порученію Этнографическаго Музея Имп. Академіи Наукъ онъ ѣздилъ въ 1913 году въ Тверскую губернію, чтобы выяснить геологическія условія залеганія орудій интересующихъ насъ типовъ, но преждевременная смерть помѣшала ему опубликовать результаты его наблюденій [3]). На основаніи своего знакомства съ частными коллекціями, собраніемъ Тверского Музея и Музея Антропологіи и Этнографіи при Имп. Акад. Наукъ, И. Т. Савенковъ приходитъ къ заключенію не только о палеолитической древности каменныхъ орудій, разсѣянныхъ по побережью верхняго теченія Волги, но и о смѣшеніи здѣсь двухъ палеолитическихъ эпохъ: шелльской и «мустье-ориньякской».

Эти заключенія уважаемаго изслѣдователя возбуждаютъ, однако, большое сомнѣніе.

Вполнѣ очевидно, что разсматриваемыя находки имѣютъ много общаго съ нѣкоторыми группами палеолитическихъ находокъ; въ частности мы имѣемъ здѣсь

---

[1]) Въ западно-европейской литературѣ это неправильное толкованіе, т.-е. что въ нижнемъ слоѣ Бологовской стоянки наблюдается смѣшеніе палеолитическихъ и кампиньенскихъ формъ,—установилось подъ вліяніемъ взглядовъ кн. Путятина. До извѣстной степени въ этомъ виноватъ и Ph. Salmon, этотъ взглядъ пропагандировавшій (срав., напримѣръ, его «Age de la pierre». Bull. de la Société d'Anthr. de Lyon, т. X, 1891 г., стр. 14); нѣкоторые авторы до сихъ поръ не могутъ разобраться въ этомъ недоразумѣніи (напр. Arentz). Описаніе стоянки см. А. А. Спицынъ. «Бологовская стоянка каменнаго вѣка». Зап. Отд. рус. и слав. Арх. Имп. Рус. Арх. Общ. т. V, в. 1 (1903 г.), стр. 239.

Интересно сопоставить съ выводами этой статьи геологическую характеристику, которую даетъ Никитинъ въ докладѣ: Sur la constitution des dépôts quaternaires en Russie et leurs relations aux trouvailles résultant de l'activité de l'homme préhistorique». Труды Междунар. Конгресса доистор. арх. и антроп. въ Москвѣ (1892 г. Т. 1).

[2]) П. Ѳ. Симсонъ «Каменный вѣкъ подъ г. Ржевомъ». Тверь 1903 г.; его же «О находкахъ подъ г. Ржевомъ каменныхъ орудій эпохъ палеолитической и неолитической» и «Къ моему изслѣдованію о каменномъ вѣкѣ подъ г. Ржевомъ». Труды Тверск. Областн. Археол. Съѣзда 1903 года. (Изд. въ 1906 г.).

Весьма неблагопріятную, но, несомнѣнно, вполнѣ заслуженную характеристику коллекцій г. Симсона даетъ Н. I. Криштафовичъ въ статьѣ «О геологическомъ изслѣдованіи палеолитическихъ стоянокъ въ Европейской Россіи лѣтомъ 1904 г.». Древности. Т. XXI, в. 2. Протоколы, стр. 174—175. Однако за послѣднее время въ руки г. Симсона попали и настоящія орудія, по крайней мѣрѣ о таковыхъ говоритъ И. Т. Савенковъ, осматривавшій коллекцію въ 1913 году. И несомнѣнно, настоящія орудія, найденныя подъ г. Зубцовымъ, изображены г. Симсономъ въ статьѣ «Стоянка каменнаго вѣка подъ г. Зубцовымъ», Труды 3-го Област. Ист.-Арх. Съѣзда во Владимирѣ. 1909 г. Стр. 1—3 и 14 табл. рис.

[3]) Имѣется лишь краткій отчетъ объ этой поѣздкѣ, помѣщенный въ «Отчетѣ о дѣятельности Имп. Акад. Наукъ по Физ.-Мат. и Ист.-Фил. отдѣленіямъ за 1913 годъ», стр. 171—176. Съ нетерпѣніемъ будемъ ждать обѣщанный музеемъ полный отчетъ, снабженный рисунками и чертежами.

формы, близкія къ шелльскимъ (ручныя рубила), мустьерскимъ (скребла, изрѣдка острія), верхнепалеолитическимъ—скребки на концѣ пластинки и, въ особенности, рѣзецъ (burin) и bec de perroquet; послѣднія, правда, лишь изрѣдка. Однако рядъ соображеній не позволяетъ думать о палеолитическомъ возрастѣ этихъ находокъ. Формулируемъ свои возраженія:

1. Болѣе или менѣе типичное ручное рубило въ этихъ находкахъ сопровождается рядомъ переходныхъ формъ, не укладывающихся въ рамкахъ древняго палеолита; укажемъ, напримѣръ, орудія, приближающіяся къ типу «pic», и другія. Кромѣ того, вся совокупность формъ, совмѣстно съ coup de poing, находимыхъ и близкихъ ему по техникѣ, а иногда и генетически съ нимъ связанныхъ, ни въ коемъ случаѣ, по своимъ морфологическимъ особенностямъ, не можетъ быть относима къ палеолиту.

2. Орудія эти никогда не сопровождаются костями не только древнѣйшихъ формъ (обычно сопровождающихъ coups de poing), какъ Elephas anticquus, Rhinoceros Merckii, Hippopotamus amphibius, но и болѣе позднихъ ископаемыхъ формъ, какъ мамонтъ и сибирскій носорогъ.

3. Орудія рѣдко бываютъ патинизированными и окатанными.

4. Стратиграфическія условія интересующихъ насъ находокъ, къ сожалѣнію, остаются еще достаточно темными. Однако озерныя находки (напр., на Пиросѣ) явно указываютъ на происхожденіе ихъ изъ неглубокихъ слоевъ озернаго аллювія. Это также подтверждаетъ ихъ небольшую, сравнительно, давность.

Въ верховьяхъ Волги орудія эти пріурочены, какъ было сказано, къ неширокой полосѣ, между теченіемъ рѣки и террасой коренного берега. Но мнѣ кажется вполнѣ правдоподобнымъ, что первоначально они залегали въ береговой террасѣ, откуда были вымыты, вслѣдствіе ея разрушенія [1]). Н. І. Криштафовичъ даетъ слѣдующій разрѣзъ этой террасы (въ окрестностяхъ Ржева):

а) Современный почвенный слой, 8 вершк.

б) Делювіальный краснобурый суглинокъ, $1—1^1/_2$ арш.

в) Краснобурая валунная глина, $1^1/_2—2$ арш.

г) Тонкослоистая краснобурая глина, чередующаяся съ болѣе свѣтлыми прослойками песка и песчаной глины съ гравіемъ, галькой и валунчиками. До 1 саж.

Нижняя часть террасы всюду маскирована осыпями. Г. Криштафовичъ культурныхъ слоевъ здѣсь не нашелъ, но считаетъ возможнымъ, что каменныя орудія могутъ происходить изъ горизонтовъ а и б.

Въ этихъ же мѣстахъ (окрестн. Ржева) И. Т. Савенкову удалось обнаружить кремневыя орудія, залегающія въ террасѣ коренного берега, «въ верхней части мореннаго суглинка». Этотъ суглинокъ, вѣроятно, тождественъ съ «делювіальнымъ суглинкомъ» г. Криштафовича. Подробно объ условіяхъ находки И. Т. Савенковъ не пишетъ: съ выясненіемъ ихъ придется подождать до болѣе подробнаго отчета; но и изъ краткаго отчета видно, что костей ископаемыхъ формъ здѣсь най-

[1]) На это указываютъ И. Т. Савенковъ и г. Макаренко; это считаетъ возможнымъ и г. Криштафовичъ. Ср. цит. статьи.

дено не было. Повидимому, были обнаружены лишь одни кремневыя орудія, которыя И. Т. Савенковъ считаетъ возможнымъ отнести къ «мустье-ориньякской» эпохѣ; онъ находитъ, что эта стоянка (мастерская) была расположена на краю «Рисскаго оледенѣнія». И. Т. Савенковъ раскопалъ, повидимому, небольшую площадку, но при болѣе широкихъ раскопкахъ онъ наткнулся бы, думается мнѣ, и на «шелльскія» формы, которыя онъ рѣшается относить къ до-рисской межледниковой эпохѣ.

Палеолитическая древность интересующихъ насъ каменныхъ орудій изъ Новгородской и Тверской гг., по моему мнѣнію, не можетъ быть обоснована сколько-нибудь убѣдительно. Но для того, чтобы болѣе или менѣе опредѣленно установить ихъ возрастъ, намъ придется обратиться къ даннымъ западно-европейской палеоэтнологіи. Остановимся, предварительно, еще на одномъ вопросѣ.

Можно было бы сказать, и, повидимому, такой взглядъ имѣетъ мѣсто въ средѣ нашихъ изслѣдователей, что вышеописанныя, казалось бы, чуждыя неолиту формы представляютъ лишь мѣстную особенность валдайской неолитической культуры. Въ ней могли бытовать орудія тѣхъ или иныхъ, особыхъ назначеній, и примитивность ихъ техники указывала бы только на ихъ несложное употребленіе. Что такой взглядъ не можетъ быть поддерживаемъ, показываетъ уже простое сопоставленіе большинства озерныхъ неолитическихъ (робенгаузенскихъ) стоянокъ Новгородской губ., съ поволжскими стоянками Тверской губ. Первой группѣ принадлежатъ находки обычныхъ неолитическихъ типовъ и формъ: прекрасно отдѣланные (отжимомъ) кремневые [1]) наконечники стрѣлъ, дротиковъ и копій, полированные топорики, тесла (herminettes), такъ называемыя долота (ciseaux)—изъ микрокристаллическихъ породъ, сланцевъ, рѣдко кремня, правильно ограненные, призматическіе нуклеусы и удлиненныя правильныя пластинки, безконечное множество мелкихъ отбивныхъ орудій, совершенныхъ и характерныхъ формъ, какъ пилки, скребки, проколки и т. п., фигурныя кремневыя подѣлки (одна изъ важныхъ руководящихъ формъ нашей сѣверно-русской неолитической культуры [2]),

---

[1]) Слово «кремень» употребляется мною условно, такъ какъ фактически каменныя орудія даннаго района, повидимому, часто приготовлялись и изъ иныхъ плотныхъ, съ раковистымъ изломомъ, породъ, какъ яшмы и роговики.

[2]) Южныя границы этой культуры пока не ясны, но находки весьма сходной керамики на дюнныхъ стоянкахъ Курской, Харьковской и Черниговской гг., а также отдѣльныя находки на югѣ орудій сѣверн. формъ, (напр., ладьевидной кирки-молота), указываютъ, повидимому, на ея значительное распространеніе. Скандинавскіе ученые склонны разсматривать эту культуру, какъ отпрыскъ «арктической» скандинавской культуры. Естественнѣе предположить обратное. Наши каменныя фигурныя подѣлки развились, повидимому, изъ прикладного искусства въ рѣзьбѣ по кости (столь свойственной всѣмъ арктическимъ культурамъ, начиная съ мадлена); въ этомъ случаѣ весьма знаменательны находки костяныхъ фигурныхъ подѣлокъ, часто тѣхъ же сюжетовъ и формъ (чаще всего—лось), что и каменныя сѣверно- и средне-русскія, на Уралѣ и даже въ Сибири (находки И. Т. Савенкова у Красноярска). Въ связи съ этимъ нужно отмѣтить и любопытнѣйшій фактъ, значеніе котораго еще не вполнѣ оцѣнено, что неолитическая керамика встрѣчается на крайнемъ сѣверѣ Евр. Россіи и Сибири, въ областяхъ, гдѣ современному инородческому населенію (самоѣдамъ, вогуламъ, остякамъ и проч.) гончарство совершенно чуждо.

Интересно также сопоставленіе кремневыхъ оббитыхъ и каменныхъ полирован-

большое число такъ наз. ébauches, орудій незаконченныхъ, оставленныхъ во всѣхъ стадіяхъ выдѣлки—гл. обр. разнаго рода наконечниковъ и клинковъ, рѣже кремневыхъ топоровъ, приготовленныхъ для полированія—и масса характерныхъ черепковъ, усѣивающихъ поверхность стоянокъ. Второй группѣ, когда нѣтъ посторонней имъ примѣси, зависящей отъ поверхностнаго залеганія стоянокъ, всѣ эти формы совершенно не свойственны: здѣсь преобладаютъ массивныя, грубооббитыя орудія, во главѣ съ ручнымъ рубиломъ, которое въ иныхъ случаяхъ встрѣчается чуть ли не сотнями [1]).

Обратимся теперь къ западно-европейскимъ находкамъ. Прежде всего намъ важно отмѣтить, что для палеолита всей той обширной области, въ которой имѣются соотвѣтствующія находки (Франція, Англія, Бельгія, южная и средняя Германія, Швейцарія, Австрія и проч.), опредѣленно установлено, что первичное орудіе, шелльское ручное рубило, окончательно «вымираетъ» въ теченіе мустьерской эпохи и позднѣе, въ верхнемъ палеолитѣ, совершенно не встрѣчается. Если это такъ, для насъ интересенъ вопросъ, встрѣчается ли coup de poing или близкія ему формы въ болѣе позднюю эпоху—въ «неолитѣ»? Оказывается, что, вопреки господствовавшимъ до сихъ поръ мнѣніямъ, coup de poing дѣйствительно появляется вторично въ послѣ-палеолитическія времена и притомъ не въ видѣ отдѣльныхъ, рѣдкихъ находокъ орудій, которыя могли бы быть объяснены случайнымъ совпаденіемъ формъ, но отмѣчаетъ своимъ появленіемъ опредѣленную раннюю стадію неолитической культуры.

Исходнымъ пунктомъ въ констатированіи этого важнаго факта является изслѣдованіе г. Радемахера [2]) (E. Rademacher), посвященное условію залеганія и анализу формъ извѣстныхъ находокъ г. Рютò (Rutot), которыя этотъ послѣдній ученый относитъ къ шелльской и придуманной имъ «стрепьенской» эпохѣ (Strépyien). Г. Рюто рѣшается утверждать на основаніи этихъ находокъ, что древне-палеолитическій человѣкъ Бельгіи обладалъ, кромѣ ручныхъ рубилъ и обычно ихъ сопровождающихъ атипичныхъ отбивныхъ орудій [3]), цѣлымъ рядомъ другихъ формъ, какъ наконечники стрѣлъ, копій, даже кремневые кинжалы и мечи. Эти взгляды г. Рюто вызвали большое недоумѣніе среди европейскихъ палеоэтнологовъ, вслѣдствіе полнаго своего несоотвѣтствія всѣмъ имѣющимся фактамъ. Для нѣкоторыхъ изъ орудій г. Рюто было доказано ихъ фальшивое происхожденіе, и г. Обер-

---

ныхъ фигурныхъ подѣлокъ съ глиняными, янтарными (и костяными), находимыми въ области Балтики. Сравн., напр., G. Kossina «Der Ursprung der Urfinnen und der Urindogermanen und ihre Ausbreitung nach dem Osten», Mannus, Band I, 1909, стр. 37 и слѣд., а также табл. IX—XI. Коссина, повидимому, неправильно приписываетъ сѣверному неолиту многія костяныя подѣлки, относящіяся къ значительно болѣе позднему времени, ср. O. Solberg «Ein neuer eisenzeitlicher Fund aus Ostfinmarken in Norwegen», Praeh. Zeitschr. B. III (1911), стр. 347.

[1]) См., напр., собраніе Кандыбы, пріобрѣтенное недавно Этн. Музеемъ Имп. Акад. Наукъ.

[2]) E. Rademacher. Frühneolithikum und Belgisches «Chelléen». Praehist. Zeitschr. B. IV, 1912 г., стр. 235—264.

[3]) Ср. П. Ефименко «Къ вопросу о стадіяхъ каменнаго вѣка въ Палестинѣ». Ежегодн. Р. Антр. Общ. при Петр. Унив. т. V, стр. 72 и рис. 5 и 6.

майеръ, останавливающійся на этомъ вопросѣ въ своемъ извѣстномъ трудѣ «Der Mensch der Vorzeit» (появившемся недавно и на русск. языкѣ), считаетъ ихъ вообще поддѣльными, за исключеніемъ нѣкоторыхъ орудій, которыя могутъ быть отнесены къ неолиту. Г. Радемахеръ даетъ этимъ находкамъ иное, повидимому, болѣе правильное и весьма интересное объясненіе. Онъ отмѣчаетъ, что большинство орудій, о которыхъ идетъ рѣчь, найдено г. Рюто не въ коренномъ ихъ залеганіи, а поверхностно; въ тѣхъ же случаяхъ, когда можно наблюдать ихъ залеганіе in situ, они встрѣчаются не въ условіяхъ находокъ древнепалеолитическихъ (подъ древнимъ лессомъ-älterer Löss), а покрываются лишь позднѣйшимъ делювіальнымъ наносомъ («ergeron»). Это одно уже возбуждаетъ сомнѣніе въ ихъ древности. Затѣмъ анализъ формъ этихъ орудій, съ ихъ руководящей формой—ручнымъ рубиломъ, и сопоставленіе ихъ съ кампиньенскими стоянками приводятъ г. Радемахера къ заключенію, что здѣсь мы имѣемъ остатки ранней неолитической (или протонеолитической—П. Е.) культуры, весьма примитивной и своеобразной. Нѣкоторыя находки г. Рюто, какъ наконечники стрѣлъ, копій, кинжалы, онъ относитъ уже къ болѣе позднимъ ея временамъ. Такимъ образомъ, если объясненія г. Радемахера правильны, а въ этомъ нѣтъ основаній сомнѣваться, они проливаютъ новый свѣтъ на раннія стадіи неолитической культуры.

Эти новые факты тѣсно связаны, съ одной стороны, съ вопросомъ о т. н. hiatus'ѣ, съ другой—съ вопросомъ о расчлененіи неолита, который до сихъ поръ у многихъ изслѣдователей почти покрывается понятіемъ робенгаузенской эпохи, то-есть, съ нашей точки зрѣнія, весьма поздней и значительно уже развитой стадіи неолитической культуры.

Если вопросъ о hiatus'ѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова (проблематическій перерывъ въ культурномъ развитіи на грани палеолитическаго и неолитическаго періода), разрѣшенъ уже довольно давно работами Э. Пьетта, Г. де-Мортилье и другихъ, главнымъ образомъ, французскихъ изслѣдователей, установившими переходную Турасскую или Азильскую культуру (и эпоху), то все же мы имѣемъ несомнѣнный hiatus (конечно—въ нашихъ свѣдѣніяхъ) между этой эпохой и неолитомъ. Въ послѣднемъ изданіи извѣстнаго изслѣдованія А. и Г. де-Мортилье, посвященнаго палеолитическому періоду [1]), мы находимъ въ классификаціонной таблицѣ, подъ рубрикой неолита, двѣ эпохи—Тарденуазскую и Робенгаузенскую. Другими словами, авторы изслѣдованія предполагаютъ, что начальный періодъ развитія неолитической культуры имѣлъ «тарденуазскій обликъ» (т.-е. преобладаніе въ кремневой индустріи характерныхъ микролитическихъ формъ [2]); тарденуазская культура смѣнилась затѣмъ робенгаузенской, съ ея полированными орудіями, прирученными животными, земледѣліемъ, гончарствомъ и проч. Такая точка зрѣнія врядъ ли можетъ быть пріемлема. Съ полнымъ основаніемъ мы можемъ относить Тарденуаз-

---

[1]) G. et A. de Mortillet. «La Préhistoire», 1910.

[2]) Объ этой культурѣ см. A. de Mortillet. «Les petits silex taillés à contours géométriques, trouvés en Europe, Asie et Afrique». Revue mens. de l'Ecole d'Anthr. de Paris 1896 г., а также въ статьѣ G. Sarauw «Maglemose» ч. II. Praeh. Zeitsch. B. VI, 1914 г., стр. 8 и слѣд.

скую культуру не къ неолиту, а къ переходной эпохѣ, но, быть можетъ, къ концу ея; новыя работы все болѣе устанавливаютъ связь между турасскими и тарденуазскими находками [1]). Такимъ образомъ, если не принимать для неолитической культуры происхожденія извнѣ, путемъ заноса, намъ придется искать раннія ея стадіи въ иныхъ находкахъ.

Такія находки несомнѣнно имѣются, и странно, что уважаемые авторы указаннаго изслѣдованія ихъ игнорируютъ. Распадаются онѣ на двѣ группы—сѣверную и южную. Къ сѣверной относятся извѣстные «кухонные остатки», кьеккенмеддинги Ютландскаго полуострова и прилегающихъ островов и южной Скандинавіи. Останавливаться на нихъ мы не будемъ, отмѣтимъ только, что въ нихъ мы имѣемъ несомнѣнно раннюю стадію неолитической культуры, характеризующуюся незнакомствомъ съ земледѣліемъ, отсутствіемъ домашнихъ животныхъ (кромѣ собаки), отсутствіемъ полированныхъ орудій и наличностью характерныхъ оббитыхъ кремневыхъ орудій, среди которыхъ руководящей формой является примитивный топоръ въ двухъ его видахъ—траншэ (Spalter) и овальный, удлиненный, съ обѣихъ сторонъ оббитый топоръ (Gratbeil). Здѣсь уже появляется керамика довольно примитивнаго облика. Эту культуру кьеккенмеддинговъ скандинавскіе ученые относятъ, на основаніи остатковъ древесной растительности (дубъ) и залеганія стоянокъ высоко надъ современной береговой линіей (что указываетъ на значительное отрицательное ея перемѣщеніе), къ литториновому періоду Балтійскаго бассейна. Открытіе Георга Сараува (G. Sarauw) [2]) знакомитъ насъ съ еще болѣе ранней стадіей неолитической культуры. Въ находкахъ торфянника Маглемозе мы имѣемъ культуру, которая, сохраняя существенное сходство съ кьеккенмеддингами, выказываетъ, по сравненію съ ними, черты большей древности. Уже по даннымъ фауны (присутствіе лося, исчезающаго ко времени кьеккенмеддинговъ) и флоры (обильные остатки сосны) стадія Маглемозе должна быть отодвинута къ началу литториноваго періода, если не къ анциловому, какъ предполагаетъ самъ г. Сараувъ [3]). Культурныя особенности также подтверждаютъ этотъ выводъ. Хотя мы имѣемъ здѣсь тѣ же первичныя формы топора (въ обѣихъ разновидностяхъ), но на ряду съ ними встрѣчаются и древнія мелкія геометрическія формы (но не въ видѣ такъ назыв. стрѣлы съ поперечнымъ лезвіемъ, которая извѣстна и въ кьеккенмеддингахъ и, мѣстами, доходитъ почти до эпохи металловъ). Интересно также богатое развитіе костяной индустріи съ своеобразными формами гарпуновъ. Керамика здѣсь не встрѣчается, но, какъ и въ кьеккенмеддингахъ, найдены остатки собаки. Г. Сараувъ склоненъ сопоставлять свою находку съ азильскими слоями французскихъ пещеръ. Эта

---

[1]) Ср., напр., H. Breuil et H. Obermaier. «Les premiers travaux de l'Institut de paléontologie humaine». L'Anthropologie 1912 г. № 1, стр. 3.

[2]) G. Sarauw. «Maglemose» ч. 1, Praeh. Zeitschr. 1911, стр. 52; ч. 2. Praeh. Zeitschr. 1914, стр. 1.

[3]) Ср. докладъ проф. Р. Сернандера и пренія на первомъ Балтійскомъ археол. съѣздѣ 1912 года. Mannus, B. IV, стр. 417 и слѣдующ.

находка не остается единичной[1]); для насъ особенно интересно, что скандинавскіе изслѣдователи склонны относить сюда же наши прибалтійскія находки въ торфяникахъ (напр. извѣстную Kunda).

Эти данныя сѣверно-европейской археологіи позволяютъ, такимъ образомъ, установить опредѣленную раннюю стадію неолитической культуры, тѣмъ болѣе, что они находятъ себѣ подкрѣпленіе во французскихъ находкахъ, на которыхъ мы сейчасъ остановимся. Теперь же зададимъ себѣ вопросъ—представляетъ ли эпоха кьекkенмеддинговъ и непосредственно ей предшествующая Маглемозская стадія древнѣйшій неолитъ сѣверной Европы? Намъ кажется, что нѣтъ. Какъ ни трудно сейчасъ еще разобраться, въ области фактовъ сюда относящихся, потому что они слишкомъ мало до сихъ поръ привлекали вниманіе изслѣдователей, кое-что, несомнѣнно, уже можно намѣтить.

Отмѣтимъ прежде всего слѣдующее обстоятельство—ни въ кьекkенмеддингахъ, ни въ Маглемозе и ей аналогичныхъ стоянкахъ сѣверный олень совершенно не встрѣчается. Если эта форма въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ исчезаетъ уже въ концѣ палеолита, то здѣсь, на сѣверѣ, она могла существовать значительно позднѣе. И въ самомъ дѣлѣ, имѣются уже отдѣльныя находки и въ Скандинавіи, и въ Сѣв. Германіи орудій, приготовленныхъ изъ рога сѣв. оленя [2]), которыя однако до сихъ поръ не могутъ быть пріурочены къ опредѣленной стадіи культуры. Не лишне отмѣтить, что сѣв. олень встрѣчается и въ нижнихъ горизонтахъ Kunda и Бологовской стоянки, гдѣ онъ также пока не связанъ съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ культурнымъ комплексомъ. Такимъ образомъ, намѣчается какъ бы пустое пространство, требующее своего заполненія, причемъ, повторяю, нѣтъ особеннаго основанія предполагать, что здѣсь сѣв. олень долженъ обязательно сопутствовать культурѣ палеолитической.

Въ связи съ этимъ пріобрѣтаетъ громадное значеніе указаніе Монтеліуса, что въ Швеціи имѣется рядъ находокъ массивныхъ миндалевидныхъ орудій, приближающихся къ типу ручного рубила шелльской эпохи, которыя этотъ выдающійся ученый склоненъ относить къ стадіи, предшествовавшей кьекkенмеддингамъ [3]). Аналогичныя находки извѣстны въ большомъ числѣ и въ Сѣв. Германіи; мнѣ лично пришлось видѣть ихъ (особенно много съ остр. Рюгена) въ Берлинскомъ Музеѣ Народовѣденія (Museum für Völkerkunde)[4]). Къ сожалѣнію, до сихъ поръ всѣ эти

---

[1]) Изъ болѣе интересныхъ можно отмѣтить въ Kalbe (Altmark)—Kupka «Das Campignyien». Zeitschr. für Ethnologie 1907, стр. 192—224. Крайне любопытно сопоставить формы встрѣчающихся здѣсь стрѣлъ, сохраняющихъ еще азильски-тарденуазскій обликъ съ обычными формами стрѣлъ, сопровождающихъ мелкую геометрическую индустрію Виленской, Гродненской и друг. губ. Западнаго края. Срав. рядъ статей Э. Маевскаго, В. Шукевича въ Swiatowit'ѣ, также статьи Н. Ф. Бѣляшевскаго и друг.

[2]) Напр. Brögger «Eine Renntierhornwaffe aus dem Westhavelland». Praeh. Zeitschr. 1910, стр. 39.

[3]) Montelius. «Kulturgeschichte Schwedens», 1906 г., стр. 9.

[4]) Срав. Rademacher, op. cit, а также интересныя находки Азмуса (R. Asmus. «Vorneolithische Feuersteinwerkstätten und Wohnplätze von Teterow, Mecklenburg». Mannus. B. III, 1911 г., стр. 171), хотя большинство его «орудій» очень сомнительны. Извѣстная находка coups de poing въ Wustrow—Niehagen (Мекленбургъ), описанная Beltz'омъ (Mannus, B. I, стр. 258 и слѣд.), несомнѣнно, относится къ этой же группѣ ранне-неолитическихъ

факты не привлекли къ себѣ заслуженнаго ими вниманія со стороны сѣверныхъ ученыхъ. И лишь блестящее изслѣдованіе Радемахера даетъ имъ нынѣ новое освѣщеніе.

Если мы обратимся теперь къ болѣе южнымъ находкамъ, оставляя въ сторонѣ отдѣльныя, мало изученныя находки Германіи и Италіи, то въ области Франціи и Бельгіи мы снова встрѣчаемъ слѣды ранней неолитической культуры, въ извѣстной мѣрѣ параллелизирующейся съ культурой кьеккенмеддинговъ. Это—находки въ Кампиньи и аналогичныхъ ей стоянкахъ. Не будемъ останавливаться на исторіи этихъ находокъ и спорахъ, которые онѣ вызвали между изслѣдователями Кампиньи—Ф. Сальмономъ и Капитаномъ, съ одной стороны, и А. де-Мортилье—съ другой [1]). Если А. де Мортилье правъ въ томъ отношеніи, что присутствіе здѣсь «поздней» керамики, прирученія животныхъ и даже начатки земледѣлія указываютъ на ихъ относительно поздній возрастъ, то несомнѣнно примитивный обликъ кремневой индустріи, отсутствіе полированныхъ орудій (въ нѣкоторыхъ стоянкахъ появляются первые слѣды полированія) и наличіе такой характерной формы, какъ траншэ, заставляетъ относить ихъ къ до-робенгаузенской эпохѣ [2]).

Капитанъ и другіе изслѣдователи отмѣчаютъ, что стоянки этого типа даютъ формы отчасти новыя—траншэ и pic, въ палеолитѣ не встрѣчающіяся, отчасти же приближающіяся къ мустьерскимъ (скребла) и мадленскимъ (скребки, рѣзецъ, bec de perroquet). Въ особенности для насъ интересна форма, которую французскіе авторы называютъ «pic»—это грубо съ обѣихъ сторонъ оббитое, овально-удлиненное орудіе, по большей части рубящее, иногда колющее или рѣжущее (pic-ciseau). Это орудіе (на ряду съ траншэ) является характернымъ для кампиньенскихъ стоянокъ Зап. Европы; но, что особенно слѣдуетъ подчеркнуть, во многихъ стоянкахъ оно встрѣчается въ формѣ настоящаго coup de poing [3]).

прото-неолитическихъ стоянокъ, и если Обермайеръ отстаиваетъ ея древность, то онъ исходитъ изъ ложной предпосылки, что coup de poing свойственъ лишь древнему палеолиту; къ тому же шелльскій ихъ возрастъ совершенно опровергается залеганіемъ на моренѣ послѣдняго оледѣненія (Obermaier und Wernert. «Paläolithbeiträge aus Nordbayern», Mitti. der Anthr. Gesellsch. in Wien, 1914, стр. 58—60).

[1]) Съ ними можно познакомиться у I. Déchelette'a «Manuel d'archéologie préhistorique, cet.», т. I. 1908 г. или въ статьяхъ—Ph. Salmon, d'Ault du Mesnil et Capitan, «Le campignien, cet.», Revue de l'Ecole d'Anthr. de Paris, 1898; Capitan «Passage du paléolithique au néolithique» L'Anthrop. XII, 1912, стр. 354; A. de Mortillet, «Campigny et le Campignien» Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris 99 г., стр. 36 и проч.

[2]) По существу справедливыя замѣчанія А. де Мортилье лишь заставляютъ передвинуть ближе къ нашему времени появленіе «робенгаузенской» культуры. Такой выводъ вполнѣ согласенъ со взглядами виднѣйшихъ сѣверныхъ ученыхъ (Оскаръ Монтеліусъ, Софусъ Мюллеръ и др.). Но, чѣмъ яснѣе становится для насъ относительно очень поздній возрастъ этой культуры, тѣмъ настоятельнѣе выдвигается потребность заполнить тѣ многія тысячелѣтія культурнаго развитія, которыя ей предшествовали, вплоть до конца палеолитическихъ временъ. И съ этой точки зрѣнія кампиньенскія находки цѣнны для насъ даже въ томъ случаѣ, если мы будемъ разсматривать ихъ «примитивность», какъ «пережитокъ» болѣе ранней эпохи.

[3]) Напр., Rademacher, op. cit. таб. 16 p. 1, 3, 5, 6; таб. 17 p. 1, 2, 7.

Для Англіи можно указать также находки орудій въ кремневыхъ копяхъ Cissbury (Sussex); среди pics здѣсь имѣются и типичные coups de poing. Они хранятся въ Британскомъ Музеѣ. Срав. A Guide to the antiquities of the stone age. 1911, стр. 87.

Сопоставляя всѣ эти данныя—находки азильско (турасско-тарденуазской) эпохи; находки миндалевидныхъ орудій въ Скандинавскихъ земляхъ и мнѣніе о нихъ Монтеліуса; многочисленныя находки такихъ же орудій въ Сѣв. Германіи; бельгійскія находки Рюто въ освѣщеніи Радемахера; кампиньенскія мѣстонахожденія Франціи, Бельгіи, Англіи—мы должны прійти къ нижеслѣдующимъ заключеніямъ:

Во-первыхъ, что переходная эпоха отъ палеолита къ неолиту характеризуется мелкой геометрической кремневой индустріей, которая ведетъ свое начало отъ техническихъ навыковъ и формъ мадленской эпохи и удерживается мѣстами до относительно поздняго времени—времени появленія примитивнаго кремневаго топора (Maglemose, Kalbe).

Во-вторыхъ, что въ началѣ неолитическаго періода (протонеолитъ, кампиньенская I эпоха Радемахера) кремневая индустрія переживаетъ своеобразный кризисъ, который слѣдуетъ разсматривать, какъ результатъ измѣненій условій существованія и потребностей быта. Не имѣя навыка въ приготовленіи крупныхъ рубящихъ орудій, къ которымъ совершенно была не примѣнима тонкая техника конца палеолитическаго періода, человѣкъ, нуждаясь въ подобныхъ орудіяхъ, неизбѣжно долженъ былъ начать съ тѣхъ примитивныхъ пріемовъ, которые характерны для древняго палеолита. Это вновь вызвало къ жизни и первичную форму орудія—coup de poing. Coup de poing, быстро эволюціонируя, даетъ рядъ формъ, которыя обозначаются обычно терминомъ pic. Повидимому, это, разнообразное по своему назначенію, орудіе явилось родоначальникомъ первичнаго топора (Gratbeil, Spalter).

Въ-третьихъ, что этотъ кризисъ кремневой индустріи отразился и на остальныхъ формахъ орудій, которыя сохраняютъ старые типы (какъ скребокъ на концѣ пластинки, рѣзецъ, bec de perroquet), но становятся значительно грубѣе, что вообще придаетъ, какъ это отмѣчаютъ многіе изслѣдователи, весьма примитивный обликъ индустріи ранняго неолита. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникаютъ и новыя формы, неизвѣстныя позднему палеолиту, но напоминающія эпоху мустьерскую (пластины типа Levallois, скребла, острія). Повидимому, изъ дифференцированныхъ формъ pic, но относительно болѣе поздно, появляются и наконечники стрѣлъ, копій, и примитивные, поліедрическаго сѣченія, кинжалы (наконечники стрѣлъ могли возникать и изъ геометрическихъ формъ).

Въ-четвертыхъ, что эта ранне-неолитическая кремневая индустрія, широко распространенная въ Зап. Европѣ (особенно въ сѣверо-западныхъ ея частяхъ) и характеризующаяся coup de poing'видными формами, удерживается мѣстами вплоть до робенгаузенской эпохи.

Изученіе ранняго неолита стоитъ, къ сожалѣнію, еще на самыхъ начальныхъ ступеняхъ; работы въ этой области приходится считать единицами, тогда какъ другимъ вопросамъ доисторической археологіи посвящены сотни изслѣдованій. Во всякомъ случаѣ, и на основаніи этого немногаго намъ кажется яснымъ, что наши валдайскія находки входятъ въ обширную группу памятниковъ ранне-неолити-

ческой эпохи. Здѣсь мы имѣемъ, какъ руководящую форму, coup de poing и близкія ему орудія, которыя, какъ мы видѣли, распространены и въ ближайшей намъ области Зап. Европы—Сѣв. Германіи и Скандинавіи. Формы сопровождающихъ его орудій—ручной топоръ, скребла, скребки, рѣзцы, bec de perroquet—ведутъ насъ также къ западно-европейскимъ находкамъ и имѣютъ ближайшія параллели въ кампиньенскихъ стоянкахъ Франціи и Бельгіи.

Остаются невырѣшенными однако много вопросовъ, какъ частныхъ, такъ и общихъ. Встрѣчается ли въ нашихъ находкахъ керамика; можемъ ли мы разсчитывать найти въ нихъ и формы топора, которыя помогли бы намъ ближе сопоставить наши находки съ европейскими,—мы не знаемъ. Вообще, детали инвентаря этихъ стоянокъ намъ совершенно неясны. Не знаемъ мы и условій залеганія стоянокъ, ни фауны, ихъ сопровождающей, которая могла бы дать намъ цѣнныя указанія на древность этой культуры.

Всѣ эти вопросы могутъ быть разрѣшены лишь систематическими, научно поставленными раскопками нашихъ Валдайскихъ стоянокъ, а ихъ мы, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не имѣемъ.

П. Ефименко.

Ламуты.

(Матеріалы къ антропологіи тунгусовъ).

Прошло уже немало времени, какъ я получилъ отъ Н. П. Сокольникова, бывшаго въ теченіе ряда лѣтъ начальникомъ Анадырскаго округа, нѣкоторые матеріалы для ознакомленія съ типами народностей нашего крайняго сѣверо-востока. Матеріалы эти касаются чукочъ, айвановъ (азіатскихъ эскимосовъ), ламутовъ и горныхъ чуванцевъ и состоятъ изъ серіи фотографій и изъ записной книжки, въ которой приведены общія наблюденія надъ тѣлесными особенностями указанныхъ народностей и таблицы съ антропометрическими данными (по схемѣ проф. Таренецкаго) о нѣкоторомъ числѣ особей каждой изъ нихъ. Обработку этихъ данныхъ я предполагалъ соединить съ описаніемъ имѣющихся въ моемъ распоряженіи череповъ чукочъ, съ данными о черепахъ айвановъ и юкагировъ и съ описаніемъ этнографической чукотской коллекціи, но нѣкоторыя обстоятельства все мѣшали мнѣ привести это намѣреніе въ исполненіе. Пока я рѣшаюсь опубликовать только нѣкоторыя главы изъ этой работы и начинаю со статьи о ламутахъ, — племени въ антропологическомъ отношеніи еще очень мало изученномъ. Статью эту я имѣю возможность иллюстрировать нѣсколькими рисунками, съ фотографій Н. П. Сокольникова.

«Ламутами—писалъ въ 1895 г. В. И. Іохельсонъ—называютъ нѣсколько тунгузскихъ племенъ, кочующихъ по Верхоянскому и Колымскому округамъ. *Ламутъ* происходитъ отъ тунгузскаго слова *ламъ*, означающаго «море»; этимъ именемъ окрестили сначала тунгусовъ, пришедшихъ къ Охотскому морю и поселившихся тамъ, обратившись по большей части въ осѣдлыхъ рыболововъ. Пришли-ли ламуты крайняго сѣвера въ упомянутые округа изъ Приморской области черезъ Становыя горы или съ юга черезъ Верхоянскій хребетъ и названы тоже ламутами по близости ихъ отъ Ледовитаго океана,—неизвѣстно; но по образу жизни они расходятся съ приморскими ламутами, ничѣмъ не отличаясь отъ прочихъ тунгузовъ Якутской области. Ихъ теперь (въ 1890-хъ гг.) считаютъ въ области 2126 человѣкъ».

Въ 1892 г. въ Анадырскую округу, для ея описанія, былъ командированъ адъютантъ Приамурскаго генералъ-губернатора барона Корфа А. В. Олсуфьевъ, и его отчетъ былъ напечатанъ въ «Запискахъ» Приамурскаго отдѣла И. Р. Г. О-ва, въ 1896 году. Олсуфьевъ проѣхалъ изъ Нижне-Колымска на Анюй, Марково и Ново-Маріинскій постъ, откуда вернулся на крейсерѣ во Владивостокъ. Въ своемъ отчетѣ онъ говоритъ о русскомъ населеніи, о чукчахъ и ламутахъ; о послѣднихъ

онъ сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующее. «Ламуты кочуютъ, главнымъ образомъ, въ предѣлахъ Охотскаго, Гижигинскаго, Колымскаго и отчасти Верхоянскаго округа, въ Анадырскомъ же округѣ число ихъ крайне ограничено (всего около 250 человѣкъ). Это племя до сихъ поръ оффиціально носитъ два названія: въ Охотскѣ, Гижигѣ и Камчаткѣ они почему-то какъ между русскими, такъ и въ оффиціальной перепискѣ, носятъ названіе тунгусовъ, тогда какъ тѣ же люди, перекочевавъ по другую сторону Становаго хребта, въ Якутской области называются ламутами; тунгусами же тамъ называютъ вымирающее теперь племя оленеводовъ, кочующихъ по крайнему сѣверу Сибири—между Леной и Колымой..... Отличительная черта жизни ламутовъ, какъ оленеводовъ, заключается въ томъ, что они никогда не употребляютъ нартъ при перекочевкахъ, пользуясь оленемъ, какъ вьючнымъ

Ламуты.

животнымъ. Нуждаясь въ свинцѣ и порохѣ, они давно завязали торговыя сношенія съ русскими, всѣ крещеные и отличаются большой ревностью въ исполненіи обрядовъ православія,.... хотя шаманство между ними настолько же распространено, какъ между чукчами... Среди ламутовъ встрѣчаются оленеводы, обладающіе большими стадами, но вообще крупныя хозяйства между ними рѣдкость и уровень матеріальнаго благосостоянія этихъ кочевниковъ стоитъ на гораздо низшей ступени, чѣмъ у чукочъ. Естественнаго прироста между ними, судя по даннымъ метрическихъ книгъ Марковской церкви, вовсе не замѣчается. Къ приходу приписано 110 ламутовъ (52 муж. и 58 жен.) такъ называемаго Долганскаго рода, старщина котораго выплачиваетъ ясакъ въ Гижигѣ. Кромѣ этого, очень бѣднаго оленями рода, въ

округѣ кочуетъ довольно много ламутовъ т. наз. 1 и 2 Дѣлянскихъ родовъ (другіе пишутъ Делянскихъ или Дельянскихъ), приписанныхъ къ Колымскому приходу и выплачивающихъ ясакъ—1-ый родъ въ Колымѣ, а 2-ой въ Гижигѣ. Мѣстами ихъ кочевій служатъ горы верховьевъ Анадыря, а отчасти и верховьевъ рѣки Бѣлой. Семья ламутовъ часто перекочевываетъ на громадное разстояніе, руководясь иногда только охотничьими соображеніями. Вслѣдствіе этого, опредѣленнаго района ихъ кочевій нѣтъ, а стойбища ламутскія встрѣчаются, по большей части, между чукотскими.... Въ борьбѣ русскихъ съ чукчами ламуты, давніе враги послѣднихъ, составляли главную часть нашего войска. Даже и теперь Колымскій исправникъ надѣется на сохраненіе спокойствія между чукчами на Анюйской ярмаркѣ только благодаря присутствію ламутовъ, преданность которыхъ къ русскимъ хорошо извѣстна чукчамъ.... Отношенія между чукчами и ламутами теперь уже не носятъ прежняго характера открытой вражды, но нѣкоторая рознь между ними, происходящая, можетъ быть, не столько вслѣдствіе старыхъ счетовъ, сколько отъ громадной разницы въ характерѣ этихъ двухъ племенъ, все еще замѣчается. Чукчи, для улучшенія породы своего, вообще мелкаго оленя, нерѣдко мѣняются съ ламутами этими животными, отдавая за одного ламутскаго нѣсколько своихъ. Имъ случается также помогать обѣднѣвшимъ ламутамъ, доведеннымъ иногда недостаткомъ оленей до самаго крайняго положенія (сидячихъ ламутовъ не бываетъ)... Колымчане не любятъ чукочъ, но къ ламутамъ относятся съ уваженіемъ, называя ихъ «Божьи люди»; напротивъ, отношенія марковцевъ къ чукчамъ самыя дружественныя, а ламутовъ они недолюбливаютъ, считая ихъ, иногда совершенно напрасно, причиной неудачнаго промысла дикихъ оленей».

Въ 1900 г. въ «Землевѣдѣніи» была помѣщена статья о ламутахъ В. Г. Богораза, которому приходилось кочевать съ ними (въ 1890 годахъ) въ Колымскомъ краѣ. Колымскіе ламуты, по его словамъ, принадлежатъ къ четыремъ родамъ—1-му Дельянскому, 1-му Каменному, Уяганскому и 2-му Омолонскому (послѣдній въ сущности не ламутскій, а юкагирскій родъ, почти вполнѣ оламутившійся).... Размахъ ламутскихъ кочевокъ требуетъ болѣе обширныхъ границъ, чѣмъ у чукочъ, и простирается ежегодно на многія сотни верстъ. Моря и тундры ламуты не любятъ и предпочитаютъ на лѣто уходить изъ тайги въ горы, на безлѣсные перевалы; только около 40 семей, живущихъ по верховьямъ р. Россомашьей, отдѣлились отъ своихъ родичей и лѣтомъ спускаются, слѣдуя за чукчами, къ берегамъ Чаунской губы. Существуютъ ламуты преимущественно плодами охоты, пополняя ихъ въ непромышленное время скудными продуктами своего оленьяго хозяйства... Въ развитіи ламутскаго оленеводства играетъ значительную роль превосходство ламутской породы оленей надъ чукотской, которое породило довольно дѣятельный обмѣнъ живыхъ оленей, доставляющій почти постоянно ламуту вмѣсто одного животнаго два. Тѣмъ не менѣе, большая часть ламутовъ, которыхъ увеличеніе оленеводства коснулось довольно мало, относится къ чукотскимъ пришельцамъ неблагопріятно, обвиняя ихъ въ томъ, что ихъ многочисленныя стада оттѣснили изъ области рѣчныхъ верховьевъ стада дикаго оленя, дававшія прежде ламутамъ обильную пищу....

Языкъ колымскихъ ламутовъ очень близокъ къ южнымъ тунгузскимъ нарѣчіямъ, изслѣдованныхъ Кастреномъ, только въ составѣ словаря послѣднихъ замѣтна значительная бурятская примѣсь.... Объектами охоты ламутъ служитъ дикій олень, лось, горный баранъ, мясо которыхъ идетъ въ пищу, такъ же какъ и мясо бѣлки, россомахи и (рѣдко) медвѣдя. Бѣлка доставляетъ ламуту главную пушнину для продажи; лисицы попадаются въ краѣ рѣдко, а песецъ добывается только сѣверными, чаунскими ламутами. Иногда, особенно поздней весной, ламуты ловятъ еще въ горныхъ рѣчкахъ рыбу, особенно харіуса. Олень ламутской породы гораздо смирнѣе чукотскаго оленя, и какъ дрессировка его, такъ и поимка изъ стада обходятся безъ особыхъ хлопотъ. Ламуты употребляютъ оленей только подъ сѣдло; сани ранѣе имъ были совершенно неизвѣстны, но теперь многіе заим-

Ламутки. Видны вышивки костюма и украшенія его спереди.

ствовали чукотскую ѣздовую нарту и чукотскій же способъ запряжки. Но кладовыхъ саней (для клади) никто изъ нихъ не употребляетъ и теперь; вся движимость ламутовъ приспособлена къ перевозкѣ вьюками... Жилище колымскихъ ламутовъ по типу не отличается отъ общаго тунгузскаго жилища, но покрышка его никогда не дѣлается изъ бересты за ея отсутствіемъ, а сшивается изъ оленьихъ ровдугъ. Одежда ламутовъ по покрою принадлежитъ къ обще-тунгузскому типу, т.-е. состоитъ изъ кафтана, расходящагося на груди, нагрудника оканчивающагося передникомъ, очень короткихъ штановъ и высокихъ сапогъ. Она отличается однако большей щеголеватостью и въ покроѣ и въ украшеніяхъ. Мужской нарядъ обильно вышивается бисеромъ трехъ цвѣтовъ, бѣлаго, чернаго и лазореваго, при чемъ

орнаментъ вышивки заключаетъ не только прямыя, но и кривыя линіи. На женскомъ нарядѣ къ бисеру присоединяется кожаная бахрома и обильныя металлическія украшенія, мѣдныя, желѣзныя и оловянныя.... Грудныхъ дѣтей держатъ въ мѣховыхъ мѣшкахъ, переложенныхъ мхомъ, смѣшаннымъ съ оленьей шерстью (вмѣсто пеленокъ). Во время переѣздовъ колыбель тоже возятъ вьюкомъ, уравновѣшивая его соотвѣтственной тяжестью... Живутъ ламуты родами, при чемъ каждый родъ состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ семей и имѣетъ во главѣ выборнаго старосту или князя, который собираетъ ясакъ, беретъ въ казнѣ порохъ, заботится объ обезсилѣвшихъ и осиротѣвшихъ семьяхъ и т. д. Разъ въ годъ, обыкновенно осенью, члены рода собираются на сугланъ, гдѣ рѣшаются различные дѣла, распредѣляются охотничьи территоріи и т. п. Въ предѣлахъ своего рода ламуту жениться

Ламутки. Украшенія костюма сзади.

нельзя; жены берутся изъ другихъ родовъ, иногда изъ-за многихъ сотенъ верстъ. За жену платится калымъ (тори), соотвѣтствующій, главнымъ образомъ, приданому, но превышающій его обычно въ 2—3 раза. Женщина является рабой своего мужа и даже послѣ смерти его не освобождается отъ опеки ея родственниковъ, которые могутъ продать ее въ новое замужество... Всѣ ламуты православные и по-своему очень набожны; имѣютъ иконы, передъ которыми по праздникамъ зажигаютъ свѣчи, а являясь въ городъ или на Анюйскую ярмарку, ходятъ въ церковь, исповѣдуются и причащаются. Все это благочестіе, конечно, внѣшняго характера, и о сущности христіанства они имѣютъ самыя смутныя понятія.

Іохельсонъ, въ своей американской монографіи объ юкагирахъ (въ трудахъ

экспедиціи Джезупа), сообщая, что оленные юкагиры кочуютъ въ настоящее время совмѣстно съ тунгусами или ламутами, сопровождаетъ это такимъ примѣчаніемъ. «Всѣ согласны теперь въ томъ, что тунгусы и ламуты составляютъ только различныя группы тунгусовъ, а не отдѣльныя племена... Согласно принятому толкованію въ этнографической литературѣ, слово «ламутъ» происходитъ отъ тунгузскаго слова «ламъ», означающаго «море», хотя море по-якутски называется «намъ». Приморскія отрасли этого племени, живущія въ Охотскомъ и Гижигинскомъ округахъ, извѣстны тамъ подъ именемъ тунгусовъ, а не ламутъ; но эти же тунгусы, когда приходятъ на рѣку Колыму, получаютъ отъ мѣстныхъ жителей (русскихъ и якутовъ) названіе—ламуты. Въ Якутской области русскіе и якуты называютъ тунгусами тѣхъ тунгусовъ, которые живутъ въ тундрѣ и ѣздятъ на нартахъ; тѣ же, которые живутъ въ горахъ и ѣздятъ верхомъ на оленяхъ, называются у нихъ ламутами. Юкагиры, впрочемъ, не различаютъ тунгусовъ отъ ламутовъ и называютъ ихъ одинаково «эрпейе»... Юкагиры теперь, по Іохельсону, сильно смѣшаны съ тунгусами. Такъ, напр., 2-ой Омолонскій юкагирскій родъ уже оламутился и кочуетъ съ ламутами въ горахъ между рр. Омолономъ и Большимъ Анюемъ, а иногда перекочевываетъ и на р. Анадырь. Буяксирскій родъ также называется въ оффиціальныхъ бумагахъ прошлаго столѣтія—ламутскимъ. Три рода Верхоянскаго округа (1-ый Кунгурскій, 2-ой Кунгурскій и Тюгесирскій) почти ассимилированы тунгусами, и трудно сказать, кто они собственно, хотя и считаются юкагирскими. Ушканскій или Заячій родъ (составившійся изъ бывшихъ, ранѣе 1850 г., трехъ родовъ) живетъ по верхней Колымѣ вмѣстѣ съ юкагиризированными ламутами 2-го Каменнаго Делянскаго рода. Г. и г-жа Іохельсонъ производили антропометрическія наблюденія надъ тунгусами (мужчинами и женщинами) въ Гижигинскомъ, Колымскомъ и Анадырскомъ округахъ и не выдѣляютъ изъ нихъ спеціально ламутовъ; г-жа Іохельсонъ замѣчаетъ относительно послѣднихъ, что «это только мѣстное названіе нѣкоторыхъ тунгузскихъ родовъ, а не отдѣльнаго племени, какъ это ошибочно принято нѣкоторыми этнологами». По словамъ Богораза, чукчи называютъ ламутовъ и тунгусовъ одинаково «карамкитъ», что значитъ «оленеводы», хотя, въ частности, и они различаютъ «оленеводовъ ѣздящихъ верхомъ на оленяхъ» «кōремтэ—кāрамкитъ», т.-е. ламутовъ, отъ «оленеводовъ ѣздящихъ въ нартахъ»— «орву-кāрамкитъ», т.-е. отъ тунгусовъ тундры къ западу отъ Колымы.

Такимъ образомъ, ламутами называется—въ Якутской области и въ Анадырскомъ округѣ—часть тунгусовъ, именно та, которая пользуется оленями для передвиженія верхомъ и подъ вьюками. Какъ извѣстно, тунгусовъ считаютъ по языку ближайшими родичами маньчжуръ и полагаютъ, что они вышли въ древнія времена изъ сѣверной Манчьжуріи. Несомнѣнно, что тунгусы уже давно, въ стадіи охотничьяго быта, распространились по большей части восточной Сибири, до Енисея на западѣ и до бассейновъ Колымы, Анадыря, Амура, Охотскаго и Сѣверо-японскаго морей на востокѣ, при чемъ на большой части этого пространства они образовали древнѣйшее населеніе. Якуты явились, какъ думаютъ, уже послѣ тунгусовъ, которыхъ они оттѣснили съ занятой ими по Ленѣ территоріи. Чукчи распростра-

пились, повидимому, также позже съ сѣверо-востока. Тунгусамъ же принадлежитъ, вѣроятно, и главная заслуга въ одомашненіи сѣвернаго оленя; отъ нихъ, надо думать, заимствовали оленеводство и другія сибирскія племена; по крайней мѣрѣ, это можно признать несомнѣннымъ относительно юкагировъ и чукочъ, а, вѣроятно, и коряковъ. Тунгусы вывели самую крупную породу оленей, и они почти исключительно умѣютъ пользоваться ими не только въ запряжку, но и какъ вьючными и верховыми животными. Распространившись по огромной территоріи, съ неодинаковыми условіями жизни въ разныхъ ея частяхъ, тунгусы распались на множество племенъ, съ различными названіями, (дауры, солоны, орочоны, ольчи, ороки, гольды, самагиры, долганы и др.) и испытали различныя культурныя вліянія (якутовъ, русскихъ, китайцевъ, монголовъ). Большинство ихъ остались ко-

Двѣ пары ламутовъ. Пляска.

чевниками, охотниками и оленеводами, но другіе, осѣвъ по морскимъ берегамъ и большимъ рѣкамъ, превратились въ рыболововъ съ т. наз. собачьимъ хозяйствомъ, иные стали степными скотоводами, а нѣкоторые превратились въ осѣдлыхъ земледѣльцевъ (какъ китайскіе маньчжуры, тунгусы Нерчинскаго округа, мѣстами въ Приамурьѣ и др.). Въ общемъ, несмотря на широкое разселеніе, число тунгусовъ (не считая маньчжуръ) не велико, значительно уступаетъ, напр., числу бурятъ и якутовъ и составляетъ, вѣроятно, не болѣе 50 тысячъ.

Наиболѣе типичными тунгусами продолжаютъ быть бродячіе оленеводы, сохранившіе характерныя черты примитивнаго быта. Въ числѣ этихъ чертъ есть такія, которыя привлекли къ нимъ симпатіи многихъ путешественниковъ; таковы

ихъ честность, неутомимость, прекрасное знаніе мѣстности (лучшіе проводники въ тайгѣ), добродушіе, гостепріимство, веселость. Называли ихъ «дворянами сѣвера», «французами тайги», обращая вниманіе еще на ихъ костюмъ, не такой мѣшковатый и неуклюжій, какъ у другихъ обитателей сѣвера, а болѣе стройный и легкій, украшенный узорами, бисеромъ, привѣсками (погремушками).

Число собственно ламутъ опредѣлить трудно. По переписи 1897 г. ихъ значилось—въ Колымскомъ округѣ 423 м. и 424 ж., да въ Анадырскомъ округѣ—290 мужчинъ и 293 женщины. Но ламуты живутъ и въ другихъ округахъ, гдѣ однако они или именуются тунгусами, или произвольно дѣлятся на ламутъ и тунгусовъ. Такъ, въ Гижигинскомъ округѣ ламуты вовсе не указаны, но насчитывается около 1800 тунгусовъ, при чемъ эти тунгусы показаны принадлежащими къ ламутскимъ родамъ—Дѣлянскому, Долганскому и т. д. Въ Петропавловскомъ округѣ ламуты различаются отъ тунгусовъ, но среди тѣхъ и другихъ указаны одни и тѣ же рода—Долганскій и Уяганскій. Въ Верхоянскомъ округѣ значатся и тунгусы, и ламутскіе рода юкагировъ, и собственно ламуты, но послѣдніе принадлежатъ уже инымъ родамъ, чѣмъ въ Анадырскомъ и Колымскомъ округахъ. Вообще же, число ламутъ должно быть (сравнительно) довольно значительно и составляетъ, вѣроятно (въ выше перечисленныхъ округахъ) около 4—5 тыс. человѣкъ, только кочевья ихъ разбросаны на весьма обширномъ пространствѣ. По словамъ Н. Ѳ. Каллиникова («Нашъ крайній Сѣверо-востокъ». Приложеніе къ вып. 34-му «Записокъ по гидрографіи». Спб. 1912г. стр. 54), «Ламуты не имѣютъ опредѣленнаго района кочеванія или, вѣрнѣе, ихъ районъ очень обширный сообразно небольшому количеству кочующихъ родовъ, сохранившихъ еще оленей. Ихъ можно встрѣтить и на Чаунѣ, и на Анюяхъ, Анадырѣ, Омолонѣ, Колымѣ и за Колымой по побережью С. Ледовитаго океана. Всѣ ихъ передвиженія совершаются верхомъ; имѣя легко разбираемыя юрты, эти цыгане сѣверныхъ пустынь быстро снимаются и бродятъ вездѣ, не стѣсняясь пространствомъ. Нѣкоторые изъ нихъ, потерявшіе оленей, осѣли по рѣкамъ. Но осѣдлая жизнь, очевидно, не соотвѣтствуетъ природѣ ламутъ, и они, видимо, вымираютъ. Я видѣлъ четыре такихъ жилья на Чаунѣ, и ни въ одномъ изъ нихъ не нашелъ дѣтей. Ламуты всѣ христіане, очень религіозны, но знающихъ русскій языкъ я встрѣтилъ между ними всего одного или двухъ.»

О тунгусахъ было писано сравнительно довольно много, но преимущественно объ ихъ бытѣ; относительно ихъ физическаго типа имѣется уже значительно менѣе данныхъ (какъ по наблюденіямъ надъ живыми, такъ и надъ черепами). Что касается спеціально ламутъ (Анадырскаго, Колымскаго округовъ), то о нихъ писали Августиновичъ, Олсуфьевъ (производившій и кой-какія антропометрическія наблюденія), Богоразъ, наиболѣе же занималась ими г-жа Іохельсонъ, изучавшая ихъ въ Гижигинскомъ, Колымскомъ и Анадырскомъ округахъ, хотя она и не отличаетъ ихъ отъ тунгусовъ вообще. Сколько изслѣдовано ею особей ламутовъ, неизвѣстно, такъ какъ ея трудъ по физической антропологіи племенъ сѣверо-востока Сибири еще не вышелъ; изъ предварительныхъ же сообщеній ея видно, что она собирала данныя преимущественно надъ гижигинскими тунгусами, и болѣе

надъ женщинами, чѣмъ мужчинами, и что число изслѣдованныхъ ею особей обоего пола (по разнымъ признакамъ различное) доходило до 160—165 человѣкъ.

«Ламуты—пишетъ г. Олсуфьевъ,—по своей наружности вполнѣ подходятъ къ монгольскому типу. Они рѣдко бываютъ высокаго роста, громадное же большинство, напротивъ, очень низкаго. Сложенія всѣ они сухого, слабаго, но отличаются при этомъ большою ловкостью и проворствомъ. Типъ лица очень своеобразенъ: на тонкой шеѣ маленькая голова съ рѣдкими черными волосами, имѣющими иногда коричневатый отливъ. Лицо вслѣдствіе сильно выдающихся скулъ и полнаго отсутствія переносья (т.-е. спинки носа), кажется сплюснутымъ, носъ очень маленькій, неправильный, иногда вздернутый. Маленькіе глаза —сѣрые или черные, глубоко сидящіе въ своихъ орбитахъ. То узкій, то широкій,

Три ламута, спереди.

прямой, довольно низкій лобъ отличается сухостью (?). Надглазничныя дуги рѣзко очерчены и почти безъ бровей. Ротъ маленькій съ тонкими губами, зубы иногда разставлены рѣдко, челюсти хорошо развиты (?), щеки очень ввалившіяся, конецъ подбородка немного выдающійся впередъ. Цвѣтъ лица бѣлый, изрѣдка съ желтизной. Около чукчи ламутъ кажется какимъ-то пигмеемъ, разница громадная не только въ ростѣ и сложеніи, но и въ типѣ лица. Нельзя и сравнивать мясистаго, съ грубыми чертами здороваго лица, громаднаго, неповоротливаго чукчу съ этими сухими головками на тонкихъ шеяхъ, напоминающими общимъ видомъ черепа на скелетахъ. Черты лица ламутовъ некрасивы, но глаза отличаются замѣчательно кроткимъ, привѣтливымъ выраженіемъ».—Антропометрическій матеріалъ г. Ол-

суфьева (довольно скудный, надъ 14 чукчами и 9 ламутами) былъ обработанъ г. Рождественскимъ, который пришелъ къ заключенію, что антропометр. данныя этого наблюдателя не подтверждаютъ его общихъ заключеній. Такъ, въ противность его увѣренію, что у чукочъ нѣтъ никакихъ монгольскихъ признаковъ, таковые, какъ полагаетъ г. Рождественскій, несомнѣнно у нихъ оказываются, напр., хотя бы въ ширинѣ скулъ; съ другой стороны, монголизмъ ламутовъ не можетъ быть основанъ на ихъ низкорослости (ибо среди многольскихъ племенъ есть и средне- и даже высокорослыя), а по головному указателю они мезоцефалы (не брахицефалы, какъ большинство монгольскихъ народностей) и по скуловому діаметру значительно уступаютъ чукчамъ, которые въ этомъ отношеніи болѣе сходны съ настоящими монголами, чѣмъ ламуты. Любопытно, что по словамъ, Августиновича, (писавшаго въ 1878 г.) лицо ламутовъ «вовсе не напоминаетъ собою монгольскаго происхожденія. Физіономія ихъ носитъ на себѣ особый отпечатокъ, рѣзко отличающій ихъ отъ прочихъ здѣшнихъ инородческихъ племенъ; почти у всѣхъ прямой лобъ, тонкія губы, умѣренный ротъ и носъ, и закругленный подбородокъ; волосы гладкіе и темнорусые. Вообще малорослы и сухощавы, но очень ловки и подвижны».

В. Г. Богоразъ, описывая физическій типъ ламутовъ, замѣчаетъ, что они вообще отличаются низкимъ ростомъ и очень тощимъ, худощавымъ сложеніемъ. Въ молодости ламуты и ламутки довольно статны, но въ старости горбятся, можетъ быть, вслѣдствіе постоянной верховой ѣзды на оленяхъ (?). Лица ламутовъ отличаются сухостью, иногда это просто черепа, обтянутые кожей, такъ что всѣ кости выступаютъ чрезвычайно отчетливо. Признаки монгольской расы выражаются у ламутовъ довольно явственно въ широкихъ скулахъ, расплывчатомъ носѣ и узкихъ, наискось прорѣзанныхъ глазахъ, но волосы, напр. довольно часто русые и мягкіе. (Курчавыхъ и волнистыхъ волосъ г. Богоразъ у ламутовъ не встрѣчалъ). Ламутскій черепъ отличается, по словамъ этого наблюдается, особою характерною формою, «сдавленною у висковъ и возвышающуюся на затылкѣ. Любопытно, что ламутскую шапку въ видѣ мѣхового чепчика, плотно облегающаго голову, на голову европейскаго типа приходится надѣвать задомъ напередъ, что я замѣчалъ и на себѣ самомъ... Цвѣтъ кожи у ламутовъ землисто-сѣрый, вялаго, какъ бы болѣзненнаго оттѣнка. У стариковъ кожа какъ будто нѣсколько темнѣетъ. Попадались, впрочемъ, лица и съ очень бѣлымъ цвѣтомъ кожи и тонкими чертами, имѣвшія довольно интеллигентное выраженіе, какого никогда не увидишь у чукчей».

Данныя г-жи Іохельсонъ, какъ уже сказано, еще далеко не вполнѣ обработаны. Изъ того, что ею опубликовано, можно видѣть, что тунгусы-ламуты—народъ, въ среднемъ, низкорослый (муж. 1565—1588 мм.), что изъ другихъ инородцевъ сѣверовосточной Сибири имъ уступаютъ въ этомъ отношеніи только юкагиры (70 ос., среднее 1560 мм.), что по головному указателю они нѣсколько долихоцефальнѣе чукочъ, а гижигинскіе и колымскіе тунгусы—и другихъ сосѣднихъ народностей (гижиг. тунгусы—78,7, колымскіе—78,5, анадырскіе—80,8); женщины двухъ первыхъ группъ имѣютъ указатель нѣсколько большій, а женщины по

слѣдней группы нѣсколько меньшій (80,3); камчадалы и камчатскіе коряки высказываютъ, впрочемъ, сходный головной указатель (78,1—78,5), и только юкагиры, гижигин. коряки, азіатск. эскимосы дали его болѣе 80, чукчи—82, якуты—83. Анатомическій лицевой указатель у гижигин. тунгусовъ (84,4 м., 83,0 ж.) меньше, чѣмъ у коряковъ, юкагировъ, чукочъ, аз. эскимосовъ и превышаетъ только выведенный для камчадаловъ. Наибольшая ширина лица (абсолютно) почти такая же, какъ у чукочъ, коряковъ, юкагировъ. Носовой указатель у тунгускихъ женщинъ нѣсколько больше (66), чѣмъ у якутокъ (64,6). Наблюденія надъ размѣрами туловища касаются только женщинъ, при чемъ данныя для тунгусокъ г-жа Іохельсонъ соединила съ данными для юкагирокъ.

Три ламута, въ профиль.

Я имѣлъ возможность воспользоваться наблюденіями и измѣреніями Н. П. Сокольникова, собранными надъ 40 мужчинами и 9 женщинами ламутовъ. Мужчины принадлежали, большей частью, къ 1 и 2 Дѣлянскимъ и 1 и 2 Долганскимъ родамъ, нѣсколько особей—къ Уяганскому, Балаганскому, Каменному родамъ; почти всѣ были въ возрастѣ отъ 19 до 40 лѣтъ (одинъ 16 л.), немногіе старше, до 50 лѣтъ. Всѣ имѣли христіанскія имена, нѣкоторые и русскія фамиліи, но многіе и туземныя прозвища, напр. Чан-чаны, Дуани, Бэ-рэ, Амандзя, Мундзя и т д.

Цвѣтъ кожи ламутовъ, по наблюденіямъ г. Сокольникова, свѣтлѣе, бѣлѣе, чѣмъ у чукочъ, но имѣетъ все-таки слегка желтоватый оттѣнокъ. Волосы на головѣ черные, съ бурымъ или шеколаднымъ на свѣтъ отливомъ, прямые, густые и жесткіе; волоса, отсвѣчивающіе бурымъ, мягче черныхъ. Глаза темнокаріе, но становятся

болѣе свѣтлыми, почти сѣрыми, у старыхъ особей. Монгольская складка замѣтна нерѣдко, при чемъ она закрываетъ болѣе или менѣе рѣсницу. На лицѣ растительность небольшая; чаще встрѣчаются рыжеватые усики, иногда еще немного волосъ на концѣ подбородка или на вискахъ (или подъ скулами). Брови обыкновенныя, не очень густы, часто довольно высокія, растительность на тѣлѣ очень слабая. Какъ на особенность ламутовъ, по сравненію съ чукчами и аз. эскимосами, г. Сокольниковъ указываетъ на большую сохранность зубовъ, которые обыкновенно менѣе съѣдены, чѣмъ у тѣхъ, а главное—на иную форму головы, которая у ламутовъ не выдается кверху и взадъ «яйцомъ», какъ у чукочъ, а является какъ бы приплюснутой сверху и съ выдающимся затылкомъ, чего у чукочъ обыкновенно не замѣчается. Лицо также болѣе округлено, черты не такъ рѣзки, надбровныя дуги слабѣе, лобъ выше, скулы болѣе выдаются.

Ростъ ламутовъ мужчинъ варіируетъ (въ таблицѣ г. Сокольникова) отъ 151 до 173 сан., равняясь въ среднемъ (38 м.)—1616 мм., а у женщинъ отъ 144 до 151 сант., составляя въ среднемъ 1484 мм. (менѣе мужского на 132 мм.)[1] По категоріямъ роста мужчины распредѣляются такъ:

Низкій.	Ниже средн.	Выше средн.	Высокій.
до 1600 мм.	1601—1650	1651—1700	1701 и болѣе
15	15	7	2

Такимъ образомъ, ламуты относятся къ низкорослымъ народностямъ и, въ среднемъ, ниже чукочъ и другихъ народовъ крайняго Сѣверовостока. Ростъ сидя (39 м.) оказался равнымъ, въ среднетъ, 853 мм., что даетъ по отношенію къ средней величинѣ полнаго роста—52,9, и сближаепъ ламутовъ всего болѣе съ нѣкоторыми группами индѣйцевъ. Ростъ на колѣняхъ—1203 мм., откуда длина ноги отъ колѣна—413 мм., что составляетъ 25,5% величины полнаго роста. Объемъ груди равенъ, въ среднемъ, 866 мм., а въ отношеніи къ величинѣ роста 53,6, менѣе, чѣмъ у чукочъ и другихъ ближайшихъ къ нимъ народностей, хотя ламуты и ниже ихъ ростомъ. Вообще, ламуты имѣютъ болѣе слабое сложеніе, хотя попадаются и здоровые, сильные субъекты. Большой размахъ превышаетъ величину полнаго роста у разныхъ особей на 5—145 мм., и только у одного субъекта меньше на 5 мм.; это указываетъ на нѣсколько большую, въ среднемъ, длину рукъ; кисти однако нѣжнѣе и меньше, чѣмъ у чукочъ.

Величина головы (въ верт. проекціи) составляетъ въ среднемъ 225 мм., что даетъ въ отношеніи къ величинѣ роста 13,9, нѣсколько больше, чѣмъ у чукочъ, Гориз. окружность головы=572 мм., продольная дуга—329 мм., поперечная—353 мм.; послѣдняя значительно больше, чѣмъ у чукочъ. Наибольшій продольный діаметръ варіируетъ отъ 187 до 205, составляя, въ среднемъ, 195 мм.; поперечный отъ 148 до 160, равняясь, въ среднемъ, 153 мм.; головной указатель представляетъ варіаціи отъ 75 до 83, составляя въ среднемъ 78,5. Если примѣнить клас-

[1]) Полныя таблицы измѣреній имѣютъ быть приведены въ болѣе обширной моей работѣ по народностямъ крайняго С.-Востока.

сификацію Брока, то получимъ, что изъ 39 особей (16 лѣтняго мы исключаемъ)— 14 долихо (и субдолихо)-цефаловъ, 17 мезоцефаловъ и 8 брахи (и суббрахи)-цефаловъ, а если распредѣлить по схемѣ Деникера, то будемъ имѣть:

	Гипердолихоц.	долихоц.	субдолихоц.	мезоцеф.	суббрахиц.	брахиц.	гипербрах.
	Менѣе 76	76—77	78—79	80—81	82—83	84—85	86 и болѣе.
39 муж.	4	12	11	9	3	0	0
9 жен.	1	3	3	2	0	0	0

Такимъ образомъ, ламуты относятся по классификаціи Брока къ мезоцефаламъ на границѣ съ субдолихоцефаліей, а по Деникеру—къ субдолихоцефаламъ, при чемъ наибольшее число падаетъ даже на долихоцефаловъ (совершенно ту же цифру головного указателя дали и 9 женщинъ—78,47). Во всякомъ случаѣ, ламуты долихоцефальнѣе, чѣмъ чукчи, аз. эскимосы и чуванцы,и не выказываютъ совсѣмъ брахицефальныхъ формъ (84 и болѣе).

Высота головы оказалась равною 128, а высотный указатель 65,6, менѣе, чѣмъ у чукочъ.— Наименьшій лобный діаметръ составляетъ 104 мм., а въ отношеніи къ наибольшему поперечному—68,0 (къ наибольшему продольному—53,3). Ушной діаметръ—149 мм., что по отношенію къ наибольшему поперечному даетъ 97,4, меньше, чѣмъ у чукочъ и айвановъ. Длина лица варіируетъ отъ 170 до 210, составляя въ среднемъ 193,8 мм., а наибольшая ширина лица отъ 140 до 155, равняясь, въ среднемъ, 148 мм.; эта послѣдняя цифра въ отношеніи къ наибольшей ширинѣ головы даетъ 96,7, тоже, что у чукочъ. Лицевой указатель, варіируя отъ 68 до 83,6, составляетъ, въ среднемъ, 76,4. Цифры этого указателя распредѣляются такъ:

	Лептопрозопы.	Мезопрозопы.	Хамэпрозопы.
	до 70,00	70,01—80,	80,01 и болѣе
39 мужч.	2	28	9
9 женщ.	1	5	3

Преобладаютъ слѣд. мезопрозопы съ нѣкоторой наклонностью къ хамэпрозопіи.

Скуловой діаметръ у мужчинъ въ среднемъ—118 м.; по отношенію къ наибольшему поперечному это даетъ 77,1, меньше, чѣмъ, напр., у чукочъ, гдѣ это отношеніе—78,9. Верхнелицевой діаметръ—93,2, нижнелицевой 114,6; разница между ними—21,4, и отношеніе перваго ко второму—81,3, значительно меньше, чѣмъ у чукочъ (93,2), указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на большую ромбоидальность лица, т.-е. на большую ширину его въ углахъ нижней челюсти. Длина нижней трети лица, равная въ среднемъ 71,4 мм., составляетъ 36,8% полной длины лица. Носовой указатель=75,9, съ варіаціями отъ 73 до 89; для 9 женщинъ 81,8 съ варіаціями отъ 73 до 89. Распредѣляя по категоріямъ, получаемъ слѣдующій рядъ:

	Лепторины	Мезорины	Платирины
	до 70	70,01—85	85,01 и болѣе
39 мужч.	10	26	3
въ %	26	66	8
9 женщ.	0	5	4
въ %	0	55	45

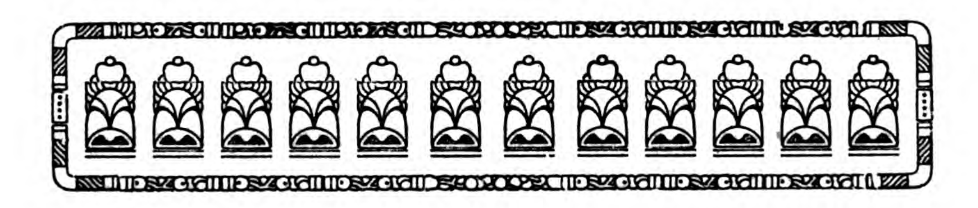
Мужчины—мезорины съ наклонностью къ лепторинiи, женщины тоже, но съ наклонностью къ платиринiи. Носъ обычно приплюснутый, тупой или «монгольскiй», иногда съ горбинкой, но все таки низкiй; у женщинъ часто курносый[1]). Межглазничное пространство равно 36 мм., у женщинъ—40 мм., больше, чѣмъ у чукочъ и айвановъ (Сокольниковъ замѣчаетъ, что глаза у ламутовъ «шире разставлены»). Длина уха варiируетъ отъ 56 до 73 мм., составляя въ среднемъ 62,5, ширина отъ 31 до 43, въсреднемъ,—36,8 мм., ушной; указатель—58,9; абсолютные размѣры значительно меньше, чѣмъ у чукочъ, а указатель такой же. У женщинъ длина уха 59,8, ширина 35,6 мм., указатель 59,5.

Вообще, ламуты могутъ быть характеризованы такъ: цвѣтъ кожи желтоватый, но свѣтлѣе, чѣмъ у чукочъ и айвановъ; волоса черные или съ коричневымъ отливомъ, прямые, густые; на лицѣ растительность слабая, на тѣлѣ еще слабѣе; глаза карiе, съ оттѣнками отъ темнаго до сѣраго; монгольская складка встрѣчается часто. Ростъ низкiй, сложенiе не очень крѣпкое, ноги сравнительно короткiя; голова довольно большая; по формѣ мезоцефалы съ наклонностью къ долихоцефалiи, хамэцефалы, мезопрозопы, съ наклонностью къ хамэпрозопiи, съ ромбоидальнымъ лицомъ (выступающiе углы нижней челюсти); мезорины съ наклонностью къ лепторинiи (женщины—къ платиринiи), съ очень широкимъ переносьемъ и съ плосковатымъ носомъ. Эта ширина переносья, плосковатость носа и скуластость придаютъ ламутамъ, по словамъ Сокольникова, сходство съ китайцами; по крайней мѣрѣ, говоритъ онъ, чукчи, видя на пароходахъ китайцевъ, зовутъ ихъ «лӯэлт-вэлэнъ ка̄рэмкэтъ», т.-е. пароходные ламуты».

Д. Анучинъ.

---

[1]) По Сокольникову, у многихъ женщинъ переносье вдавлено, что «дѣлается бабушками новорожденнымъ дѣвочкамъ, такъ какъ такой носъ считается красивымъ».

Естественно-историческое изученіе домашнихъ животныхъ Россіи.

Изученіе домашнихъ животныхъ относится собственно къ зоологіи и зоотехніи, а потому и естественно, что наибольшее число работъ въ этой области знаній принадлежитъ зоологамъ и зоотехникамъ. Однако, такъ какъ естественная исторія домашнихъ животныхъ предполагаетъ и вопросъ объ ихъ происхожденіи, объ эволюціи ихъ породъ, для чего требуется собираніе и изученіе ихъ ископаемыхъ остатковъ, то послѣдніе могутъ представлять интересъ и для палеонтологовъ; съ другой стороны, такъ какъ одомашненіе животныхъ было дѣломъ человѣка, и прирученныя животныя всегда сопровождали скопленія людей, были ли то бродячіе звѣроловы, или кочевники-номады, или осѣдлые земледѣльцы, то о породахъ домашнихъ животныхъ у разныхъ народовъ и въ разныя эпохи могутъ (и должны) собирать свѣдѣнія и тѣмъ обогащать соотвѣтственную литературу—археологи, антропологи, этнографы. И, дѣйствительно, мы видимъ, что весьма важный шагъ впередъ въ естественной исторіи домашнихъ животныхъ былъ сдѣланъ благодаря находкамъ ихъ остатковъ въ 1850—1860 годахъ въ отложеніяхъ бывшихъ свайныхъ построекъ каменнаго и бронзоваго вѣковъ на днѣ нѣкоторыхъ швейцарскихъ озеръ. Остатки эти дали матеріалъ профессору Рютимейеру для его «Фауны свайныхъ построекъ» и значительно способствовали выясненію вопроса о древнѣйшихъ европейскихъ породахъ собакъ, свиньи, овцы, козы, крупнаго рогатаго скота, наконецъ—лошади. Интересные результаты, достигнутые такимъ изученіемъ, вызвали соревнованіе; многіе остатки домашнихъ животныхъ были собраны при раскопкахъ въ другихъ европейскихъ странахъ, на мѣстахъ свайныхъ построекъ (Австріи, Южн. и Сѣв. Германіи и т. д.), въ отложеніяхъ такъ называемыхъ террамаръ (Сѣв. Италіи), въ могилахъ, въ культурныхъ слояхъ древнихъ городовъ, селеній и т. п., и изслѣдованіе этихъ остатковъ, одновременно съ морфологическимъ и анатомическимъ изученіемъ современныхъ породъ, вызвало массу спеціальныхъ работъ, помѣщенныхъ отчасти и въ антропологическихъ журналахъ (въ „Archiv für Anthropologie“, „Mitt der Wien. Anthr. Ges.“, „Zeitsch. für Ethnologie“), и нѣсколько общихъ сочиненій по естественной исторіи домашнихъ животныхъ.

Прогрессъ въ этой области, выразился, однако, явственно только въ Зап. Европѣ; у насъ въ Россіи онъ отразился слабо. Въ особенности не нашли себѣ отголоска археолого-палеонтологическія и сравнительно-остеологическія изысканія. Едва ли не первый починъ на этомъ пути былъ сдѣланъ

мною въ 1880 годахъ, въ двухъ статьяхъ, озаглавленныхъ, одна—«Собака, волкъ и лисица» (глава въ книгѣ проф. А. А. Иностранцева—«Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера», (Спб., 1882),—другая—«Къ древнѣйшей исторіи домашнихъ животныхъ въ Россіи» (въ «Трудахъ VI-го Археологическаго Съѣзда», 1884 г. въ Одессѣ, т. I, Одесса. 1886). Происхожденіе обѣихъ статей было до извѣстной степени случайнымъ. Въ 1879 году проф. Иностранцевъ доставилъ въ Москву, на бывшую тогда тамъ Антропологическую выставку, коллекцію остатковъ каменнаго вѣка, найденныхъ въ торфяномъ слоѣ на южномъ берегу Ладожскаго озера, при прорытіи новаго Сясьскаго канала. Коллекція эта заключала въ себѣ каменныя и костяныя орудія, черепки посуды, остатки челнока (лодки) и т. п., но также и кости животныхъ и самого человѣка (въ томъ числѣ нѣсколько череповъ). Проф. Иностранцевъ, оставивъ за собой геологическое и археологическое описаніе находокъ, предложилъ описать человѣческіе черепа мнѣ, на что я и изъявилъ было свое согласіе, но отъ чего мнѣ пришлось затѣмъ отказаться. Дѣло въ томъ, что когда объ этомъ узналъ проф. А. П. Богдановъ, онъ заявилъ проф. Иностранцеву, что онъ самъ желалъ бы заняться описаніемъ человѣческихъ череповъ, такъ какъ это весьма рѣдкая находка, которою онъ очень интересуется. Проф. Иностранцевъ не могъ, конечно, ему отказать, и сообщилъ мнѣ, что, къ сожалѣнію, онъ не въ состояніи предоставить описаніе этихъ череповъ мнѣ, но, чтобы нѣсколько загладить отказъ отъ ранѣе сдѣланнаго предложенія, онъ изъявилъ готовность передать мнѣ для изученія другія кости, напр., видовъ рода Canis, тѣмъ болѣе, что сюда входили и кости домашней собаки, единственнаго домашняго животнаго, остатки котораго были найдены рядомъ съ остатками многихъ дикихъ, бывшихъ, очевидно, предметомъ охоты и ловли. Я согласился и съ этимъ предложеніемъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ были уже знакомы въ то время работы Рютимейера, Іеттелейса, Вольджриха и др.; мнѣ предстояло только пополнить это знакомство другими, имѣвшимися тогда работами по естественной исторіи и палеонтологіи собакъ и заняться детальнымъ изученіемъ предоставленныхъ мнѣ костей, что мною и было сдѣлано, и въ результатѣ чего и явилась указанная выше статья, занявшая 27 страницъ in 4° и иллюстрированная двумя фототипическими таблицами. Въ этой работѣ я установилъ для эпохи каменнаго вѣка въ Приладожьи двѣ породы домашнихъ собакъ: одну, сходную съ «торфяной собакой» (Canis f. palustris) Рютимейера изъ свайныхъ построекъ Швейцаріи,—я назвалъ ее Canis fam. palustris ladogensis,—и другую, большихъ размѣровъ, охотничью, сходную, повидимому, съ сѣверными «лайками», которой я далъ наименованіе, въ честь проф. Иностранцева,—Canis fam. Inostranzevi. Такъ какъ эта новая, описанная мною порода иллюстрировалась фототипическимъ изображеніемъ ея черепа, въ двухъ нормахъ, въ натуральную величину и таблицею черепныхъ измѣреній, то ею могли заинтересоваться и иностранные спеціалисты (Штудеръ и др.), и она получила право гражданства въ систематикѣ, какъ Canis f. Inostranzevi Anutschin.

Другая моя работа была вызвана тоже случайнымъ обстоятельствомъ, именно, находкой костяка собаки въ культурномъ слоѣ у д. Волосово, близъ Мурома. Около этой деревни, на дюнахъ рѣчки Велетьмы (впадающей въ одну изъ старицъ Оки) имѣлся толстый культурный слой со слѣдами золы, угля, рыбьей чешуи и костей, съ костями звѣрей и птицъ, глиняными черепками, оббитыми кремневыми орудіями, костяными издѣліями и изрѣдка

попадающимися обломками шлифованныхъ орудій изъ камня. Отложенія эти изучались гр. Уваровымъ, Поляковымъ, Кротовымъ и многими другими археологами и геологами, но наиболѣе обширныя коллекціи были собраны тамъ покойнымъ П. П. Кудрявцевымъ [1]), съ которымъ я былъ знакомъ и который иногда посѣщалъ меня въ Москвѣ и сообщалъ о сдѣланныхъ имъ новыхъ археологическихъ находкахъ. Онъ доставилъ мнѣ довольно большое собраніе костей изъ культурнаго слоя, но всѣ онѣ оказались принадлежавшими дикимъ видамъ; не попадались даже кости собаки, не говоря уже о другихъ домашнихъ животныхъ. Въ виду того, что остатки собаки были найдены въ отложеніяхъ каменнаго вѣка въ южномъ Приладожьи, повидимому, болѣе древнихъ, чѣмъ волосовскія, я обратилъ вниманіе П. П. Кудрявцева на это обстоятельство и просилъ его поискать, не найдутся ли и въ Волосовѣ кости собаки. Онъ обѣщалъ, но долгое время его старанія были тщетны; только лѣтомъ 1884 года онъ сообщилъ мнѣ, что ему удалось, повидимому, найти кости собаки. Я просилъ его доставить мнѣ всѣ найденныя кости, которыя оказались, дѣйствительно, принадлежавшими собакѣ. Въ августѣ того же года я сообщилъ объ этой находкѣ на VI археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ, при чемъ сдѣлалъ обзоръ всѣхъ вообще имѣвшихся тогда данныхъ о древнѣйшихъ породахъ домашнихъ животныхъ въ Россіи. Это сообщеніе было обработано затѣмъ мною въ статьѣ, занявшей въ I томѣ «Трудовъ» VI съѣзда 34 страницы in 4° и иллюстрированной одной фототипіей. Въ концѣ этой статьи я обращался съ просьбой ко всѣмъ любителямъ археологіи не пренебрегать находимыми при раскопкахъ костями домашнихъ животныхъ (особенно черепами, зубами, рогами, костями конечностей) и доставлять ихъ въ московскій университетъ мнѣ, но эта просьба не оказала почти никакого дѣйствія, да и самая статья обратила вниманіе немногихъ. Только проф. Н. М. Кулагинъ, имѣвшій случай описать одинъ экземпляръ лайки, произвелъ измѣренія ея черепа и сравнилъ ихъ съ данными, опубликованными мною для черепа Canis f. Inostranzevi; сравненіе это вполнѣ подтвердило мое предположеніе о сходствѣ «Иностранцевской собаки» съ сѣверною породою «лаекъ» [2]).

Послѣ того я продолжалъ пользоваться представлявшимися по временамъ случаями для полученія остеологическихъ матеріаловъ по домашнимъ животнымъ, но собрать мнѣ пришлось немного, да и то, что собрано (въ Антропологическомъ музеѣ), не удалось, за недостаткомъ силъ и времени— изучить. Къ вопросу о происхожденіи домашнихъ животныхъ я вернулся еще только одинъ разъ, въ 1896 г., въ статьѣ «Къ вопросу о дикихъ лошадяхъ и объ ихъ прирученіи въ Россіи» (въ «Журн. Мин. Нар. Просв.»). Статья эта явилась отвѣтомъ Ѳ. П. Кеппену, который въ помѣщенной имъ ранѣе, въ томъ же журналѣ, статьѣ «Къ исторіи тарпана» привелъ извлеченіе изъ написаннаго мною 12-ю годами раньше письма къ берлинскому профессору Нерингу, опубликованнаго послѣднимъ въ одной изъ его статей,— привелъ для того, чтобы опровергнуть данныя, приведенныя тамъ мною, въ

---

[1]) П. П. Кудрявцевъ былъ судебнымъ слѣдователемъ въ Муромѣ и часто посѣщалъ Волосово. Позже онъ служилъ членомъ Окружнаго суда во Владимірѣ. Почти всю свою обширную коллекцію изъ Волосова онъ оставилъ О-ву Любителей Естествознанія, но изъ нея только часть поступила въ Антропологическій Музей Университета, а большая часть осталась въ Историческомъ Музеѣ.

[2]) Проф. Кулагинъ опубликовалъ свои наблюденія по-русски въ Вѣстн. И. О-ва Аккл. жив. и раст., и по-нѣмецки въ Zool. Jahrb. Abt. Syst. VI, H. 3.

отвѣтъ на полученные отъ проф. Неринга вопросы относительно тарпана. Первымъ моимъ побужденіемъ было оправдаться передъ русской читающей публикой въ обвиненіяхъ, направленныхъ противъ меня г. Кеппеномъ, который утверждалъ, что свѣдѣнія, сообщенныя мною Нерингу, неточны и невѣрны, но затѣмъ я увлекся, перешелъ къ утвержденіямъ самого Кеппена, вынужденъ былъ указать на его недостаточное знакомство съ литературой вопроса, съ палеонтологіей лошади и т. д., и кончилъ тѣмъ, что изложилъ современное состояніе вопросовъ объ эволюціи лошади, о тарпанѣ, какъ о дикомъ видѣ, о «дикихъ» лошадяхъ вообще, о древнѣйшемъ прирученіи лошадей, наконецъ, о «лошади Пржевальскаго» (Equus Przewalskii), при чемъ я могъ дополнить свѣдѣнія объ этомъ дикомъ видѣ нѣкоторыми новыми, полученными мною въ отвѣтъ на мои запросы отъ извѣстныхъ путешественниковъ въ Среднюю Азію М. В. Пѣвцова и Г. Е. Грумъ-Гржимайло. Все это заполнило 75 печатныхъ страницъ in 8° въ двухъ книжкахъ журнала Мин. Нар. Просв. Послѣ того я не имѣлъ уже ни случая, ни возможности заняться еще какимъ-либо вопросомъ, касающимся естественной исторіи домашнихъ животныхъ.

Вообще же, за послѣднія 20—25 лѣтъ естественно-историческое изученіе прирученныхъ видовъ стало обращать на себя на западѣ замѣтно большее вниманіе. Появилось много статей (особенно на нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ) по изученію экстерьера и костяка различныхъ породъ, по сравненію современныхъ типовъ съ прежними, существовавшими въ историческую и доисторическую эпоху, по изслѣдованію ихъ ископаемыхъ остатковъ и т. д. Было сдѣлано и нѣсколько опытовъ обобщенія накопившихся фактовъ, какъ по естественной исторіи домашнихъ животныхъ вообще, такъ и спеціально по вопросу объ ихъ происхожденіи [1]). Не довольствуясь собираніемъ и изученіемъ данныхъ, касающихся Европы, античнаго міра, заморскихъ колоній, западные ученые стали интересоваться и тѣмъ, что можетъ дать въ этомъ отношеніи наша страна, особенно ея азіатскія окраины—Кавказъ, Сибирь, Туркестанъ. Появилось нѣсколько работъ, основанныхъ отчасти на объектахъ (черепахъ, фотографіяхъ. и пр.), доставленныхъ изъ Россіи за границу (напр., статьи Ноака—о сѣверной лайкѣ и его же—о домашнихъ животныхъ алтайскихъ калмыковъ), отчасти собранныхъ членами работавшихъ въ предѣлахъ нашей имперіи иностранныхъ научныхъ экспедицій. Изъ послѣднихъ заслуживаютъ вниманія особенно двѣ: одна американская, снаряженная на средства института Кэрнеги въ 1904 г. подъ руководствомъ Пемпелли (Pumpelly), для археологическихъ розысканій въ Туркестанѣ, и производившая раскопки въ Анау (около Асхабада) и въ Старомъ Мервѣ, и другая—швейцарская (въ 1911 году), имѣвшая цѣлью естественно-историческое изученіе Кавказскаго края. Обѣими экспедиціями было обращено вниманіе и на собираніе матеріаловъ по домашнимъ животнымъ. Экспедиція Пемпелли добыла многія кости лошадей, рогатаго скота и др. изъ раскопокъ въ Анау; онѣ были, изучены Дюрстомъ, сдѣлавшимъ этимъ цѣнный вкладъ въ исторію древнѣйшихъ прирученныхъ формъ. Дѣло въ томъ, что толстые слои культурныхъ отложеній въ Анау уходятъ въ весьма глубокую древность, до IX-го вѣка до Р. Х. по опредѣленію Пемпелли. Они начинаются съ каменнаго вѣка, къ концу котораго уже существовало земледѣліе (разведеніе ячменя и пшеницы), но еще не было ско-

[1]) По этому вопросу вышло и оригинальное русское сочиненіе проф. Е. А. Богданова.

товодства, начало которому было положено позже, одновременно съ знакомствомъ съ мѣдью. Повидимому, здѣсь происходила эволюція древнѣйшей арійской культуры, уже позже распространившейся въ Малую Азію и на берега Эгейскаго моря. Но, если это такъ, то понятно, какой интересъ можетъ представлять изученіе тѣхъ древнѣйшихъ формъ домашнихъ животныхъ, остатки которыхъ были добыты изъ слоевъ различной древности въ Анау. Въ наиболѣе многочисленныхъ остаткахъ была представлена здѣсь лошадь, въ которой Дюрстъ видитъ форму, близкую къ Equus Przewalskii, и потомки которой дали, по его мнѣнію, начало породамъ, появившимся въ Зап. Европѣ въ бронзовый и древнѣйшій желѣзный вѣка [1]).

Швейцарская естественно-историческая экспедиція на Кавказъ имѣла въ числѣ своихъ участниковъ зоолога-профессора Келлера, извѣстнаго знатока домашнихъ животныхъ, который постарался и на Кавказѣ собрать матеріалы (и коллекціи) по мѣстнымъ породамъ собакъ, свиньи, рогатаго скота и др. Его «Этюды о домашнихъ животныхъ кавказскихъ странъ» пополняютъ поэтому существенно имѣвшійся пробѣлъ, заключая въ себѣ первыя научныя свѣдѣнія объ остававшихся мало извѣстными прирученныхъ породахъ Кавказа [2]).

Всѣ эти работы о русскихъ породахъ принадлежатъ, однако, иностранцамъ. Рядомъ съ ними можно указать лишь немногихъ русскихъ ученыхъ, преимущественно зоотехниковъ, занимавшихся изученіемъ въ естественно-историческомъ отношеніи нашихъ домашнихъ животныхъ, напр., гг. Кулешова, Придорогина, Врубельскаго, Лискуна, Бельговскаго и нѣкоторыхъ другихъ, но, въ общемъ, сдѣлано ими, сравнительно немного. «Просматривая литературу по краніологіи и остеологіи домашнихъ животныхъ Россіи,—замѣчаетъ А. А. Браунеръ,—приходится съ грустью отмѣтить, что сдѣлано очень мало и много меньше, чѣмъ можно и слѣдовало бы совершить, а между тѣмъ, время не ждетъ, и нѣкоторыя породы домашнихъ животныхъ, особенно древнія, исчезаютъ или теряютъ свои отличительныя черты, смѣшиваясь съ другими. Не ждутъ и иностранцы, и начинаютъ понемногу изучать то, что намъ слѣдовало бы сдѣлать, тѣмъ болѣе, что громадная Россійская имперія можетъ дать многое и даже больше, чѣмъ вся западная Европа со своею небольшою территоріею» [3]).

Упомянувъ о А. А. Браунерѣ, я долженъ отмѣтить, что этотъ одесскій дѣятель представляетъ собою исключительное явленіе среди русскихъ изслѣдователей домашнихъ животныхъ. Не будучи спеціалистомъ зоотехникомъ, онъ является однимъ изъ лучшихъ знатоковъ природы и жизни юга Россіи. Скромный земскій дѣятель, старый сочленъ Общества естествоиспытателей при Новороссійскомъ университетѣ и Общества сельскаго хозяйства Южной Россіи, Александръ Александровичъ недавно скромно праздновалъ тридцатилѣтній юбилей своей научно-литературной дѣятельности, которымъ его почтили новороссійскіе натуралисты. А. А. писалъ спеціальныя замѣтки

---

[1]) Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric Civilizations of Anau. Ed. by R. Pumpelly. 2 Voll. Wash. 1908. Vol. II. Part. VI. Animal Remains from the Excavations at Anau, and the Horse of Anau, by U. Duerst.

[2]) Keller, Studien über die Hausthiere der Kaukasusländer, въ «Neue Denkschr. d. Schweiz. Naturforsch. Ges.». 1912.

[3]) А. Браунеръ. О необходимости естественно-историческаго изученія домашнихъ животныхъ Россіи. Оттискъ изъ «Записокъ И. О-ва Сел. Хоз. Ю. Россіи», Одесса. 1916.

и по ботаникѣ, и по зоологіи, и по археологіи, и все имъ написанное отличается дѣльностью, свидѣтельствуя объ основательномъ его знакомствѣ съ тѣми вопросами, которые онъ избиралъ предметами своихъ изученій. По поводу юбилея его привѣтствовало, въ числѣ многихъ другихъ, и Императорское О-во любителей естествознанія, отвѣчая которому, юбиляръ, между прочимъ, писалъ: «Только провинціальный ученый-самоучка, проработавшій почти всю жизнь въ одиночествѣ и самъ собиравшій матеріалъ,—бывшій въ положеніи изгоя, можетъ оцѣнить то, что ему дали нынѣ русскіе ученые въ день его юбилея и за прошлое, и напередъ»... «Жалѣю, что сорокъ лѣтъ тому назадъ не поступилъ въ московскій университетъ. Въ немъ могла быть удовлетворена вся моя тяга къ изученію человѣка. Отсюда моя любовь къ антропологіи, этнологіи и археологіи, отсюда интересъ къ изученію домашнихъ животныхъ; въ немъ были бы удовлетворены мои стремленія къ изученію фауны и къ зоогеографіи»...

Въ нынѣшнемъ году А. А. напечаталъ въ «Запискахъ о-ва сельскаго хозяйства Южной Россіи» двѣ статьи: одну, упомянутую уже выше, и другую—объ остаткахъ лошади изъ кургановъ Херсонской губ. Въ первой статьѣ авторъ горячо настаиваетъ на необходимости поспѣшить съ естественно-историческимъ изученіемъ домашнихъ животныхъ Россіи. Онъ дѣлаетъ обзоръ имѣющихся работъ по изученію породъ собакъ, кошки, лошади, рогатаго скота и т. д., сѣв. оленя и верблюда, и намѣчаетъ тѣ вопросы и мѣстности, которые должны быть по преимуществу объектами изученія. «Необходимо,—пишетъ онъ,—обратить вниманіе и на прошлое, т.-е. на доисторическихъ домашнихъ животныхъ; блестящій починъ въ этомъ направленіи далъ Д. Н. Анучинъ въ своихъ статьяхъ «Собака, волкъ и лисица» и «Къ древнѣйшей исторіи домашнихъ животныхъ Россіи». Авторъ указываетъ на то, что до сихъ поръ ни одна порода собакъ у насъ надлежащимъ образомъ не изучена, что не изслѣдованы также степные волки, бывшіе, вѣроятно, родоначальниками нѣкоторыхъ собачьихъ породъ. Относительно домашней кошки и ея породъ извѣстно еще менѣе, и даже относительно лошади можно повторить сказанное въ 1891 г. И. Черскимъ [1]), что несмотря на обширную литературу, касающуюся этого предмета, ни одна изъ многочисленныхъ породъ лошади, водящихся въ предѣлахъ россійскихъ владѣній, не изслѣдована еще въ краніологическомъ и вообще остеологическомъ отношеніи». Авторъ намѣчаетъ рядъ вопросовъ относительно лошади, требующихъ ближайшаго разрѣшенія, и настаиваетъ, что «надо спѣшить работать, а то упустимъ, какъ безвозвратно упустили южно-русскаго тарпана, какъ упустили многое». Что касается рогатаго скота, то, замѣчаетъ авторъ, «несмотря на то, что крупный рогатый скотъ изучается въ сельскохозяйственныхъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ ветеринарныхъ институтахъ, мы все же плохо ознакомлены съ породами скота Россіи; съ зоологической же стороны сдѣлано и того меньше... Понятно поэтому горькое замѣчаніе проф. Придорогина, что изслѣдователи «не приводятъ характерныхъ промѣровъ ни для различныхъ статей описываемаго скота, ни для краніологическихъ отношеній. Эти важные пробѣлы ждутъ работниковъ для пополненія». Вообще,,—доказываетъ г. Браунеръ,—«изученіе домашнихъ животныхъ съ зоотехнической и отчасти съ зоологиче-

---

[1]) Черскій. Описаніе коллекцій послѣтретичныхъ млекопитающихъ, изд. Акад. Наукъ. Спб. 1891. Одна изъ главъ этой обширной работы озаглавлена «О домашнихъ и современныхъ лошадяхъ» и занимаетъ 96 стр. (стр. 365—461).

ской стороны достаточно назрѣло, и работы начаты уже земствомъ (кіевскимъ, воронежскимъ, тамбовскимъ и др.) и министерствомъ земледѣлія (учредившимъ особое Бюро по зоотехніи); возьмутся и другія учрежденія и лица, но эти изслѣдованія тогда получатъ значеніе, когда будутъ совершены по одному и тому же методу, вслѣдствіе чего получится возможность сравненія и обобщенія, въ противномъ случаѣ окажется разноголосица, которую уже испытываютъ въ западной Европѣ». Для устраненія этого авторъ «предполагаетъ, что Императорская Академія наукъ, организовавшая грандіозное изданіе «Фауны Россіи», должна взять на себя иниціативу выработки программы и метода зоологическаго изслѣдованія домашнихъ животныхъ Россіи, которыхъ обязаны держаться всѣ позднѣйшіе изслѣдователи». Авторъ поясняетъ важность однородности пріемовъ измѣреній на примѣрѣ, касающемся изученія собаки: «Если взять прекрасныя работы Вольджриха, Іеттелейса и Анучина,— говоритъ онъ,—ихъ трудно сравнивать съ такой же хорошей, но позднѣйшей работой Штудера, взявшаго въ основаніе цѣлый рядъ другихъ промѣровъ, а данныя этихъ ученыхъ еще невозможнѣе сравнить съ позднѣйшими работами Гильцгеймера и другихъ. Въ общемъ и тотъ небольшой фактическій матеріалъ, который добытъ, оказался несравнимымъ. Развѣ это не потеря для науки!» Въ концѣ-концовъ авторъ полагаетъ, что для выработки программъ и методовъ изслѣдованія домашнихъ животныхъ Россіи слѣдовало бы «поставить вопросы и намѣтить въ недалекомъ будущемъ съѣздъ».

Вторая изъ указанныхъ работъ г. Браунера озаглавлена: «Матеріалы къ познанію домашнихъ животныхъ Россіи. I. Лошадь курганныхъ погребеній Тираспольскаго уѣзда, Херсонской губ., *Equus Goschkewitschi, mihi*». Одесса. 1916. [Записки Императорскаго Общества сельскаго хозяйства Южной Россіи, т. 86, кн. 1, стр. 49—184] съ 10 таблицами рисунковъ, 4 таблицами промѣровъ, французскимъ резюмэ и библіографіей (авторъ называетъ ее «краткой», но она заключаетъ въ себѣ 187 названій книгъ и статей). Авторъ могъ воспользоваться 8-ю болѣе или менѣе полными черепами лошадей, найденными при раскопкахъ кургановъ Тираспольскаго уѣзда I. Я. Стемпковскимъ и хранящимися въ Херсонскомъ городскомъ музеѣ, директоромъ котораго состоитъ В. И. Гошкевичъ, какъ извѣстно, много сдѣлавшій для развитія и обогащенія этого учрежденія. Г. Браунеръ произвелъ надъ означенными курганными черепами подробнѣйшіе промѣры, прибавилъ къ нимъ промѣры нѣкоторыхъ другихъ череповъ, въ томъ числѣ двухъ отъ киргизскихъ лошадей и сравнилъ ихъ съ промѣрами для другихъ, современныхъ и древнихъ породъ, также тарпана, плейстоценовыхъ сибирскихъ лошадей Черскаго и т. д., имѣющимися въ литературѣ, и пришелъ къ выводу, что лошади, бывшія погребенными въ курганахъ Тираспольскаго уѣзда, вмѣстѣ съ людьми, въ эпохи со II-го вѣка до Р. Х. и до 1000 лѣтъ по Р. Х., были восточнаго типа, широколобыя, прямолобыя или съ легкой горбинкой на носу, роста около 2 аршинъ. Изъ нынѣ живущихъ лошадей Азіатской Россіи наиболѣе схожими остеологически съ курганными оказались киргизскія. «Видимо, до монгольскаго нашествія въ южно-русскихъ степяхъ тюркскія племена кочевали съ лошадьми киргизскаго типа, съ пришествіемъ же монголовъ появилась другая порода восточнаго типа, горбоголовая; вліяніе ея крови сказалось на нашихъ степныхъ лошадяхъ и на донскихъ, у которыхъ профиль прямой. Если,—какъ предполагаетъ Д. Н. Анучинъ,—южно-русскій тарпанъ былъ одичавшей лошадью, то это одичаніе произошло до монгольскаго нашествія, такъ какъ у тарпана профиль прямой». «Предки курганной лошади происходятъ отъ пость-

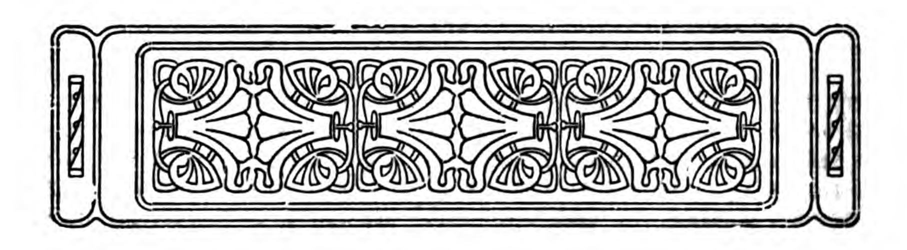
пліоценовыхъ лошадей сѣверной Сибири... Если подтвердится предположеніе, что киргизская лошадь имѣетъ зубы (коренные) съ такимъ же сложнымъ рисункомъ эмали, какъ и курганныя, сѣверно-сибирская (якутская) и постъ-пліоценовыя Ново-сибирскихъ острововъ, то классификація нынѣ живущихъ породъ окажется иной (обыкновенно дѣлятъ лошадей на два типа—восточный, короткоголовый и широколобый и западный—длинноголовый и узколобый). Лошади должны быть раздѣлены на два типа: *сѣверный и южный.* Сѣверный типъ (со сложнымъ рисункомъ эмали на зубахъ) разобьется на двѣ группы: 1) *западную,* соотвѣтствующую нынѣшнему западному типу европейскихъ лошадей, и 2) *восточную,* куда войдутъ два отдѣла—*киргизскій* (прямолобый), съ лошадьми Киргизскаго края, примѣрно до Оби, и *монгольскій* (горбоголовый)—къ востоку и юго-востоку отъ Оби или Енисея. Въ южный типъ войдутъ арабская лошадь съ родичами, лошадь Анау, пони и другія. Южный типъ въ свою очередь разобьется на прямолобую (арабская, текинская и др.) и горбоголовую (варварійская, донгольская)... Великое переселеніе народовъ шло, вѣроятно, съ восточною лошадью, но съ тѣмъ типомъ, который выше названъ южнымъ; переселеніе же тюрковъ и монголовъ шло съ восточною группою сѣвернаго типа. Лошади южнаго типа, видимо, шли съ западной половины Азіи, а восточной группы сѣвернаго типа съ восточной половины Азіи».

Таковы выводы г. Браунера; имъ нельзя отказать въ интересѣ, хотя—другой вопросъ, насколько съ ними можно безусловно согласиться. Во-первыхъ, авторъ говоритъ о курганной лошади, какъ объ одной породѣ, господствовавшей въ южной Россіи въ теченіе 12 вѣковъ; изъ данныхъ Стемпковскаго видно даже, что онъ относилъ нѣкоторые изъ разрытыхъ имъ кургановъ къ доскифской эпохѣ (т.-е. киммерійской, по терминологіи проф. Самоквасова), слѣд. ко времени вѣковъ на 7 ранѣе нашей эры, а другіе—къ XII—XIV вѣкамъ (время опредѣлялось найденными въ могилахъ серебряными восточными монетами-диргемами), т.-е. уже къ монгольской эпохѣ. Это даетъ въ совокупности періодъ въ 20 столѣтій, когда на почвѣ южной Россіи смѣнились многіе народы: за населеніемъ неолитическаго и мѣднаго вѣка слѣдовали скифы, затѣмъ сарматы, далѣе славяне, тюрки, наконецъ, монголы (не считая еще готовъ, финновъ и др.). Скиѳы-иранцы имѣли, повидимому, связь съ Ираномъ, славяне образовались, какъ думаютъ, въ Европѣ, на западной окраинѣ восточной равнины, тюрки пришли съ Алтая и т. д.; можно ли допустить, чтобы у всѣхъ этихъ народовъ была одна порода лошадей. Если монгольская порода, по автору, отличалась отъ тюркской, то и послѣдняя должна была отличаться отъ ей предшествовавшихъ. Что касается до классификаціи лошадиныхъ породъ, то странно, что г. Браунеръ игнорируетъ тройную классификацію Дюрста съ ея типами лошадей пустынь, лошадей степей и лошадей лѣсовъ; съ ней можно не соглашаться, но ее надо было все-таки принять во вниманіе. Едва ли можно признать убѣдительнымъ и утвержденіе, что тарпанъ имѣлъ прямой профиль черепа, и что, если это—одичавшая лошадь, то одичаніе ея должно было послѣдовать до прихода монголовъ, такъ какъ монгольская лошадь горбоголовая. Нельзя опираться на показаніе Черскаго, изучившаго лишь одинъ черепъ тарпана (да и то сомнительнаго!), тѣмъ болѣе, что, по словамъ нѣкоторыхъ наблюдателей, въ томъ числѣ Палласа и Эверсмана, лобъ у тарпана былъ выпуклый, и такимъ же отмѣченъ онъ и въ описаніи экземпляра, подареннаго Московскому Зоологическому саду I. Н. Шатиловымъ въ 1884 г.; съ другой стороны, монгольская лошадь далеко не всегда, повидимому, бываетъ горбоголовой. Не убѣдительно также и утвержденіе,

будто изображенія (греческой работы) лошадей на извѣстной серебряной вазѣ изъ Чертомлыцкаго кургана представляютъ «лошадей или типа тарпана, или типа курганной лошади». Во-первыхъ, давно извѣстно, что на Чертомлыцкой вазѣ изображены два типа лошадей, изъ коихъ одинъ крупнѣе и виднѣе, а другой—помельче, въ родѣ киргизской лошади, а во-вторыхъ, надо еще доказать, что «курганная лошадь» (какого времени?) имѣла типъ тарпана.

Всѣ эти и нѣкоторыя другія замѣчанія, которыя можно сдѣлать относительно выводовъ и утвержденій послѣдней работы г. Браунера, не могутъ заслонить ея достоинствъ. Въ ней собранъ обширный и цѣнный краніометрическій матеріалъ для сравненія различныхъ лошадиныхъ породъ, при чемъ подробно описаны пріемы измѣреній и приведены таблицы послѣднихъ. Для лицъ, которыя будутъ заниматься дальнѣйшимъ остеологическимъ изученіемъ лошадей, важны также прекрасныя изображенія ихъ череповъ въ разныхъ нормахъ, рисунка эмали на лошадиныхъ зубахъ, пястныхъ и плюсневыхъ костей, пальцевыхъ фалангъ и копытныхъ костей переднихъ и заднихъ конечностей, наконецъ, подробная библіографія, хотя она и не отличается особенною точностью, такъ какъ свѣдѣнія о многихъ работахъ заимствованы, повидимому, изъ вторыхъ рукъ.

Д. Анучинъ.

Памяти В. Вл. Воробьева [1]).

(По поводу десятилѣтія со дня его кончины).

Десять лѣтъ тому назадъ, 17 декабря 1905 г., палъ отъ руки убійцы, исполняя долгъ врача и гражданина, непремѣнный членъ Имп. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, членъ Антропологическаго Отдѣла Общества, В. Вл. Воробьевъ. Эта трагическая смерть какъ громомъ поразила всѣхъ, кто имѣлъ высокое удовольствіе лично знать покойнаго и совмѣстно работать съ нимъ въ нашемъ Отдѣлѣ. Но эта горечь незамѣнимой утраты, это острое чувство боли, наполнившей сердце близкихъ друзей безвременно погибшаго В. Вл., какъ будто стушевалось и поблѣднѣло передъ взрывомъ того глубокаго негодованія, которое волной охватило душу, возмущенную этой дикой, кровавой расправой, учиненной надъ беззащитнымъ человѣкомъ, вся вина котораго состояла лишь въ томъ, что онъ до конца остался вѣренъ долгу и присягѣ врача, сознательно и добровольно поднявшаго почетное, но и тяжелое бремя помощи страждущему человѣчеству, при всякихъ условіяхъ, въ мѣру своихъ силъ и познаній. Я не стану воспроизводить здѣсь всѣхъ потрясающихъ подробностей этой кровавой драмы. Она памятна всѣмъ, и въ исторіи тѣхъ смутныхъ дней найдетъ свое мѣсто для беспристрастной характеристики лицъ и пріемовъ борьбы того кошмарнаго времени. Во всемъ этомъ разберется еще пока ненаписанная исторія.

Покойный В. Вл. былъ человѣкомъ широкихъ либеральныхъ воззрѣній, но всѣмъ знавшимъ его было ясно, что онъ никогда не раздѣлялъ крайностей интеллигентской мысли того времени. Онъ не былъ и не могъ быть революціонеромъ уже и потому, что всегда былъ строгимъ и вдумчивымъ адептомъ серьезной научной мысли, и въ этой области проявилъ себя широкообразованнымъ и разностороннимъ человѣкомъ. Списокъ его печатныхъ трудовъ, помѣщенный въ XXV кн. „Русскаго Антр. Журнала" за 1907 г., можетъ служить нагляднымъ тому доказательствомъ. Но любимой научной областью, куда всего больше тяготѣли его научныя симпатіи, была антропологія, гдѣ его незаурядный талантъ сказался всего ярче и гдѣ всего замѣтнѣе вырисовывается его необыкновенное умѣніе анализировать отдѣльные факты и, на основаніи ихъ, дать общую картину всего

---

[1]) Доложено въ засѣданіи Антропологическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. 1-го февраля 1916 г.

явленія. Вотъ—почему именно здѣсь умѣстно дать хотя бы краткій очеркъ его трудовъ по антропологіи, которые во многихъ отношеніяхъ могутъ быть приведены, какъ образцовые по тщательности критическаго анализа и по логичности и стройности выводовъ.

Самымъ обширнымъ трудомъ покойнаго В. Вл. въ области антропологіи была его работа, озаглавленная „Наружное ухо человѣка", напечатанная въ XX т. трудовъ Антропологическаго Отдѣла. За этотъ трудъ медицинскій факуль-

В. В. Воробьевъ.

тетъ Моск. ун. удостоилъ его степени доктора медицины, а Общество Любителей Естеств., Антроп. и Этнографіи присудило ему полную премію имени Разцвѣтова по антропологіи. Въ болѣе общемъ видѣ результаты этой работы помѣщены авторомъ въ „Русскомъ Антропологическомъ Журналѣ" за 1900 г., подъ заглавіемъ: „Наружное ухо въ антропологическомъ отношеніи". Матеріаломъ для работы послужили наблюденія надъ 325 м. рязанцами на одной изъ московскихъ фабрикъ, по полной схемѣ Швальбе; въ дополненіе къ нимъ были сдѣланы измѣренія, но

уже по сокращенной схемѣ того же Швальбе, надъ 100 великорусскими женщинами, надъ 160 дѣтьми обоего пола, надъ 75 астраханскими калмыками-мужчинами, 100 вырождающимися душевно-больными. Данныя, собранныя авторомъ, при сравненіи съ имѣвшимся уже литературнымъ матеріаломъ, позволили ему установить, что особенности въ строеніи и величинѣ уха могутъ служить однимъ изъ дифференціальныхъ расовыхъ признаковъ. Наиболѣе наглядно это видно по отношенію къ длинѣ уха, а отчасти и физіологическому его указателю. По длинѣ уха человѣческія племена располагаются въ такомъ порядкѣ: наименьшее ухо принадлежитъ неграмъ, за ними слѣдуютъ европейцы, а потомъ уже азіатскія народности. Равнымъ образомъ, можно установить нѣкоторыя расовыя отличія и по отношенію къ описательнымъ признакамъ, которые въ общемъ сводятся къ большему или меньшему распространенію въ отдѣльныхъ группахъ тѣхъ или иныхъ признаковъ недоразвитія, куда можетъ быть отнесено недостаточное развитіе такъ наз. Дарвинова бугорка, приращеніе мочки и т. п. Но всѣ эти признаки, по мнѣнію автора, отнюдь не могутъ быть использованы для раздѣленій расъ на „высшія" и „низшія" по формамъ уха, такъ какъ по всѣмъ этимъ признакамъ племена группируются въ различномъ порядкѣ. Равнымъ образомъ, на основаніи имѣющихся данныхъ нельзя вывести признаковъ такъ-наз. „дегенеративнаго" уха, которые по существу являются лишь признаками задержаннаго развитія и отнюдь не обусловливаются патологическими аномаліями въ сферѣ духовной жизни. Нельзя, слѣдовательно, установить типъ преступнаго уха, или даже дегенеративнаго. Исключеніе составляетъ лишь оттопыренное ухо, для котораго цифровыя величины у нормальнаго и патологическаго населенія разнятся очень замѣтно: около 10% у однихъ и 35% у другихъ. Равнымъ образомъ, нѣтъ коренныхъ различій между особенностями мужского и женскаго уха, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ женское ухо является какъ будто болѣе редуцированнымъ, но зато въ другихъ—наоборотъ.

Въ XII кн. журнала за 1903 г. помѣщена небольшая работа В. Вл. объ астраханскихъ калмыкахъ. Автору удалось измѣрить въ астраханской степи 75 ч. взрослыхъ мужчинъ,—матеріалъ, конечно, не особенно значительный, но давшій, тѣмъ не менѣе, возможность сдѣлать нѣсколько интересныхъ выводовъ. Во-первыхъ, сравненіе астраханскихъ калмыковъ съ монголами-торгоутами, изученными А. А. Ивановскимъ, дало возможность установить нѣкоторую смѣшанность типа—метисацію, отчасти съ татарами, отчасти съ армянами, но главнымъ образомъ съ великоруссами. Такъ, астраханскіе калмыки по сравненію съ торгоутами отличаются болѣе высокимъ ростомъ, нѣсколько меньшей величиной горизонтальной окружности головы, нѣсколько меньшей брахицефаліей, меньшей шириною скулъ, меньшей длиною и шириною носа и т. д.; при этомъ весьма важно отмѣтить, что эти отличія отъ торгоутовъ идутъ какъ разъ въ томъ направленіи, въ какомъ идутъ и отличія великоруссовъ отъ торгоутовъ, но только, конечно, въ болѣе слабой степени, что и даетъ главнымъ образомъ основаніе подозрѣвать здѣсь именно русскую метисацію. Интересно также замѣчаніе автора, что, по его наблюденіямъ, гипотеза Мечникова о томъ, что монголы представляютъ формы тѣла,

свойственныя недоразвитымъ еще европейцамъ, какъ бы подтверждается. Сюда относится монгольская складка глазъ, нерѣдко встрѣчающаяся и затѣмъ исчезающая у европ. дѣтей; точно такъ же характерная форма мочки уха, чаще попадающаяся у дѣтей, чѣмъ у взрослыхъ среди европейцевъ, за что говорятъ и большіе размѣры головы и лица у европейцевъ въ дѣтскомъ возрастѣ и т. д. Со свойственною ему научною добросовѣстностью авторъ не скрываетъ, что скудость наблюденій не даетъ ему права дѣлать окончательныхъ выводовъ и свои предположенія онъ высказываетъ лишь въ гипотетической формѣ.

Въ III кн. журнала за 1900 г. помѣщена одна изъ наиболѣе интересныхъ работъ автора: „О соотношеніи между главнѣйшими размѣрами головы и лица человѣка и его ростомъ". Чтобы не затруднять вашего вниманія, я ограничусь лишь краткимъ изложеніемъ главнѣйшихъ выводовъ этого труда. 1) Отмѣченныя уже научной литературой отношенія между ростомъ и величиной вертикальной проекціи могутъ быть распространены и на всю голову, какъ въ черепной, такъ и въ лицевой ея части, такъ что бо́льшему росту соотвѣтствуетъ относительная меньшая *во всѣхъ своихъ размѣрахъ* голова. Это явленіе объясняется тѣмъ, что абсолютные размѣры головы возрастаютъ съ увеличеніемъ роста значительно слабѣе, чѣмъ этотъ послѣдній. 2) Степень увеличенія отдѣльныхъ размѣровъ съ увеличеніемъ роста далеко не одинакова. Одни размѣры увеличиваются слабѣе, другіе сильнѣе. Эта степень увеличенія не стоитъ въ прямой зависимости отъ средней величины размѣровъ, и большіе по абсолютной величинѣ размѣры возрастаютъ съ увеличеніемъ роста—одни сильнѣе, другіе слабѣе, чѣмъ размѣры меньшіе по ихъ абсолютной величинѣ. 3) Отдѣльные размѣры черепа увеличиваются съ ростомъ, повидимому, слабѣе, чѣмъ отдѣльные размѣры лица.

Въ XIX т. „Трудовъ Антр. Отдѣла" помѣщена работа В. Вл. о рязанцахъ, которая была предпринята авторомъ съ цѣлью собрать матеріалъ для сравненія нормальнаго типа великоруссовъ съ данными о душевно-больныхъ, собранными имъ ранѣе, главнымъ образомъ, по отношенію къ строенію уха. Но и независимо отъ такой спеціальной цѣли эта работа имѣла большое значеніе, какъ первое измѣреніе великоруссовъ изъ нѣсколькихъ уѣздовъ (а не отдѣльныхъ деревень) и притомъ въ значительномъ числѣ. Всего было измѣрено авторомъ 195 чел. въ Пронскомъ уѣздѣ, 84 въ Рязанскомъ и 46 въ другихъ уѣздахъ губерніи. Средній индексъ ихъ получился 81,48, т.-е. довольно низкій, и, дѣйствительно, позднѣйшія работы показали, что за этими уѣздами лежитъ область еще болѣе низкихъ индексовъ, которыми восточный великоруссъ отличается отъ западнаго. Работа эта явилась, такимъ образомъ, первымъ указаніемъ на эти интересныя отличія. Интересна и приведенная здѣсь общая кривая индекса рязанцевъ въ томъ отношеніи, что она обнаруживаетъ двѣ величины на 79 и 83. Такія двѣ вершины присущи большинству кривыхъ этого признака у великоруссовъ и соотвѣтствуютъ, повидимому, двумъ главнымъ типамъ: западному и восточному. Изслѣдованные авторомъ уѣзды лежатъ на границѣ ихъ, а потому и имѣютъ смѣшанное населеніе. Сопоставивъ индексъ съ цвѣтностью волосъ и глазъ, авторъ нашелъ, что

темный типъ болѣе брахицефаленъ, что, вѣроятно, имѣетъ чисто мѣстное значеніе, такъ какъ въ другихъ случаяхъ обнаруживалась иногда и обратная тенденція. Измѣрялись также ростъ, окружность головы и главные размѣры лица. Въ концѣ работы авторъ съ должной осторожностью высказываетъ нѣсколько соображеній о томъ, что темный брахицефалъ былъ именно древнимъ славяниномъ.

Въ „Русскомъ Антропологическомъ Журналѣ“ за 1903 г. помѣщена небольшая работа В. Вл., посвященная типу великорусской женщины, — одна изъ первыхъ работъ по этому вопросу. Интересно отмѣтить констатированную здѣсь авторомъ нѣсколько большую круглоголовость женщинъ по сравненію съ мужчинами-рязанцами, по всей вѣроятности, въ связи съ ихъ болѣе западнымъ происхожденіемъ (Московская и Калужская губерніи), а также и то, что среди женщинъ сохранились въ большемъ числѣ случаевъ чистые типы—свѣтлый и темный, насколько, разумѣется, можно судить по такому пестрому матеріалу.

Помѣщенная въ 1 кн. „Русскаго Антропологическаго Журнала“ (1900 г.) сводная работа о великоруссахъ можетъ служить образцомъ подобнаго рода обобщающихъ работъ. На основаніи многочисленныхъ литературныхъ данныхъ, а также и своихъ собственныхъ наблюденій, авторъ характеризуетъ общій типъ великорусса въ слѣдующихъ чертахъ: русый, то въ болѣе свѣтлыхъ, то въ болѣе темныхъ оттѣнкахъ, великоруссъ обладаетъ ростомъ выше средняго и умѣренно выраженной круглоголовостью (суббрахицефалія на границѣ съ мезоцефаліей); главнѣйшіе размѣры головы и лица его велики; лицо въ общемъ скорѣе длинно, чѣмъ широко; члены тѣла пропорціональны, сложеніе нѣсколько коренастое и крѣпкое. Вліяніе монгольской и тюркской крови на общемъ типѣ великоруссовъ не отразилось очень замѣтно, по крайней мѣрѣ на основаніи существующихъ въ настоящее время данныхъ отмѣтить его съ очевидностью не удается. Отъ большинства чистыхъ тюрковъ и монголовъ современный великоруссъ отличается менѣе темнымъ цвѣтомъ глазъ и волосъ, меньшей брахицефаліей, болѣе длиннымъ лицомъ и болѣе высокимъ ростомъ; напротивъ того, финскія племена должны были играть въ созиданіи великорусскаго племени видную роль. Если принять, что славянскіе элементы въ большинствѣ случаевъ были темноволосыми, точнѣе, русыми брахицефалами, тогда на долю финскаго вліянія приходится отнести свѣтловолосость нѣкоторой части современныхъ великоруссовъ и ихъ долихоцефалію. Существованіе довольно значительныхъ областныхъ различій позволяетъ думать, что современный великорусскій типъ представляется не только смѣшаннымъ, но и не однороднымъ, недостаточно слившимся въ одно недѣлимое цѣлое. Въ созиданіи этого типа, навѣрное, играли роль и элементы свѣтлаго типа, и элементы типа брюнетическаго, и долихо- и брахицефальные, и высокорослые и низкорослые. Но въ какой группировкѣ были внесены эти отдѣльные элементы и сколько группъ могло участвовать въ созданіи современнаго типа,—этотъ вопросъ пока не поддается даже приблизительному рѣшенію. Но, во всякомъ случаѣ, эти элементы, по мнѣнію автора, не являются ни этнографическими, ни лингвистическими типами, но лишь чисто антропологическими, объединяемыми исключительно физическими признаками.

Вопросъ о культурно-этническихъ типахъ, вошедшихъ въ составъ доисторическихъ предковъ современнаго великорусса, какъ славянина, остается пока открытымъ. Историческія данныя могутъ установить лишь общность территоріи обитанія славянъ и финскихъ племенъ, отчасти и тюркскихъ, и монгольскихъ. Весьма вѣроятнымъ поэтому представляется возможность вліянія этихъ типовъ другъ на друга, т.-е. славянскихъ и финскихъ, съ одной стороны, и тюрко-монгольскихъ и славянскихъ, съ другой, но въ какой мѣрѣ,—это сказать пока трудно; финское вліяніе, несомнѣнно, сказалось больше, чѣмъ тюрко-монгольское, при этомъ надо имѣть въ виду, что и сами эти типы, какъ финскіе, такъ славянскіе и тюрко-монгольскіе—суть тѣ же продукты смѣшенія многоразличныхъ физическихъ расъ, а можетъ быть, и этнографическихъ группъ.

Изъ этого краткаго и далеко неполнаго очерка трудовъ В. Вл. можно видѣть, какъ разнообразны были затронутыя имъ темы и съ какой тщательностью онѣ разрабатывались, какъ широко освѣщались. Мы имѣемъ здѣсь и работы анатомическаго характера, какъ, напр., „О соотношеніяхъ главнѣйшихъ размѣровъ головы и лица къ росту", или „Наружное ухо человѣка", и спеціальныя работы, посвященныя расовымъ проблемамъ, какъ напр. „Рязанцы" и „Астраханскіе калмыки" и, наконецъ, работы чисто-синтетическаго характера, широко обобщающія уже добытый наукой матеріалъ, каковы его „Великоруссы"; и во всѣхъ этихъ трудахъ ярко сказывается личность ихъ автора:—его широкая образованность, тонкая наблюдательность и необыкновенное умѣнье ясно излагать свои мысли и логически обосновывать свои выводы. Къ сожалѣнію, слишкомъ рано прервалась его научная дѣятельность и онъ далеко не далъ намъ всего того, чего мы въ правѣ были ожидать отъ его незауряднаго таланта...

Какъ его трагическая кончина, такъ и нынѣшній траурный юбилей этой смерти роковымъ образомъ совпали съ историческими днями нашей общественной и государственной жизни; и какъ будто какія-то тонкія нити протянулись черезъ это десятилѣтіе, соединяя незримой связью *тогда* и *теперь,* и снова подъ грохотъ пальбы орудійной перевертывается новая страница нашей исторіи. Вотъ почему именно теперь, когда такъ много предъявлено русскому обществу въ смыслѣ его гражданскаго воспитанія, умѣстно воспроизвести передъ нами образъ человѣка, до конца исполнившаго свой общественный и профессіональный долгъ.

И. Силиничъ.

Памяти В. В. Хвойки [1]).

20 октября 1914 г. въ Кіевѣ скончался отъ туберкулеза легкихъ членъ-сотрудникъ Общества Любителей Естествознанія Антропологіи и Этнографіи, Викентій Вячеславовичъ Хвойка. Его многочисленныя раскопки дали богатые результаты и внесли въ науку много новыхъ данныхъ, совершенно измѣнившихъ

---

[1]) Доложено въ засѣданіи Антропологическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. 8-го марта 1915 г.

взглядъ на смѣну прошлыхъ культуръ нашего юго-западнаго края. Почти всѣ моменты культурнаго развитія Приднѣпровья, отъ палеолитическаго вѣка мамонта и до великокняжескаго періода, нашли отраженіе въ его работахъ. При этомъ необходимо замѣтить, что В. В. не былъ дипломированнымъ ученымъ, что онъ

В. В. Хвойка.

занялся наукой археологической поздно и, какъ увѣряетъ его біографъ[1]), случайно. Въ концѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда Хвойка увлекался сельскимъ хозяйствомъ и дѣлалъ опыты съ добываніемъ крахмала изъ проса („Ра-

[1]) *В. Козловская.* Памяти В. В. Хвойки. «Украина». Кіевъ. 1914 г.

nicum sanguineum“), сгорѣлъ сарай, въ которомъ производились эти опыты; сгорѣли всѣ планы, чертежи и модели. Огорченный Хвойка забросилъ съ тѣхъ поръ сельское хозяйство. Вскорѣ, при уборкѣ пожарища, были найдены фрагменты стеклянныхъ браслетъ великокняжескаго времени. Находка заинтересовала В. В., и съ этого времени начался новый періодъ его жизни—увлеченіе археологіей. На этой почвѣ произошло знакомство Хвойки съ проф. В. Б. Антоновичемъ, знатокомъ до-историческаго прошлаго ю.-з. края, бывшимъ въ то время въ апогеѣ своей славы. Профессоръ принималъ дѣятельное участіе въ раскопкахъ Хвойки и оказалъ сильное вліяніе на всю его дѣятельность. По смерти Антоновича, Хвойка становится продолжателемъ его работы въ дѣлѣ изученія культурнаго прошлаго Ю. Россіи. Не будучи спеціалистомъ-ученымъ, онъ достигъ громадныхъ результатовъ въ своей работѣ исключительно благодаря особенностямъ своего характера и ума. Тонкая наблюдательность, быстрое соображеніе, огромная память и особое чутье, которое отличаетъ талантливыя натуры,—вотъ чему обязанъ Хвойка блестящими результатами своихъ работъ.

Настоящій докладъ, однако, не имѣетъ цѣлью критическую оцѣнку его дѣятельности; единственная наша задача—возстановить въ памяти въ общихъ чертахъ дѣятельность В. В. Хвойки, какъ археолога, и тѣмъ почтить память почившаго изслѣдователя и сочлена.

Осенью 1893 г. В. В. Хвойка сдѣлалъ свое первое замѣчательное открытіе. Въ Кіевѣ, по Кирилловской улицѣ, въ усадьбахъ №№ 59—61, имъ было обнаружено совмѣстное существованіе человѣка и мамонта. Въ изслѣдованіи этой палеолитической стоянки приняли участіе проф. Антоновичъ и проф. Армашевскій. Особый интересъ возбудилъ орнаментированный бивень мамонта съ рисунками, напоминающими подобныя же изображенія изъ нѣкоторыхъ эпохъ западноевропейскаго палеолита. Благодаря этому открытію, Хвойка пріобрѣлъ широкую извѣстность, а на XI Археол. Съѣздѣ въ Кіевѣ ему была устроена шумная овація.

Черезъ два года В. В. открываетъ рядъ землянокъ неолитической эпохи на возвышенностяхъ въ окрестностяхъ г. Кіева. Въ землянкахъ обнаружены глиняная посуда, костяныя и каменныя орудія, остатки пищи.

Въ концѣ 90-хъ годовъ было сдѣлано новое открытіе. У мѣстечка Триполье, Кіевской губ., были найдены остатки бывшей ранѣе совершенно неизвѣстной культуры, которая получила названіе трипольской, по мѣсту ея перваго нахожденія. Ее называютъ также до-микенской. Самымъ характернымъ для нея являются разнообразная керамика и глинобитныя сооруженія, такъ называемыя „площадки“. Впослѣдствіи эта культура была обнаружена въ Черниговской, Подольской и Бессарабской губ., а также въ вост. Галиціи, Молдавіи и на Балканскомъ полуостровѣ. Съ другой стороны, ее ставятъ въ связь съ культурами М. Азіи и Ирана. Уже одно это указываетъ на громадное значеніе открытія Хвойки.

Изслѣдовалъ В. В. и памятники скиѳской эпохи—курганы и городища, а въ 1899—1900 гг. въ Кіевской губ. обнаружилъ могильники, извѣстные въ

Западной Европѣ подъ названіемъ „полей погребальныхъ урнъ". Онъ первый высказался за принадлежность этой культуры славянскому населенію.

Недалеко отъ Кіева онъ открылъ древніе славянскіе могильники со слѣдами арабской культуры.

Въ 1907 и 1908 гг. раскопки на территоріи древняго Кіевскаго дѣтинца даютъ богатый матеріалъ, указывающій, что древнему Кіеву великокняжескаго періода были извѣстны разнообразныя отрасли промышленно-художественныхъ производствъ.

Наконецъ, въ послѣдніе годы В. В. Хвойка производилъ изслѣдованіе территоріи древняго города Бѣлгорода (X—XII вв.).

Результаты раскопокъ Хвойки напечатаны въ „Трудахъ" и „Запискахъ" разныхъ археологическихъ обществъ и съѣздовъ. Всего имъ напечатано 17 работъ. Въ заключеніе необходимо отмѣтить, что Кіевскій музей искусствъ и древностей Имп. Николая II, особенно его археологическій отдѣлъ, кстати сказать, состоящій преимущественно изъ коллекцій предметовъ, добытыхъ при раскопкахъ В. В. Хвойки, обязаны въ значительной степени своимъ блестящимъ состояніемъ энергіи покойнаго изслѣдователя.

А. Калитинскій.

П. Л. Лавровъ, какъ антропологъ.

Петръ Лавровичъ Лавровъ извѣстенъ въ исторіи русской литературы и культуры, главнымъ образомъ, своими трудами по философіи и исторіи мысли, а затѣмъ, съ 1870-хъ годовъ, съ переселенія своего за границу, своею литературною и политическою дѣятельностью въ области соціологіи и соціализма. Мало обращали на себя вниманіе его труды по антропологіи, хотя одно время, въ 1860-хъ годахъ, онъ былъ у насъ однимъ изъ писателей, наиболѣе начитанныхъ въ антропологической литературѣ, и способствовалъ, можетъ быть, болѣе чѣмъ кто-либо другой, популяризаціи въ то время антропологическихъ свѣдѣній въ нашемъ обществѣ [1]). О занятіяхъ П. Л. Лаврова антропологіей напомнилъ недавно П. Витязевъ, помѣстившій въ „Извѣстіяхъ Вологодскаго Общества изученія Сѣвернаго края" (вып. II, Вологда, 1915) статью: „Ссылка П. Л. Лаврова въ Вологодской губ. и его занятія антропологіей". Статья эта была вызвана перепечаткой въ томъ же изданіи письма П. Л. Лаврова „Къ вопросу объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ Вологодской губ.", помѣщеннаго въ № 43 „Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" за 1868 г., и съ трудомъ разысканнаго нынѣ г. Витязевымъ въ библіотекѣ И. Академіи Наукъ. Естественно, что подобная перепечатка статьи требовала поясненія, чѣмъ было вызвано первоначальное ея появленіе, кто былъ Лавровъ и

[1]) Насколько мало обращаютъ на себя вниманіе до настоящаго времени антропологическіе этюды Лаврова, можно судить уже изъ того, что въ новѣйшихъ біографіяхъ его, помѣщенныхъ въ XXVI томѣ „Энц. Словаря" Т-ва Гранатъ и въ XXIII т. „Новаго Энц. Словаря", о нихъ даже не упоминается.

какимъ образомъ онъ попалъ въ Вологду, а также, какой интересъ представляетъ это его письмо въ ряду его другихъ статей по антропологіи. Все это и составляетъ содержаніе статьи г. Витязева.

П. Л. Лавровъ (родился въ 1823 г., скончался въ 1900 г.) былъ по образованію артиллеристъ и состоялъ болѣе 20 лѣтъ преподавателемъ математики въ Артиллерійскомъ Училищѣ, а позже въ Артиллерійской Академіи. Въ 1860-хъ годахъ онъ сталъ, однако, интересоваться и философіей, и исторіей культуры, началъ сотрудничать въ разныхъ журналахъ и сборникахъ, выступать съ публичными лекціями, выдвинулся вообще на видное мѣсто въ литературно-интеллигентныхъ сферахъ Петербурга. Покушеніе въ 1866 г. Каракозова отразилось и на судьбѣ Лаврова, хотя онъ нисколько не былъ замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ и вообще не принималъ никакого участія въ революціонной дѣятельности. Но онъ считался либераломъ, и этого было достаточно для его ареста и произведенія у него обыска, а такъ какъ въ результатѣ послѣдняго нашлись письма осужденныхъ ранѣе Чернышевскаго, Михайлова и др. и нѣкоторыя вольнолюбивыя стихотворенія, то явилось основаніе и для преданія суду, въ результатѣ котораго П. Л. былъ уволенъ отъ службы и сосланъ подъ полицейскій надзоръ въ одну изъ внутреннихъ губерній, за каковую была выбрана Вологодская. Здѣсь, въ Тотьмѣ, Вологдѣ и Кадниковѣ, пришлось пробыть три года, которыми П. Л. воспользовался для усиленной литературной работы, насколько то было возможно при ограниченномъ числѣ доставлявшихся ему туда родными книгъ.

Всего имъ было напечатано за это время до 20 статей, преимущественно по философіи и исторіи, въ томъ числѣ (въ „Недѣлѣ“) его знаменитыя „Историческія письма“, вышедшія потомъ отдѣльнымъ изданіемъ и оказавшія немалое вліяніе на развитіе нашей интеллигенціи начала 1870-хъ годовъ. Но рядомъ съ этого рода статьями къ тому же времени относятся и нѣсколько его статей по антропологіи и этнологіи, какъ-то: „Антропологическіе этюды“, въ „Соврем. Обозр.“ за 1868 г., № 6; „Обзоръ иностран. антроп. литературы“, въ „Библіографѣ“ за 1869 г., № 1; „Антропологи въ Европѣ“, въ „Отеч. Зап.“ 1869 г., № 3; „Цивилизація и дикія племена“, въ „Отеч. Зап.“ 1869 г., №№ 5, 6, 8 и 9, „До человѣка“, въ „Отеч. Зап.“ 1870 г., № 1—3. Изъ этихъ статей видно, что Лавровъ внимательно слѣдилъ въ то время за европ. антроп. литературой, пользовался изданіями Парижскаго и Лондонскаго антроп. Обществъ, былъ знакомъ съ трудами Вайца, Леббока и мн. др. Въ это же время была помѣщена и статья Лаврова въ „Вологод. Губ. Вѣдомостяхъ“, имѣвшая цѣлью обратить вниманіе мѣстныхъ учителей, врачей, духовныхъ и вообще образованнаго класса на интересъ и пользу изученія типовъ мѣстнаго населенія, финскаго (зырянъ) и русскаго. Въ статьѣ видно знакомство автора съ трудами основаннаго незадолго до того Антропологическаго Отдѣла О-ва Люб. Ест., съ „Матеріалами для антропологіи курганнаго періода Моск. губ.“ А. П. Богданова (1867), съ трудами тоже основаннаго въ 60-хъ годахъ Моск. Археолог. О-ва, съ работой Котляревскаго „О погреб. обычаяхъ языч. славянъ“ (1868) и т. д. Авторъ указываетъ на издан-

ныя Антр. Отд. О. Л. Е. „Инструкціи для антроп. наблюденій“ Брока, выражаетъ мнѣніе, что значительную услугу антропологіи могли бы оказать мѣстные врачи, полагаетъ, что было бы возможно образованіе мѣстнаго антропол. комитета, который бы разсылалъ листки съ вопросами и собиралъ антр. записи, черепа, костяки и т. д., и доказываетъ, что собраніе антроп. данныхъ въ губерніи могло бы обогатить какъ „науку отечественной исторіи“, такъ и „общечеловѣческую науку о человѣкѣ“. Вообще, для того времени подобная статья въ провинціальномъ русскомъ органѣ печати является любопытной и характерной.

Интересна также и статья Витязева о Лавровѣ. Мы не имѣемъ возможности излагать здѣсь взгляды Лаврова на цѣли и содержаніе антропологіи и ограничимся лишь тѣмъ, что и послѣ своего бѣгства (съ Г. А. Лопатинымъ) за границу въ 1870 г. онъ продолжалъ первое время интересоваться антропологіей, состоялъ членомъ Париж. Антр. Общества, участвовалъ въ редакціи „Revue d'anthropologie“, и только въ 1873—1877 гг. выступилъ уже открыто на соціаль-политическую пропаганду въ цюрихскомъ изданіи „Впередъ“, а позже, съ начала 1880-хъ годовъ, въ изданіяхъ народовольцевъ. Но извѣстно, что до конца жизни политическая дѣятельность совмѣщалась у П. Л. съ трудомъ ученаго, выразившемся особенно въ его большомъ (оставшемся, тѣмъ не менѣе, неоконченнымъ) „Опытѣ исторіи мысли новаго времени“, хотя къ антропологіи, даже къ психокультурной, П. Л. уже болѣе не возвращался.

Напечатавъ свою статью въ „Извѣстіяхъ“ Вологод. О-ва, г. Витязевъ прислалъ мнѣ ея оттискъ и просилъ меня сообщить ему мое мнѣніе о Лавровѣ, какъ антропологѣ. Въ отвѣтъ я написалъ, что̀ у меня сохранилось объ этомъ въ памяти, и эти немногія строки г. Витязевъ воспроизвелъ въ добавочной замѣткѣ, въ концѣ выпуска „Извѣстій“. Лаврова я видалъ еще въ 1860—61 гг., когда былъ студентомъ Петербургскаго университета; тогда Лавровъ, въ формѣ артиллер. полковника, бывалъ иногда на лекціяхъ; въ то время входъ въ университетъ былъ свободнымъ и для не-студентовъ. Въ началѣ 1870-хъ годовъ, когда вышли въ отдѣльномъ изданіи „Историческія письма“ (подъ псевдонимомъ „Миртова“), я читалъ ихъ, помню, съ увлеченіемъ вмѣстѣ съ покойнымъ Н. П. Мироновичемъ (преподавателемъ исторіи). Около того же времени (я сталъ уже сосредоточиваться тогда на изученіи антропологіи) были мною пріобрѣтены за удешевленную цѣну „Соврем. Обозрѣніе“ за 1868 г. (6 книжекъ) и „Библіографъ“ за 1869 г. (3 выпуска), главнымъ образомъ изъ-за помѣщенныхъ въ нихъ статей по антропологіи, одной за подписью П. Л—овъ, а другой—безъ подписи; статьи эти были мною прочитаны тогда съ большимъ интересомъ и пользою, тѣмъ болѣе, что мнѣ были уже извѣстны въ то время нѣкоторые изъ тѣхъ иностранныхъ источниковъ, которыми пользовался Лавровъ. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и мнѣ привелось встрѣтиться и познакомиться съ Лавровымъ въ Парижѣ, во время моей заграничной командировки въ 1877—78 гг. Не помню, познакомился ли я съ нимъ на одномъ изъ засѣданій Париж. Антроп. О—ва, или меня ввелъ къ нему, жившій тогда тоже въ Парижѣ, Н. И. Карѣевъ, только хорошо помню, что я былъ

у Лаврова раза два-три по вечерамъ, когда онъ читалъ лекціи (русскимъ) по великой французской революціи (можетъ быть, въ связи съ появившимся тогда сочиненіемъ Тэна „L'Ancien régime et la Révolution"). Лавровъ принималъ насъ—легальныхъ русскихъ—только въ извѣстные дни и часы, предупреждая, что въ другіе дни у него бываютъ иные дѣятели и иного рода бесѣды. Квартира, въ которой тогда жилъ П. Л. (гдѣ-то въ Quartier latin), была довольно уютная; въ кабинетѣ, уставленномъ по стѣнамъ полками съ книгами, могло помѣститься человѣкъ 10 или болѣе; но вообще П. Л. жилъ весьма скудно, обѣдалъ, напр., въ одномъ изъ дешевенькихъ ресторановъ за 1 франкъ. Помню, онъ интересовался моей командировкою, и мы бесѣдовали съ нимъ по антропологическимъ вопросамъ. Онъ проявлялъ, между прочимъ, довольно скептическое отношеніе къ физической антропологіи, къ антропометріи, краніологіи и т. д., и ставилъ гораздо выше антропологію психическую и культурную, какъ способную вести, по его мнѣнію, къ лучшему пониманію эволюціи человѣка въ соціальномъ отношеніи...

Д. Анучинъ.

Къ антропологіи Балканскаго полуострова.

Изъ всѣхъ полуострововъ Европы Балканскій заключаетъ въ себѣ наиболѣе смѣшанное населеніе. Здѣсь живутъ (часто рядомъ) греки, албанцы, сербы, болгары, турки, румыны, не упоминая уже о болѣе мелкихъ. Они разнятся между собою по языку, вѣроисповѣданію, обычаямъ, преданіямъ. Есть между ними и различія по физическому типу, но они еще недостаточно изучены, хотя кое-что въ этомъ отношеніи уже опредѣлилось.

Говоря о народностяхъ полуострова, мы разумѣемъ нынѣ тамъ обитающія. Однѣ изъ нихъ живутъ на своей территоріи съ незапамятныхъ временъ, но другія появились (или образовались) лишь въ первые вѣка нашей эры или еще позже, въ началѣ среднихъ вѣковъ, даже въ XV-мъ вѣкѣ (турки). На полуостровѣ происходили многочисленныя передвиженія народовъ, войны, вторженія, эмиграціи, насильственныя и добровольныя переселенія, наконецъ, смѣшенія между представителями различныхъ народностей; все это должно было вести къ измѣненію древнихъ типовъ населенія, если даже предположить, что сами по себѣ, безъ постороннихъ воздѣйствій, типы стаціонарны и не измѣняются. Было бы интересно выяснить, являются ли современные типы населенія полуострова такими же, какіе существовали здѣсь тысячу и болѣе лѣтъ тому назадъ, или они измѣнились, древніе исчезли, или выродились, и ихъ смѣнили новые, бывшіе неизвѣстными въ древности.

Такого рода вопросы начали ставиться довольно давно, и уже получены нѣкоторые на нихъ отвѣты, имѣющіе, впрочемъ, лишь провизорный характеръ, такъ какъ данныхъ пока собрано мало, и строить на нихъ прочные выводы еще нельзя. Но и тѣ заключенія, къ которымъ можно было придти, заслуживаютъ нѣкотораго вниманія, въ особенности, если они находятъ себѣ подтвержденіе въ аналогичныхъ фактахъ и выводахъ изъ другихъ странъ.

Древній міръ зналъ на Балканскомъ полуостровѣ пелазговъ и грековъ (эллиновъ), также ѳракійцевъ и иллирійцевъ. О пелазгахъ въ антропологическомъ отношеніи трудно сказать что-либо опредѣленное, но относительно эллиновъ наука располагаетъ данными, представляемыми искусствомъ (скульптурой, отчасти живописью: типы божествъ и портреты выдающихся дѣятелей) и останками изъ древнихъ могилъ. Изъ этихъ данныхъ можно заключить, что эллины были народъ средняго роста, русой комплекціи (хотя встрѣчались и брюнеты, и свѣтлые блондины) и съ преобладаніемъ длинноголовыхъ (долихоцефаловъ), хотя были и мезоцефалы и даже (около 10%) брахицефалы (брахицефальный типъ придавался, напр., въ искусствѣ, изъ боговъ—Гераклу, а изъ людей—Сократу).

Этотъ древній эллинскій типъ, повидимому, подвергся за послѣдніе 15 вѣковъ значительнымъ измѣненіямъ. Полуостровъ, и, въ частности, Эллада,

испытали въ разное время столь многочисленныя нашествія, вторженія, опустошенія пришлыхъ народовъ, что многіе изъ потомковъ древнихъ эллиновъ при этомъ погибли, были уведены въ плѣнъ, эмигрировали, приняли позже исламъ, однимъ словомъ утратились для греческой народности, а съ другой стороны, селившіеся среди грековъ славяне и албанцы воспринимали съ теченіемъ времени (хотя и съ нѣкоторымъ искаженіемъ) греческій языкъ и обычаи, и обращались въ грековъ. Мало-по-малу древне-греческій языкъ превратился въ новогреческій съ видоизмѣненной грамматикой и массой заимствованныхъ у сосѣднихъ народовъ словъ, а равно измѣнился и обликъ греческой народности, до такой степени, что нѣкоторые наблюдатели начала прошлаго вѣка, особенно нѣмецъ Фальмерайеръ, стали доказывать существенное различіе древнихъ грековъ отъ новыхъ и утверждать даже, что въ крови послѣднихъ «нѣтъ ни единой капли эллинской крови». Это, однако, было уже явнымъ преувеличеніемъ; новогреки, несомнѣнно, потомки древнихъ эллиновъ, и хотя они и восприняли элементы другихъ народностей и подверглись большимъ или меньшимъ измѣненіямъ, но все-таки они остаются греками, особымъ народомъ, отличнымъ и отъ славянъ, и отъ турокъ, и отъ другихъ сосѣднихъ съ ними народностей.

Наблюденія, произведенныя надъ новогреками, какъ надъ живыми особями, такъ и надъ останками изъ могилъ края, показали, что современные греки выказываютъ средній ростъ (1,650 мм.), господствующую темную комплекцію въ цвѣтѣ волосъ и глазъ (часто соединенную съ значительной волосатостью тѣла) и преобладаніе короткоголовости. Изъ данныхъ, собранныхъ въ 1880-хъ годахъ и резюмированныхъ у Жупанича [1]), указывается, что по цвѣту волосъ и глазъ только 6,6% изслѣдованныхъ грековъ могли быть отнесены къ свѣтлому типу, 16,8% къ смѣшанному, а 76,5% представляли изъ себя брюнетовъ, по формѣ же черепа на 54 короткоголовыхъ было 31 средне- и 15 длинноголовыхъ. Жупаничъ сопоставилъ съ этими данными имѣющіяся относительно древнихъ эллиновъ, среди череповъ которыхъ было констатировано только 10 брахицефаловъ, 59 мезоцефаловъ и 31 долихоцефалъ, изъ чего можно было заключить, что греческій черепъ съ теченіемъ времени замѣтно измѣнился въ сторону большей короткоголовости, измѣненіе, которое можно было, какъ извѣстно, констатировать и относительно многихъ другихъ народностей, напр., германцевъ, западныхъ и восточныхъ славянъ, а на Балканскомъ полуостровѣ относительно сербовъ и иллирійцевъ (нынѣшнихъ албанцевъ). Такъ, по даннымъ у Жупанича, черепа изъ древнихъ иллирійскихъ могилъ, около 500 г. до Р. Х., выказываютъ 29% долихоцефаловъ, 38,8% мезоцефаловъ и 33% брахицефаловъ, современные же албанцы—весьма короткоголовы (100% брахи—въ томъ числѣ 40%—ультрабрахицефаловъ).

Въ послѣднее время нѣкоторыя наблюденія надъ греками были собраны Е. Питтаромъ (E. Pittard) въ разныхъ частяхъ полуострова, хотя больше въ Румыніи [2]). Средній ростъ 125 мужчинъ оказался равнымъ 1,670 мм. съ варіаціями отъ 1,500 до 1,910 мм.; выше средняго (1650) было 63,2%, ниже—36,8%. Будучи сходными въ отношеніи величины роста съ албанцами, греки уступаютъ по росту туркамъ и сербамъ, но превосходятъ румынъ. Раз-

[1]) Д-ръ Н. Жупаничъ. Систем историjске Антропологиjе балканских народа. Оттискъ изъ «Старинара». У Београду, 1909, стр. 85.

[2]) E. Pittard. Contribution à l'étude anthropologique des Grecs. Въ «Archives suisses d'anthropologie générale». Genève. 1914. № 1—2.

махъ рукъ обыкновенно больше величины роста (въ среднемъ=102% роста). Головной указатель 145 особей былъ найденъ=82,2 (суббрахицефалія), съ варіаціями отъ 72,3 до 96,5 (значительными). Брахицефальныя формы преобладаютъ =49%; долихоцефальныхъ меньше, но все-таки около 34% (преимущественно субдолихоцефалы). Вообще, по мнѣнію Питтара, греки не представляютъ однородной расы, особенно по формѣ черепа. Впрочемъ, это уже извѣстно было раньше; Деникеръ, напр., сопоставляя имѣвшіяся данныя, пришелъ къ заключенію, что, если раздѣлить греческій полуостровъ на двѣ части, по 20-му меридіану отъ Парижа, т.-е. приблизительно на равныя половины, западную и восточную, то населеніе западной половины относится, въ общемъ, къ адріатическо-албанскому типу, высокорослому и широкоголовому, тогда какъ въ восточной половинѣ, въ Ѳессаліи, и, повидимому, въ Аттикѣ, преобладаетъ меньшій ростъ и наклонность къ долихоцефаліи. Въ Эпирѣ, Албаніи головной указатель доходитъ до 88, тогда какъ въ Аттикѣ и Фотидѣ падаетъ до 79,6, на сѣверѣ Аркадіи и въ Лаконіи до 78 (въ Пелопонесѣ—81, на Іоническихъ островахъ 82,3), Питтаръ, выдѣливъ изъ своихъ 145 особей—40 изъ восточныхъ частей полуострова и изъ Малой Азіи, получилъ тоже, въ среднемъ, ростъ нѣсколько большій, а головной указатель немного меньшій—80,6, при чемъ отношеніе между долихоцефальными и брахицефальными формами получилось обратное, т.-е. долихоцефальныхъ было больше (43,4%), чѣмъ брахицефальныхъ (38,4%). Въ Малой Азіи (Ликіи), по Петерсону и Лушану (по даннымъ о 179 особяхъ), число брахицефаловъ оказалось равнымъ числу долихоцефаловъ (обоихъ до 48%).

Изъ другихъ измѣреній Питтара слѣдуетъ, что греки отличаются широкимъ лбомъ и высокимъ черепомъ; наименьшій лобный поперечникъ=113,3 мм. больше, чѣмъ у всѣхъ другихъ балканскихъ народовъ; высота головы 126 мм., тоже велика, такъ что греки должны, повидимому, обладать, большей вмѣстимостью черепа, чѣмъ всѣ ихъ сосѣди. Лицо менѣе удлиненное, чѣмъ у албанцевъ и турокъ, нѣсколько болѣе широкое. Носовой указатель, въ среднемъ =68,3, что соотвѣтствуетъ узконосости (лепториніи), но мезориновъ тоже много (43,3%). Глаза преобладаютъ темныхъ оттѣнковъ, но не рѣдко встрѣчаются и сѣрые, и даже голубые (свѣтлоглазыхъ вообще—24,6%). Волоса болѣе обильны пигментомъ, чѣмъ радужина глазъ; бѣлокурые представляютъ исключеніе, и преобладаютъ темно-русые и черные. Носъ обыкновенно прямой, рѣдко орлиный, но около 13% имѣютъ носы нѣсколько вздернутые,—особенность, по мнѣнію Питтара, унаслѣдованная, вѣроятно, у славянъ. Деникеръ полагалъ, что среди грековъ долженъ встрѣчаться малорослый, долихоцефальный, очень брюнетическій типъ, относящійся къ его иберо-островной («средиземной»), расѣ, но Питтаръ не могъ удостовѣриться въ существованіи этого типа. Малорослые субъекты не дали ему большаго преобладанія долихоцефаловъ и черноволосыхъ, скорѣе напротивъ, но онъ сознается, что число наблюденій его (40) было не велико.

Другая многочисленная народность полуострова, сербы, причисляется обычно къ адріатической (динарской) расѣ Деникера, характеризуемой высокимъ ростомъ (170 с. и болѣе), преобладающей брюнетической комплекціей и значительной брахицефаліей. Къ этой расѣ Деникеръ причисляетъ, кромѣ сербовъ (собственно сербовъ, босняковъ, герцоговинцевъ, черногорцевъ, хорватовъ), еще албанцевъ, часть грековъ, часть населенія сѣв. Италіи, Тироля, южн. Германіи, Чехіи, вост. Франціи, Галиціи и Малороссіи. Въ разныхъ частяхъ этой обширной территоріи встрѣчаются, однако, варіаціи ука-

западнаго типа, выражающіяся то въ пониженіи величины роста, то въ повышеніи числа шатеновъ и блондиновъ, то въ меньшей средней ширинѣ головы и т. д. Наиболѣе значительная степень брахицефаліи (доходящая, въ среднемъ, до 86—87), въ соединеніи съ брюнетизмомъ и высокорослостью, характеризуетъ, повидимому, западную окраину сербской народности, примыкающую къ Адріатическому морю. На территоріи собственно Сербскаго королевства ростъ также высокъ (171 с.), но въ цвѣтѣ волосъ и глазъ преобладаютъ смѣшанные типы и головной указатель, хотя и остается брахицефальнымъ, понижается до 84. Питтаръ, изучавшій сербовъ, встрѣчавшихся ему въ Румыніи, преимущественно въ Добруджѣ, вывелъ для нихъ головной указатель=80,4 (39% долихоцефаловъ, 30% мезо- и 29% брахицефаловъ) и преобладаніе шатеновъ (67%) и свѣтлоглазыхъ (съ сѣрыми или голубыми глазами)—60% [1]). Такимъ образомъ замѣчается какъ бы посвѣтленіе въ окраскѣ и уменьшеніе ширины головы въ направленіи съ запада на востокъ. Въ общемъ же сербы отличаются, повидимому, изъ всѣхъ славянъ, наибольшей величиной головнаго указателя. Любопытно, однако, что населеніе Сербіи раннихъ среднихъ вѣковъ, судя по остаткамъ изъ могилъ этого времени, представляло, наоборотъ, преобладаніе долихоцефаліи. По даннымъ, приведеннымъ у Жупанича, среди этихъ древнихъ череповъ оказалось всего 14,3% брахицефаловъ, 38,2% мезо- и 47,5% долихоцефаловъ. Это измѣненіе въ сторону большей брахицефаліи сказалось у сербовъ, такимъ образомъ, въ значительно большей степени, чѣмъ у грековъ.

Третья народность, играющая видную роль на Балканскомъ полуостровѣ, это болгары. Они были объектомъ бо̀льшаго числа антропологическихъ наблюденій, чѣмъ другія народности полуострова. Въ особенности много данныхъ (надъ живыми особями и надъ черепами) было собрано и обработано докторомъ Ватевымъ въ рядѣ статей, опубликованныхъ имъ, начиная съ 1900-го года, на болгарскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ [2]). Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что болгары отличаются отъ прочихъ славянъ (южныхъ и западныхъ) меньшей величиной роста, большей пигментаціей и меньшими размѣрами головного указателя. Ростъ 5024 солдатъ получился равнымъ, въ среднемъ, 1665 мм., съ преобладаніемъ среднерослыхъ (59,5%), тогда какъ высокорослыхъ было 29,6%, а малорослыхъ—10,8%. Наиболѣе высокій ростъ, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, въ общемъ болѣе на 1 сант., оказался у македонцевъ. По цвѣту волосъ и глазъ преобладаютъ брюнеты (45,7%), затѣмъ смѣшанный типъ (44,7%), чистыхъ брюнетовъ не болѣе 5.5%. Тѣмъ не менѣе, 23% особей имѣютъ сѣрые глаза, а 18%—голубые. Свѣтлые оттѣнки волосъ и глазъ, особенно въ дѣтскомъ и отроческомъ возрастѣ, часто встрѣчаются въ Македоніи. Головной указатель 5024 солдатъ получился равнымъ 79,6, а черепной указатель на 1313 черепахъ изъ разныхъ болгарскихъ кладбищъ оказался =77,9. Живыя особи группируются такимъ образомъ: брахицефалы—48,0%, мезо—40,4%, долихоцефалы—

---

[1]) Pittard. Anthropologie de la Roumanie. Les peuples sporadiques de la Dobrudja. VII Contr. à l'étude anthr. des Serbes. Bull. de la Soc. roum. des Sciences. Bucarest. 1914. № 6.—А. З. Носовъ. Къ антропологіи сербовъ королевства, въ «Ежегодникѣ Рус. Антр. О-ва». VII. 1913.

[2]) Особенно заслуживаютъ вниманія; Wateff, Contribution à l'étude anthropologique des Bulgares, въ «Bull. et Mém. de la Soc. d'Anthrop. de Paris», 1904. и «Чужда литература по Антропологията на Българитѣ», отп. д-ръ С. Ватевъ; отп. отъ «Сборн. за народни умотворения, наука и книжнина», кн. XXV. София. 1910.

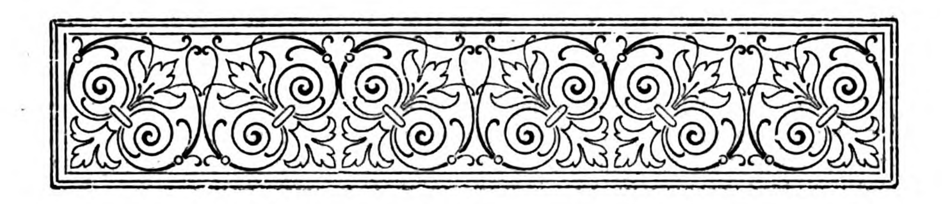
11,5%; тогда какъ черепа дали 32,1% брахи-, 47,9% мезо- и 20,9% долихоцефаловъ. По формѣ лица (у живыхъ) преобладаютъ мезопрозопы, по формѣ носа (на черепахъ)—мезорины, хотя отдѣльныя группы мало разнятся между собою: лепторины—31,9%, мезорины—34,9%, платирины—33,2%. Носъ большею частью прямой, рѣдко вогнутый (33%) и еще рѣже выпуклый (орлиный) (9,5%). Черепъ сравнительно высокій, а лицо—овальное или удлиненное.

Изъ всѣхъ народностей полуострова болгары, повидимому, наименѣе отдалились по формѣ черепа отъ своего древняго типа, представленнаго останками изъ могилъ среднихъ вѣковъ. По даннымъ, сопоставленнымъ у Жупанича, получаются такія цифры (въ процентахъ).

	Долихоцефалы.	Мезоцефалы.	Брахицефалы.
Болгары средн. вѣк. . . .	47,5	38,2	14,3
Болгары современные . . .	20,9	37,9	32,1

Такимъ образомъ, уменьшеніе въ теченіе вѣковъ числа долихоцефаловъ и увеличеніе числа брахицефаловъ выражается у болгаръ гораздо меньшими цифрами, чѣмъ у грековъ, и особенно у сербовъ. Сохранивъ въ бóльшей степени древній типъ, болгары могли бы претендовать на бóльшую близость къ древнимъ славянамъ, чѣмъ, напр., сербы, но этому противорѣчитъ ихъ болѣе темная комплекція и мéньшій ростъ, которые, въ связи съ мезоцефаліей, напоминаютъ скорѣе ихъ урало-алтайскихъ прародичей въ среднемъ Поволжьѣ. Извѣстно, что болгары пришли на Дунай въ началѣ среднихъ вѣковъ изъ области камской Болгаріи.

Д. А.

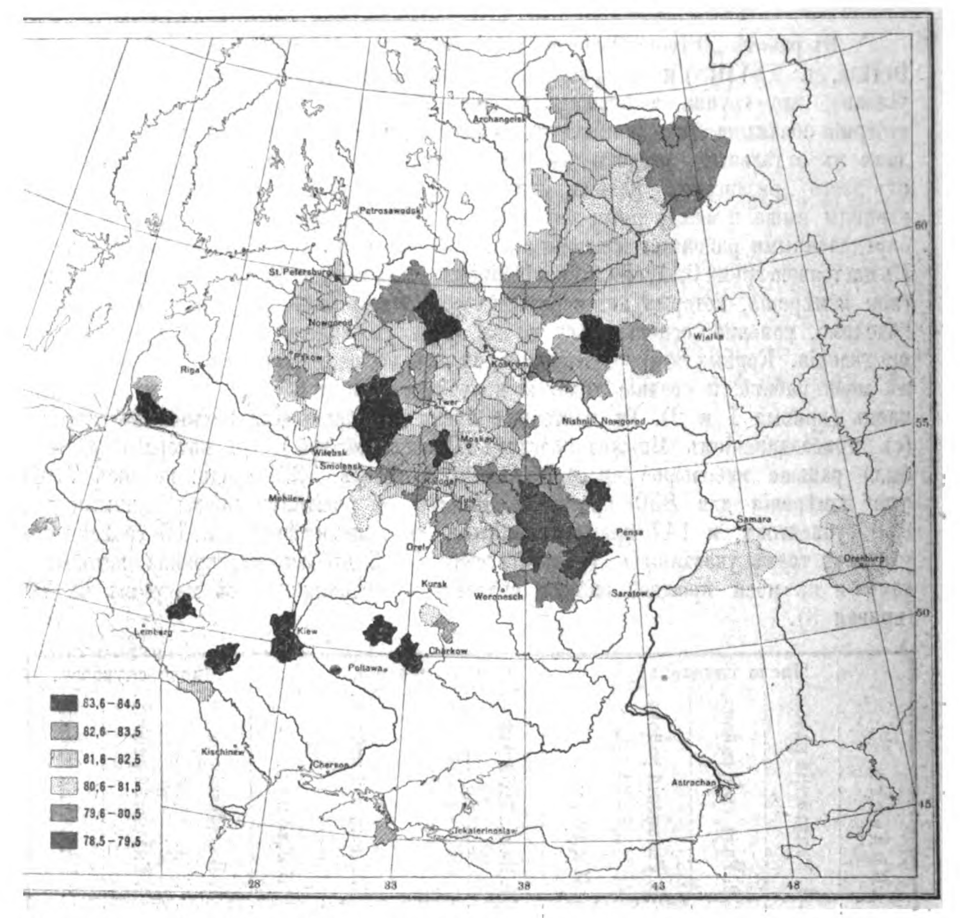

Область древняго населенія Великороссіи.

Въ работѣ „О географическомъ распредѣленіи формы головы“ („Труды Антр. Отдѣла, т. XXVIII“) и еще раньше въ „Anthropologische Studien“ мною было указано, что группа сосѣдящихъ уѣздовъ Рязанской, Тамбовской и Пензенской губерній обладаетъ такимъ низкимъ индексомъ, какой нигдѣ болѣе въ Е. Россіи, даже въ отдѣльныхъ уѣздахъ, не встрѣчается (около 79,5). Лежащій къ западу отъ этого „рязанскаго“ района, „валдайскій“ районъ имѣетъ индексъ на четыре единицы выше, а между ними находится область явственно переходная. Обладаніе опредѣленными районами обитанія я считаю основнымъ условіемъ реальности типа. Въ настоящее время Ѳ. А. Бялыницкій-Бируля былъ такъ любезенъ, что прислалъ мнѣ свои измѣренія, которыя подтверждаютъ указанныя мною различія; при этомъ необходимо, конечно, основываться не на среднихъ индексахъ, а на кривыхъ распредѣленія. Кривыя эти различаются совершенно явственно, что имѣло мѣсто и въ моей работѣ; а средніе индексы получаются 79 и 83 для 147 и 138 случаевъ (кривыя 1 и 2). Въ настоящее время я собралъ для восточныхъ уѣздовъ (съ присоединеніемъ Нижнеломовскаго (Пензенской губ.), для котораго у меня было раньше небольшое число случаевъ, а теперь 332, средн. индексъ 79,4) еще измѣренія для 850 крестьянъ. Вмѣстѣ съ прежними моими данными для 916 субъектовъ, и 147 предоставленными мнѣ, мы имѣемъ для 16 сосѣдящихъ уѣздовъ трехъ указанныхъ губерній всего 1913 субъектовъ, кривая которыхъ, какъ и въ моей прежней работѣ, является одновершинной съ модусомъ на 79 (кривая 3).

Индексъ.	Число случаевъ.			Индексъ.	Число случаевъ.			Индексъ.	Число случаевъ.		
	1. Валдайскій районъ.	2. Рязанскій районъ.	3. Рязанскій районъ.		1. Валдайскій районъ.	2. Рязанскій районъ.	3. Рязанскій районъ.		1. Валдайскій районъ.	2. Рязанскій районъ.	3. Рязанскій районъ.
68	—	—	1	77	2	17	182	86	6	1	26
69	—	—	—	78	3	17	210	87	3	1	15
70	1	2	2	79	12	26	285	88	4	—	9
71	—	—	5	80	8	20	247	89	3	—	5
72	—	1	10	81	13	17	237	90	2	—	2
73	—	2	21	82	20	12	149	91	—	—	1
74	—	3	51	83	21	8	125	92	—	—	1
75	1	9	89	84	15	2	87	93	—	—	1
76	3	7	104	85	21	2	48				
									138	147	1913

Такъ какъ доисторическіе черепа древняго періода въ Евр. Россіи длинноголовы, то въ рязанскомъ районѣ, вѣроятно, сохранилось больше древняго населенія, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другомъ ея мѣстѣ, что стоитъ въ согласіи и съ исторіей колонизаціи ея славянами. Въ настоящее время я предполагаю анализировать промежуточный районъ съ точки зрѣнія тѣхъ измѣненій, какія признаки двухъ крайнихъ типовъ претерпѣли въ этомъ районѣ при смѣшеніи. Для такой цѣли было бы крайне желательно получить слѣдующія данныя: образцы волосъ, срѣзанныхъ на затылкѣ у самаго основанія, и портреты, сдѣлан-

Карта распредѣленія по уѣздамъ головнаго показателя взрослыхъ крестьянъ обоего пола (православныхъ) и жмудинъ Ковенской губерніи. Упомянутая въ текстѣ предполагаемая область древняго населенія Европейской Россіи, видна въ ю.-в. части изслѣдованной области и обозначена штриховкой, соотвѣтствующей показателю 78,6—79,5.

ные хотя бы и любительскимъ способомъ (желательно въ профиль и en face); все это исключительно для взрослыхъ *крестьянъ* обоего пола, въ слѣдующихъ уѣздахъ: 1) Спасскій, Шацкій, Сапожковскій, Ряжскій, Козловскій, Моршанскій, Кирсановскій, Чембарскій, Керенскій, Елатомскій, Нижнеломовскій. 2) Ржевскій,

Бѣльскій, Осташковскій и 3) Боровскій, Малоярославскій, Тарусскій, Калужскій, Алексинскій, Серпуховской. Первыя двѣ группы представляютъ части двухъ основныхъ районовъ, а третья есть предполагаемая область наибольшаго смѣшенія (см. карту). Желательны и этнографическія наблюденія въ этихъ уѣздахъ: фотографіи жилищъ, костюмовъ, орнамента и т. д. За присылку такихъ матеріаловъ въ редакцію журнала я былъ бы очень признателенъ. Въ рязанскомъ районѣ мною въ 1912 г. производились измѣренія также среди мѣщанъ и мордвы мокши, и индексъ получился такой же низкій, какъ и для русскихъ крестьянъ.

Е. Чепурковскій.

Случай наслѣдованія шестипалости.

Въ одной изъ пермяцкихъ деревень Чердынскаго уѣзда, Пермской губерніи (Мара-Пальникъ, Юксѣевской волости), я встрѣтилъ лѣтомъ 1915 г. интересный случай довольно стойкаго наслѣдованія многопалости.

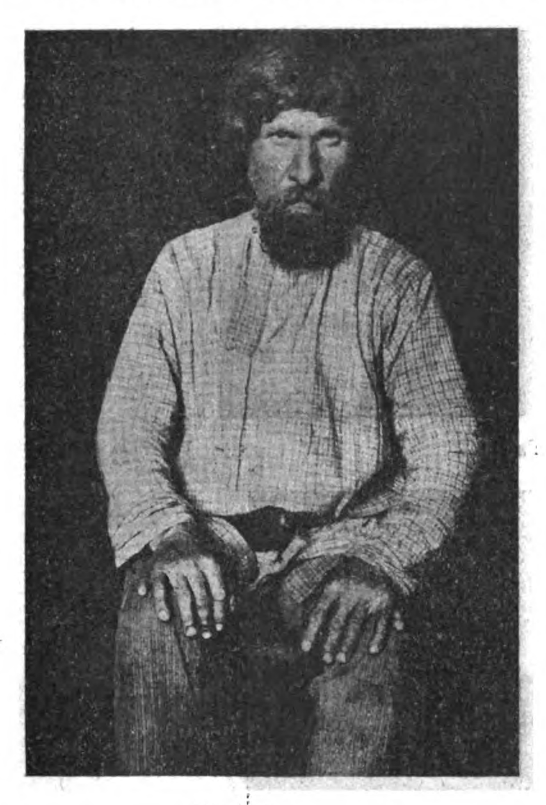

Рис. 1.

Рис. 2.

Крестьянинъ, 43 лѣтъ, Яковъ Исаевъ имѣетъ добавочные пальцы со стороны мизинца на обѣихъ рукахъ и на правой ногѣ (см. рисунки 1 и 2). Въ этихъ добавочныхъ мизинцахъ, сидящихъ на кожной ножкѣ, прощупываются по

двѣ фаланги и они снабжены довольно хорошо выраженнымъ ногтемъ. (Отъ тѣсной обуви добавочный палецъ правой ноги загнутъ вверхъ). Три дочери Якова

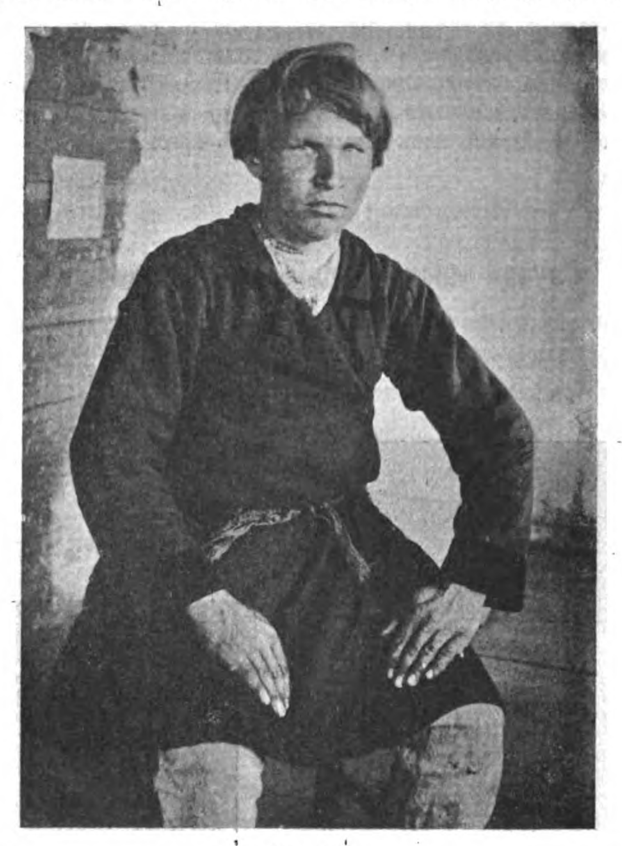

Рис. 3.

Рис. 4.

Исаева отъ перваго брака имѣютъ нормальныя руки и ноги (умершія дочери имѣли тоже вполнѣ нормальныя конечности), равно какъ и младшій сынъ, 16 лѣтъ. У старшаго сына (22 лѣтъ) (рисунокъ 3 и 4) мы находимъ шестые пальцы и на рукахъ и на ногахъ. На рукахъ лишніе пальцы были обрѣзаны еще въ дѣтствѣ; повидимому, они были такого же характера, какъ и добавочные пальцы отца, за то лишніе пальцы ногъ по степени своего развитія неодинаковы. Въ то время какъ добавочный мизинецъ лѣвой ноги напоминаетъ таковой же правой ноги отца, добавочный палецъ правой ноги имѣетъ три фаланги, хорошо выраженный ноготь и свою собственную плюсневую кость, суставы неподвижны. Рядомъ съ этимъ шестымъ пальцемъ прощупывается какъ бы седьмой, недоразви-

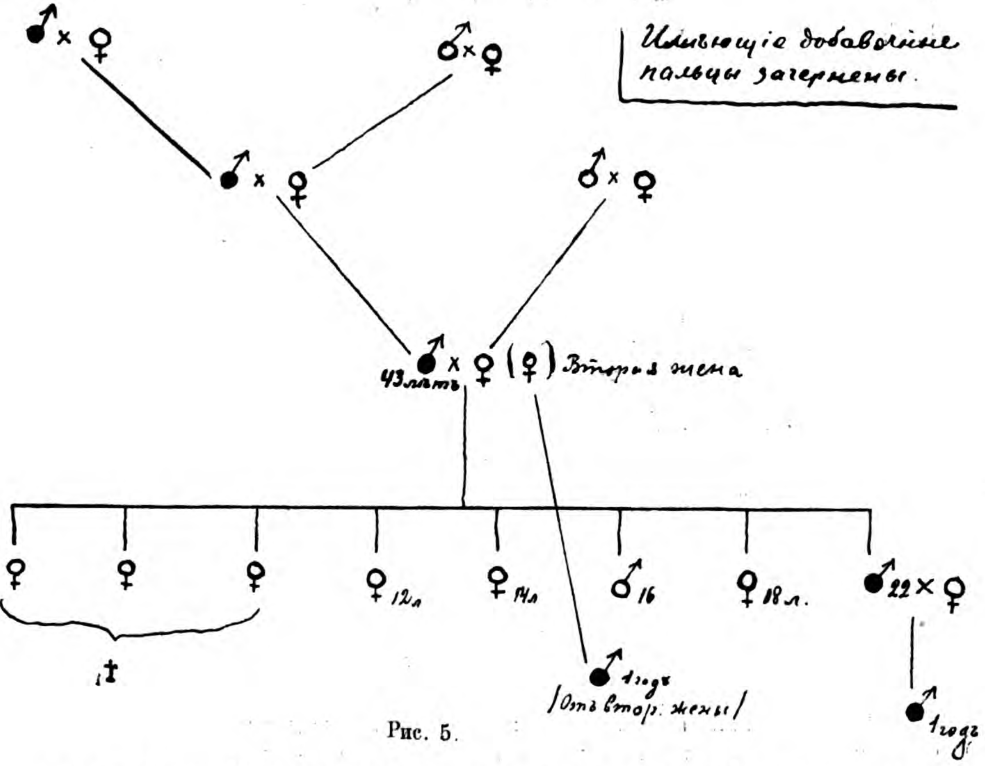

Рис. 5.

тый; на фотографіи между тѣмъ и другимъ видно, правда, слабо, небольшое углубленіе. Этотъ сынъ женатъ, и годовой мальчикъ отъ этого брака имѣетъ тоже шестипалыя конечности. Ребенка этого я не видѣлъ, но со словъ отца можно заключить, что его добавочные мизинцы сидятъ на тонкихъ кожныхъ ножкахъ. Годовой сынъ отъ второй жены Якова Исаева тоже шестипалый. Его добавочные мизинцы ручной кисти и стопы сидятъ на тонкихъ кожныхъ ножкахъ и, кромѣ того, на правой ногѣ срослись 2-й, 3-й и 4-й пальцы, а на лѣвой—второй и третій.

Такимъ образомъ передъ нами случай наслѣдованія шестого пальца по муж-

ской линіи въ трехъ поколѣніяхъ, при чемъ интенсивность этого признака варьируетъ *).

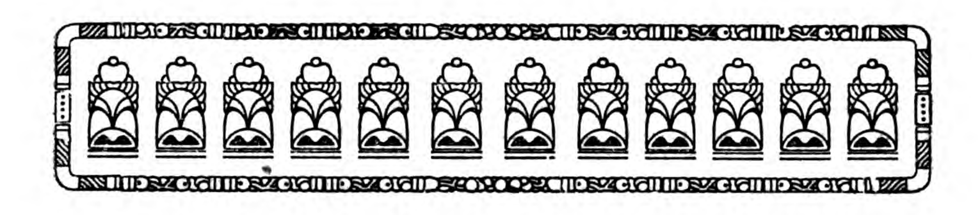
Яковъ Исаевъ передаетъ, что у его отца, дѣда и прадѣда тоже были лишніе пальцы со стороны мизинца. Вообще у нихъ ужъ такая „природа", что у всѣхъ мужчинъ имѣются лишніе пальцы (исключеніе—16-лѣтній сынъ Якова). Такъ, напримѣръ, въ д. Варышъ живетъ „братанникъ" (сынъ дяди) Якова; такъ у нихъ въ семьѣ всѣ мужчины шестипалы (лишніе мизинцы), несмотря на то, что въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ этотъ шестой палецъ обрѣзывается при появленіи на свѣтъ „квать чуня", какъ говорятъ пермяки (квать—шесть, чунь—палецъ).

Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось побывать въ Варышѣ и у другихъ родственниковъ Якова Исаева, такъ какъ, заразившись тифомъ, я долженъ былъ прекратить свою поѣздку.

Б. Вишневскій.

---

*) Полидактилія представляетъ интересъ не только для вопроса объ ея наслѣдованіи, но и какъ примѣръ варіацій. Въ послѣднее время нѣкоторые авторы склонны видѣть и въ такихъ, казалось бы, прерывистыхъ варіаціяхъ, какъ нѣкоторыя уродства или, напримѣръ, число усиковъ насѣкомыхъ, постепенные переходы (см., напр., работу Kellogg and Bell, „Studies of Variation in Insects" въ Proceedings of Washington Academy of Sciences 1904, Dec.). Къ таковымъ варіаціямъ можно отнести и указанный мною случай неполнаго развитія седьмого пальца. Указанія на литературу по многопалости см. В. Н. Томашевскій: „Анатомическое изслѣдованіе шестипалой стопы въ связи съ вопросомъ о значеніи многопалости вообще", (Труды Антропол. Общ. при И. Воен. Мед. Акад. т. III, стр. 88), замѣтку въ „Рус. Антр. Журн." 1901 г., № 2 о работѣ С. О. Стопницкаго „Къ вопросу о полидактиліи" (Труды Физико-Медиц. Общ. при Моск. Ун-тѣ 1900 г., № 14), „Treasury of human Inheritance".

И. И. Мечниковъ и его антропологическія статьи.

2-го іюля 1916 г., въ Парижѣ, въ возрастѣ 71 года, скончался нашъ знаменитый біологъ, пріобрѣвшій себѣ міровую извѣстность, Илья Ильичъ Мечниковъ. Покойный происходилъ изъ дворянъ Харьковской губ. (по матери онъ имѣлъ въ себѣ примѣсь еврейской крови) и родился 3-го мая 1845 г. въ дер. Ивановкѣ, Купянскаго уѣзда. Образованіе получилъ во 2-й Харьковской гимназіи и на естественномъ отдѣленіи Харьковскаго университета, гдѣ пробылъ два года, а затѣмъ сдалъ выпускные экзамены въ качествѣ вольнослушателя. Уже въ дѣтскомъ возрастѣ онъ интересовался растеніями и животными, собиралъ гербарій и насѣкомыхъ, а въ университетѣ сосредоточился на зоологіи, слушая лекціи проф. Черная и занимаясь практически гистологіей у молодого профессора Щелкова. Еще будучи студентомъ, онъ сдѣлалъ двѣ работы по инфузоріямъ, которыя были помѣщены въ „Archiv. für Anat. u. Phys.“. По окончаніи университета въ 1864 г., И. И. отправился за границу, гдѣ работалъ у профессоровъ Лейкарта, Генле, ф. Зибольда, заявивъ себя рядомъ работъ по сравн. анатоміи и эмбріологіи, помѣщенныхъ въ „Zeitschr. f. wiss. Zool.“, „Archiv für Anatomie“ и въ „Бюллетенѣ“ и „Запискахъ“ Имп. Академіи Наукъ.

Въ 1867 г. И. И. выдержалъ экзаменъ на магистра зоологіи и получилъ эту степень по защитѣ въ петербургскомъ университетѣ диссертаціи „Исторія развитія Sepiola“. Избранный доцентомъ зоологіи Новороссійскаго университета, покойный обратился къ изученію нѣкоторыхъ пелагическихъ формъ Чернаго моря, но въ 1868 г. перешелъ снова въ Петербургскій университетъ, гдѣ и защитилъ свою докторскую диссертацію „Исторію развитія Nebalia“. Изъ Петербурга И. И. снова вернулся въ Одессу, въ званіи ординарнаго профессора, и оставался тамъ съ 1870 по 1882 г. За эти годы появился рядъ его работъ по развитію медузъ и сифонофоръ, известковыхъ губокъ, скорпіона, многоножекъ, разныхъ формъ червей и т. д. Эмбріологическія изслѣдованія продолжались имъ и по выходѣ въ отставку изъ профессоровъ Новороссійскаго университета, когда онъ (въ 1882—86 гг.) работалъ за границей (первое время въ Мессинѣ) надъ эмбріологіей иглокожихъ, медузъ, ракообразныхъ и др. Но въ это время вниманіе покойнаго стало обращаться уже болѣе на вопросы микробіологіи и патологіи, а, съ поступленіемъ въ 1889 г. на службу въ Парижскій институтъ Пастера, вопросы этого рода сдѣлались исключительнымъ предметомъ его изученій, и онъ уже не возвращался болѣе къ зоологіи и эмбріологіи.

Въ 1870-хъ годахъ, въ бытность свою профессоромъ Новороссійскаго университета, И. И. сталъ интересоваться, однако, кромѣ зоологіи (отчасти также прикладной, напр. вредными насѣкомыми), и вопросами антропологіи. Интересъ этотъ выразился, прежде всего, въ нѣсколькихъ научно-популярныхъ статьяхъ, помѣ-

щенныхъ имъ въ „Вѣстникѣ Европы“, а именно: „Воспитаніе съ антропологической точки зрѣнія“ (1871), „Возрастъ вступленія въ бракъ (1874), „Антропологія и дарвинизмъ“ (1875), „Очеркъ воззрѣній на человѣческую природу“ (1877), „Борьба за существованіе въ обширномъ смыслѣ“ (1878) и др. Въ 1873 и 1874 гг. И. И. сдѣлалъ двѣ поѣздки въ Калмыцкую степь, гдѣ занялся изученіемъ калмыковъ. Плодомъ его поѣздки 1873 года явились статьи; „О монгольскомъ глазѣ“ (Ueber das Mongolenauge), помѣщенная въ „Zeitschr. für Ethnologie“ 1874 г. и замѣтки о калмыкахъ въ „Извѣстіяхъ“ Геогр. Общества (1874), а нѣсколько позже, въ 1876 г., въ „Трудахъ Антроп. Отдѣла О-ва Люб. Ест.“ (т. II, вып. 1), появился его „Антропологическій очеркъ Калмыковъ“. Въ 1880-хъ и 1890-хъ годахъ покойный посвятилъ себя разработкѣ микробіологическихъ вопросовъ о фагоцитозѣ, иммунитетѣ, клѣточныхъ ядахъ, вакцинаціи, кишечной флорѣ, долголѣтіи и старости, прививкѣ сифилиса обезьянамъ и т. д., и не имѣлъ болѣе ни времени, ни охоты заниматься интересовавшими его раньше вопросами антропологіи. Но, въ сущности, онъ встрѣчался съ этими вопросами и при микробіологическихъ изслѣдованіяхъ (напр. при вопросѣ о посѣдѣніи волосъ, о причинахъ старости, о роли толстой кишки и т. д.), а тѣмъ болѣе въ своихъ общедоступныхъ книгахъ и статьяхъ, какъ напр. „Законъ жизни“ (1891), „Этюды о природѣ человѣка“, (1903), „Этюды оптимизма“ (1907), „Міросозерцаніе и медицина“ (1909) и другія.

И. И. Мечниковъ въ 1870-хъ годахъ.

Просматривая антропологическія статьи И. И., написанныя имъ въ 1870-хъ годахъ, нельзя не убѣдиться, что онѣ свидѣтельствуютъ о значительной начитанности ихъ автора, объ его обстоятельномъ знакомствѣ съ тогдашней антропологической литературой, объ оригинальности въ постановкѣ и разработкѣ трактуемыхъ вопросовъ. Первая статья—о воспитаніи (1871 г.) представляетъ изъ себя, впрочемъ, довольно юношеское произведеніе, заявляющее себя такимъ уже по своей внѣшней формѣ. Занимая 26 страницъ, она имѣетъ только 11 абзацовъ, такъ что текстъ слѣдуетъ мѣстами безъ передышки на пространствѣ 5—$6^1/_2$ страницъ. Содержаніе и цѣль статьи не вполнѣ опредѣленны; самъ Мечниковъ, переиздавая ее въ книгѣ „Сорокъ лѣтъ исканія раціональнаго міровоззрѣнія“, говоритъ о ней во „Вступленіи“, что „молодой авторъ развиваетъ (въ статьѣ) ту основную мысль, что человѣческій организмъ устроенъ настолько дурно, что приспособленіе его къ окружающимъ условіямъ является чрезвычайно труднымъ или даже вовсе невозможнымъ“, и что „это несоотвѣтствіе особенно рѣзко проявляется въ дѣтскомъ организмѣ“. Въ самой же статьѣ сказано, что цѣль ея „заключается въ томъ, чтобы показать, что основной вопросъ воспитанія настолько же подчиняется точной научной разработкѣ, какъ и многіе другіе вопросы изъ человѣческой жизни“. Наука же показываетъ, что „въ развитіи че-

ловѣческаго организма мы встрѣчаемъ вообще несоразмѣрность въ относительномъ развитіи органовъ, которая и служитъ источникомъ многихъ вредныхъ организму дѣйствій и составляетъ существенное препятствіе правильному воспитанію... Чѣмъ долѣе продолжается воспитательное развитіе, тѣмъ сильнѣе выражается и дѣйствіе неравномѣрнаго развитія органовъ"... Педагоги-теоретики „упускаютъ изъ виду, что уклоненіе человѣка отъ „указаній природы" и та быстрая порча, на которую сѣтуетъ Руссо, составляютъ прямой и необходимый результатъ особенностей самого организма"... Педагоги-практики должны были убѣдиться, что теорія „естественнаго воспитанія" въ дѣйствительности не примѣнима, „такъ какъ самое строгое слѣдованіе ея правиламъ не могло устранить препятствій, составляющихъ результатъ естественной неравномѣрности въ развитіи организма". Статья заканчивается словами: „Поставивши такимъ образомъ вопросъ о воспитаніи на почву индуктивной науки, можно указать приблизительно и на задачи педагогіи", но въ чемъ состоятъ эти задачи, авторъ не разъясняетъ, такъ что статья является не законченной, хотя, повидимому, и имѣлось въ виду ея продолженіе...

Авторъ, однако, считалъ, что такимъ продолженіемъ была его слѣдующая статья „Возрастъ вступленія въ бракъ", и именно потому, что здѣсь доказывалось то же положеніе, „о несоразмѣрности въ развитіи отдѣльныхъ аппаратовъ", съ тѣмъ только различіемъ, что былъ взятъ не дѣтскій возрастъ, а юношескій, и „во-вторыхъ, и это гораздо важнѣе, что для изученія дисгармоническихъ моментовъ брачной жизни мы имѣемъ гораздо болѣе данныхъ, чѣмъ для воспитательныхъ дисгармоній". „Основной темой для соображеній", развитыхъ въ этомъ очеркѣ, авторъ, по его собственнымъ словамъ, „выбралъ положеніе..., гласящее, что если какой-нибудь видъ или индивидуумъ животнаго дѣлаетъ шагъ впередъ противъ своихъ собратій, то отношенія возрастовъ у него мѣняются и тѣмъ самымъ являются причиной различныхъ, иногда довольно сложныхъ, измѣненій". Изъ двухъ амфибій, тритона и лягушки, послѣдняя занимаетъ высшее мѣсто въ системѣ, и вотъ взрослая лягушка „несравненно менѣе похожа на себя въ личиночномъ состояніи, нежели тритонъ, который какъ бы соотвѣтствуетъ лягушкѣ въ ея хвостатомъ, личиночномъ возрастѣ", изъ чего слѣдуетъ, что „у лягушки развитіе болѣе сложное и болѣе длинное, чѣмъ у тритона". Можно было бы привести цѣлый рядъ аналогичныхъ примѣровъ, но Мечниковъ обращается къ человѣку, его разновидностямъ или расамъ, среди которыхъ есть высшія и низшія, при чемъ авторъ старается доказать, что дѣти бѣлой кавказской расы въ ранней молодости стоятъ ближе къ дѣтямъ низшихъ расъ какъ въ физическомъ, такъ и умственномъ отношеніи, тогда какъ взрослыя особи выказываютъ болѣе значительныя отличія. Далѣе авторъ останавливается на времени наступленія половой зрѣлости (pubertas), общей физической зрѣлости (nubilitas) и брачной зрѣлости (возрастъ вступленія въ бракъ), сравниваетъ извѣстія о разныхъ народахъ, пользуясь для цивилизованныхъ данными статистики, и приходитъ къ выводу, что „у большинства первобытныхъ народовъ указанные три момента совпадаютъ или почти совпадаютъ другъ съ другомъ", у народовъ же цивилизованныхъ (за немногими исключеніями) „эти моменты раздвигаются, между ними появляются промежутки, тѣмъ болѣе длинные, чѣмъ дольше совершается развитіе, и потому наиболѣе ощутительные у наиболѣе цивилизованныхъ народовъ. Эти промежутки, означающіе неравномѣрное и, слѣдовательно, неодновременное развитіе аппаратовъ, служащихъ для одной и той же цѣли (удовлетворенію стремленій къ поддержанію вида или размноженію) составляютъ доказательство существованія дисгармоніи въ развитіи человѣка".

Цивилизація вообще замедляетъ возрастъ вступленія въ бракъ, осо-

бенно мужчинъ, тогда какъ „въ ходѣ брачнаго возраста невѣстъ мы замѣчаемъ менѣе рѣзкія измѣненія",—фактъ, объясняемый авторомъ тѣмъ, что „женщина... способна вообще менѣе отдаляться отъ первобытнаго состоянія, чѣмъ мужчина". „Съ усиленіемъ культурнаго развитія, замедляющаго брачный возрастъ, разница между мужчиной и женщиной по отношенію къ этому возрасту становится все болѣе рѣзкой. Этотъ выводъ составляетъ, собственно говоря, только частный случай болѣе общаго антропологическаго закона, по которому развитіе усиливаетъ контрастъ между обоими полами". Вторичные половые признаки, напр. усы, борода у мужчинъ, особенности торса у женщинъ и т. д. всего сильнѣе развиты у самой совершенной, бѣлой расы. „Негритянскіе, монгольскіе, американскіе и малайскіе народы представляются несравненно болѣе женоподобными... Обиліе украшеній, серьги, ожерелья, перья, яркіе цвѣта одежды суть вещи немыслимыя для цивилизованнаго европейскаго мужчины въ здравомъ умѣ. Для мужчинъ же первобытныхъ или полуцивилизованныхъ народовъ всѣ эти принадлежности столь же неизбѣжны, какъ и для нашихъ женщинъ. Консерватизмъ, патріархальныя и семейныя наклонности, вообще говоря, у женщинъ гораздо болѣе развиты, чѣмъ у мужчинъ, и у первобытныхъ народовъ болѣе, чѣмъ у цивилизованныхъ... Причина этихъ явленій кроется въ значеніи женщины по отношенію къ поддержанію вида, т.-е. размноженію. Это послѣднее отправленіе, требуя затраты большого количества матеріи и дѣятельности, неизбѣжно задерживаетъ личное индивидуальное развитіе женщины... Женщина представляется какъ бы соотвѣтствующей мужчинѣ въ юношескомъ возрастѣ, слѣдовательно задерживается на извѣстной ступени развитія, подобно тому какъ задерживается развитіе личинкоподобной самки многихъ насѣкомыхъ, самцы которыхъ являются въ видѣ гораздо болѣе развитыхъ крылатыхъ существъ... Прогрессивное развитіе женщины должно совершаться въ ущербъ ея способности размноженія, выкармливанія и воспитанія дѣтей, совершенно подобно тому, какъ усиленная дѣятельность рабочихъ пчелъ, муравьевъ и термитовъ могла явиться не иначе, какъ вмѣстѣ съ появленіемъ безплодія или же плодовитости въ экстренныхъ исключительныхъ случаяхъ... Женщины-янки съ давнихъ поръ заботятся о собственномъ развитіи и сдѣлали въ этомъ отношеніи огромные успѣхи, но они совершились, видимо, на счетъ способности размноженія и семейной жизни"...

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ разматриваетъ количество браковъ и его связь съ возрастомъ вступленія въ бракъ, отношеніе брачнаго возраста и частоты браковъ къ смертности, самоубійству, преступленіямъ и душевнымъ болѣзнямъ, и высказываетъ мнѣніе, что всѣ, сопоставленные имъ, „результаты дисгармоничныхъ періодовъ человѣческой жизни... представляютъ довольно крупный итогъ, который долженъ или, по крайней мѣрѣ, можетъ оказать существенное вліяніе на всю судьбу культурной жизни народовъ". Послѣдняя „представляетъ аналогію съ жизнью отдѣльныхъ индивидуумовъ"... и „должна такъ же имѣть свое начало, возмужалость и конецъ". Съ другой стороны, „въ культурномъ развитіи съ его удлиненными дисгармоническими періодами и вытекающими отсюда послѣдствіями можно усмотрѣть аналогію съ физическимъ развитіемъ ребенка, сопровождаемымъ т. н. болѣзнями развитія, въ родѣ прорѣзыванія зубовъ, и влекущихъ за собою значительную смертность. Отсюда понятно, что въ жизни многихъ первобытныхъ народовъ можно нерѣдко замѣтить больше гармоніи и счастія, чѣмъ въ нашей,—обстоятельство, на которое указывали многіе писатели, по преимуществу Руссо"... Вообще, авторъ въ этой статьѣ (какъ и въ первой) выказываетъ себя явнымъ пессимистомъ, склоннымъ раздѣлять даже нѣкоторыя воззрѣнія Руссо, хотя, съ другой стороны, онъ высоко цѣнитъ и куль-

турное развитіе и готовъ жертвовать для него способностью размноженія и семейной жизнью...

Статья „Антропологія и дарвинизмъ" (1875) представляетъ любопытный опытъ критики ученія Дарвина на основаніи данныхъ науки о человѣкѣ. Авторъ исходитъ отъ статей Уоллеса, который доказывалъ, во-первыхъ, что естественный подборъ дѣйствуетъ въ сферѣ человѣческаго рода совершенно иначе, чѣмъ въ остальномъ мірѣ и, вмѣсто того, чтобы вести къ физическимъ измѣненіямъ тѣла, вліяетъ на умственныя силы человѣка, побуждая его придумывать различныя средства для установленія гармоніи съ окружающей средой. Другими словами, Уоллесъ допускалъ, что измѣненіе, т.-е. прогрессивное развитіе умственныхъ способностей человѣка, можетъ совершаться несравненно скорѣе и легче, чѣмъ соотвѣтствующія (по цѣли) измѣненія особенностей формы. Эта мысль получила развитіе въ другой статьѣ Уоллеса, въ которой было указано, что дикари обладаютъ несравненно бо́льшимъ количествомъ мозга, чѣмъ сколько имъ нужно для всего ихъ несложнаго житейскаго обихода. Отличаясь отъ цивилизованнаго человѣка очень низкой степенью умственнаго развитія, дикари, тѣмъ не менѣе, имѣютъ не менѣе пяти шестыхъ (иногда даже болѣе) всего количества мозга наиболѣе цивилизованныхъ расъ, и это примѣнимо даже къ доисторическому человѣку временъ мамонта и пещернаго медвѣдя, изъ чего слѣдуетъ, что въ головѣ этихъ дикарей заложена масса мозга, большая часть котораго, ненужная въ ихъ жизни, запасена на будущія времена для удовлетворенія потребностей, имѣющихъ значеніе только для наиболѣе цивилизованнаго человѣка. Съ помощью естественнаго подбора, очевидно, невозможно было достигнуть подобнаго результата, а отсюда (и на основаніи еще нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ данныхъ) Уоллесъ пришелъ къ выводу, что человѣкъ произошелъ не вслѣдствіе дѣйствія естественнаго подбора, но подъ вліяніемъ совершенно особой силы.

При настоящемъ положеніи нашихъ свѣдѣній, замѣчаетъ Мечниковъ, невозможно представить научный разборъ аргументовъ Уоллеса. Но, продолжаетъ онъ, доводы Уоллеса могутъ быть подведены къ общему принципу, разсуждать о которомъ уже легче, именно — къ признанію способности организма дѣлать пріобрѣтенія въ излишнемъ количествѣ. Въ этомъ принципѣ нѣтъ ничего, что противорѣчило бы самымъ реальнымъ и обыденнымъ представленіямъ. Такъ, волоса и ногти у человѣка выростаютъ въ количествѣ, несомнѣнно превышающемъ потребность въ нихъ. Вся теорія Дарвина, по мнѣнію Мечникова, исходитъ изъ признанія существованія въ природѣ излишествъ. Такъ, борьба за существованіе возникаетъ вслѣдствіе черезчуръ усиленнаго размноженія; затѣмъ организмы вообще имѣютъ стремленіе къ излишкамъ, обжорству, собиранію большихъ запасовъ пищи и т. п. Всѣ эти стремленія легко могутъ служить источниками борьбы и входить въ различнаго рода столкновенія съ естественнымъ подборомъ. Вообще, въ основаніи соображеній Уоллеса о запасахъ въ организмѣ первобытнаго человѣка лежитъ, по мнѣнію Мечникова, вѣрная мысль, но онъ впалъ въ ошибку въ слишкомъ узкомъ пониманіи естественныхъ факторовъ измѣнчивости организмовъ. „Естественный подборъ,—говоритъ Уоллесъ,—не могъ произвести органа, совершенно ненужнаго человѣку или такого, польза котораго не соотвѣтствовала бы степени развитія самого органа". Мечниковъ возражаетъ на это, что, хотя естественный подборъ, дѣйствительно, охраняетъ и собираетъ полезныя измѣненія и устраняетъ вредныя, но именно въ силу этого своего свойства онъ не касается безразличныхъ признаковъ, которые поэтому могутъ фиксироваться. Усиленное развитіе мозга было именно для дикаря такимъ признакомъ, не приносящимъ пользы, но и не вреднымъ, и притомъ относящимся безразлично къ борьбѣ за существованіе.

Далѣе авторъ переходитъ къ антропологической теоріи Дарвина. Какъ извѣстно, Дарвинъ призналъ, что однимъ естественнымъ подборомъ многіе физическіе (расовые) признаки человѣка объяснены быть не могутъ, и призвалъ на помощь въ этомъ случаѣ половой подборъ. Однако Мечниковъ, подвергнувъ обстоятельному разбору приведенные Дарвинымъ примѣры, пришелъ къ заключенію, что „если мы даже признаемъ вѣрными принципы полового подбора, то, тѣмъ не менѣе, мы должны будемъ отказаться отъ приложенія этого дѣятеля къ объясненію расовыхъ признаковъ въ виду констатируемыхъ при этомъ противорѣчій". Такъ, по Дарвину, половой подборъ долженъ былъ дѣйствовать сильнѣе въ первобытныя времена, чѣмъ теперь, а между тѣмъ вторичные половые признаки выступаютъ рѣзче у народовъ, стоящихъ на высокой ступени развитія. Многіе расовые признаки, объясняемые половымъ подборомъ, бываютъ развиты всего сильнѣе въ дѣтскомъ возрастѣ, или, наоборотъ, въ болѣе позднемъ, чѣмъ возрастъ вступленія въ бракъ и т. п. Самъ Дарвинъ допускалъ существованіе „необъяснимыхъ измѣненій", происхожденіе которыхъ должно быть приписано дѣйствію „неизвѣстныхъ дѣятелей" и, по мнѣнію Мечникова, сфера этихъ „необъяснимыхъ факторовъ" у человѣка—весьма значительна.

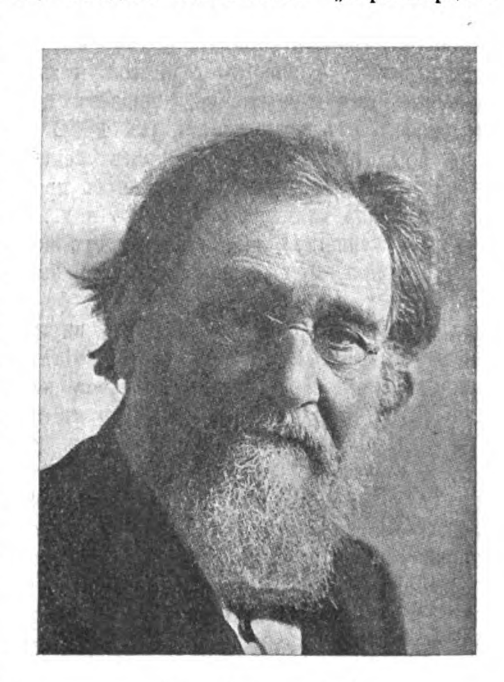
Мечниковъ указываетъ, что въ борьбѣ за существованіе имѣютъ наибольшее значеніе не мелкіе морфологическіе признаки, отличающіе виды, но физіологическія качества, въ родѣ бо́льшей плодовитости, силы, выносливости и т. д. Морфологическіе же признаки, и не только мелкіе видовые, но и родовые, и даже крупныя отличительныя свойства большихъ группъ могутъ фиксироваться помимо естественнаго подбора, который вообще отступаетъ на задній планъ въ дѣлѣ произведенія видовыхъ признаковъ.

Въ статьѣ „Очеркъ воззрѣній на человѣческую природу" (1877) разъясняется, что воззрѣнія эти распадаются на двѣ категоріи: „одна изъ нихъ обнимаетъ воззрѣнія, по которымъ природа наша должна служить источникомъ и образцомъ какъ для изящнаго, такъ и для нравственнаго искусства" (какъ напр. у древнихъ эллиновъ); „другая же заключаетъ взгляды, которые... побуждаютъ человѣка унижать свою природу и измѣнять её сообразно съ какой-нибудь опредѣленной цѣлью" (такъ поступаютъ, напр., многіе дикари, старающіеся украсить или улучшить свою внѣшность, дѣлая себѣ на тѣлѣ нарѣзки, татуируя себя, деформируя свою голову, прокалывая себѣ губы, носъ, уши и вставляя туда разные предметы и т. п.,—но къ униженію и измѣненію своей природы стремилось также и христіанство). Какая же изъ этихъ двухъ теорій болѣе соотвѣтствуетъ истинной природѣ человѣка? Мечниковъ отвѣчаетъ, что воззрѣнія второй категоріи по существу своему естественнѣе, какъ бы ни парадоксаленъ могъ казаться съ перваго взгляда этотъ выводъ. Доказываетъ это свое мнѣніе Мечниковъ тѣмъ, что человѣческая природа содержитъ въ себѣ болѣе или менѣе явные слѣды животныхъ предковъ, что человѣкъ подчиненъ законамъ наслѣдственности и измѣнчивости и что въ его природѣ „замѣчается болѣе или менѣе рѣзкій разладъ между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, къ чему онъ стремится". „Видъ Homo sapiens принадлежитъ къ числу видовъ, еще не вполнѣ установившихся и не полно приспособленныхъ къ условіямъ существованія. Унаслѣдованные имъ инстинкты потеряли свою первоначальную силу, сдѣлались шатки, тогда какъ долженствующій стать на ихъ мѣсто разумъ еще недостаточно развился и окрѣпъ. Отсюда раздвоеніе и разладъ, съ раннихъ поръ обратившіе на себя вниманіе человѣчества. „Существованіе органическаго разлада въ человѣческой природѣ" начинаетъ, по словамъ Мечникова, признавать и наука, и возможно, — говоритъ онъ, — что вскорѣ прикладное знаніе найдетъ возможнымъ воспользоваться ея результатами, съ цѣлью искусственнымъ путемъ установить

бо́льшую гарантію". Въ этихъ словахъ Мечникова можно видѣть зародыши тѣхъ взглядовъ, которые позже привели его къ новымъ теоріямъ борьбы съ болѣзнями и старостью, къ ортобіозу и т. д.

Большая статья (72 стр.)—„Борьба за существованіе въ обширномъ смыслѣ" (1878)—посвящена по преимуществу борьбѣ за существованіе между людьми, причемъ авторъ выказываетъ значительную начитанность въ политико-экономической литературѣ. Выводъ автора тотъ, что „въ дѣлѣ цивилизацій рѣшающимъ и главнымъ моментомъ является всегда интеллектуальное развитіе" и что „роль нравственнаго момента въ борьбѣ за существованіе несравненно ограниченнѣе и подчиненнѣе, чѣмъ умственнаго".

Позволимъ себѣ остановиться еще на одной статьѣ И. И.—„Міросозерцаніе и медицина", написанной уже много лѣтъ спустя (въ 1909 г.), и которая, по отзыву самого автора ея, заключаетъ въ себѣ сжатое содержаніе воззрѣній, изложенныхъ въ „Этюдахъ о природѣ человѣка" и „Этюдахъ оптимизма", и слѣдовательно достаточно резюмируетъ оптимистическое пониманіе жизни и смерти, къ которому на шестомъ десяткѣ лѣтъ пришелъ авторъ, бывшій нѣкогда, какъ мы видѣли, рѣшительнымъ пессимистомъ. Въ этой статьѣ авторъ развиваетъ тему, что природа, въ противность мнѣнію Ж. Ж. Руссо, создала человѣка дурно, и что человѣкъ можетъ, при помощи науки, въ значительной степени исправлять несовершенства своей природы или совершенствовать себя. Для доказательства этого положенія авторъ останавливается сперва на животномъ происхожденіи человѣка; онъ убѣжденъ въ кровномъ родствѣ между человѣкомъ и человѣкообразными обезьянами и видитъ въ Homo primigenius переходную форму отъ обезьянъ къ H. sapiens. Однако, хотя „на человѣка слѣдуетъ смотрѣть какъ на дѣйствительно усовершенствованную обезьяну", человѣческую природу „очень трудно признать совершенной". Родится человѣкъ безпомощнымъ, развивается онъ медленно, періодъ половой зрѣлости наступаетъ у него много ранѣе готовности къ супружеской жизни, рано достигаетъ онъ также преждевременной старости, при чемъ испытываетъ непреодолимый страхъ передъ угрожающей смертью. Преждевременная старость у человѣка обусловливается въ значительной степени, по Мечникову, обладаніемъ слишкомъ длинными кишками, унаслѣдованными имъ отъ его животныхъ предковъ, особенно слишкомъ объемистыми толстыми кишками, дающими пріютъ множеству болѣзнетворныхъ бактерій, которыя вызываютъ гніеніе, производятъ ядовитыя вещества (фенолы), хронически отравляющія организмъ, и тѣмъ преждевременно сокращаютъ жизнь ранѣе наступленія естественной смерти. Эта

Ил. Мечниковъ

послѣдняя, впрочемъ, какъ думаетъ Мечниковъ, также сводится къ отравленію, только не чуждыми организму бактеріями, а самыми элементами нашего тѣла, именно ядовитыми веществами, выдѣляемыми нѣкоторыми органами (какъ напр. адреналинъ, выдѣляемый надпочечными железами, и др.). Мечниковъ былъ убѣжденъ, что „нормальное развитіе человѣка должно привести къ счастливой старости", къ долголѣтію, которое способно будетъ вызывать пресыщеніе жизнью и уничтоженіе страха смерти. Наука уже знаетъ, что „можно предохранить себя отъ большинства инфекціонныхъ болѣзней и отравленій", но „еще больше усовершенствованій предстоитъ впереди", въ связи съ успѣхами экспериментальной медицины [1]).

Спеціальная антропологическая работа была произведена И. И. Мечниковымъ надъ калмыками въ Астраханской степи. Онъ изучалъ ихъ физическій типъ и старался собрать свѣдѣнія о движеніи населенія (его численности по поламъ и возрастамъ, количествѣ холостыхъ и женатыхъ, плодовитости семействъ). Изъ собраныхъ имъ данныхъ онъ пришелъ къ выводу, что калмыки вымираютъ, и численность ихъ уменьшается (въ 1862 г. ихъ насчитывалось 119.866 чел., а въ 1869 г. 119.596, при чемъ женщинъ было на 17.000 т. менѣе, чѣмъ мужчинъ). Выводъ этотъ однако былъ преждевремененъ; перепись 1897 г. дала для волжскихъ калмыковъ 190.648 чел., хотя, вѣроятно, еще часть населенія (особенно женщинъ) и ускользнула отъ переписи. Что касается антропологическаго изученія, то особенное вниманіе было обращено Мечниковымъ на устройство глаза у калмыковъ, точнѣе — на форму глазной щели, отвислость верхняго вѣка и образуемую имъ складочку у внутренняго угла глаза, закрывающую болѣе или менѣе слезный бугорокъ (carunculam lacrymalem). Хотя эта особенность типичнаго монгольскаго глаза обратила на себя уже ранѣе вниманіе изслѣдователей (напр. Зибольда—по отношенію къ глазу японцевъ), при чемъ было указано и на то, что особенность эта бываетъ рѣзче выражена въ дѣтствѣ и юности, и всего слабѣе въ старости, что она встрѣчается, хотя въ меньшей степени, и у многихъ особей другихъ расъ (малайцевъ, готтентотовъ), даже у европейцевъ въ дѣтскомъ возрастѣ, и, наконецъ, что она, вѣроятно, стоитъ въ зависимости отъ плосковатости и скуластости монгольскаго лица,—тѣмъ не менѣе, болѣе детальное описаніе Мечникова представляло интересъ тѣмъ, что онъ сравнилъ монгольскую складку съ патологическимъ образованіемъ, Epicanthus, въ особенности же тѣмъ, что онъ старался опредѣлить генетическое значеніе описанной имъ особенности. Она свидѣтельствуетъ, какъ онъ доказывалъ, что монгольскій глазъ представляетъ остановку въ развитіи, которую перешагнули другія расы, выказывающія её, самое большее, въ дѣтствѣ, какъ провизорное (временное) образованіе. Складка верхняго вѣка составляетъ не единственный отличительный признакъ монгольской расы, способный быть истолковываемъ какъ остановка въ развитіи. Не перечисляя всѣхъ этихъ признаковъ, Мечниковъ позволяетъ себѣ однако высказать предположеніе, что монгольская раса составляетъ одну изъ древнѣйшихъ, если не самую древнюю расу человѣчества, признаки которой лишь отчасти или временно (въ дѣтствѣ) появляются у другихъ расъ, образовавшихся, вѣроятно, позже.

---

[1]) Вопросъ о роли бактерій въ кишкахъ не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ. Во всякомъ случаѣ, бактеріи присутствуютъ въ кишечникѣ не одного человѣка, а всѣхъ животныхъ. Кромѣ того, опыты Шоттеліуса надъ цыплятами показали, что при отсутствіи кишечныхъ бактерій пища не усваивалась тѣломъ—фактъ, указывающій, повидимому, что бактеріи въ кишкахъ, — по крайней мѣрѣ нѣкоторые ихъ виды,—представляютъ случаи не паразитизма, а симбіоза, взаимно полезнаго для обоихъ организмовъ.

Подробнѣе была развита Мечниковымъ эта тема въ статьѣ „Антропологическій очеркъ калмыковъ какъ представителей монгольской расы". Авторъ относитъ къ монгольской расѣ, въ тѣсномъ смыслѣ, кромѣ собственно монгольскихъ народовъ (китайскихъ монголовъ, бурятъ и калмыковъ), еще китайцевъ и вообще всѣхъ народовъ съ односложными языками, затѣмъ японцевъ, корейцевъ, самоѣдовъ, остяковъ, лапландцевъ и вогуловъ; „можетъ быть, — прибавляетъ онъ, — сюда войдутъ еще нѣкоторые финскіе народы, а также тунгузское племя". Изъ тюркскихъ же и нѣкоторыхъ финскихъ народовъ можетъ быть составлена, по его мнѣнію, переходная форма между монгольской и кавказской расами. Свои наблюденія надъ волжскими калмыками авторъ производилъ въ Калмыцкой степи, гдѣ имъ было измѣрено, по отношенію къ величинѣ роста, 30 мужчинъ, по отношенію къ размѣрамъ головы—20, и, кромѣ того, онъ могъ еще сравнить 20 калмыцкихъ череповъ (отчасти полученныхъ отъ О-ва Любит. Естествознанія). Измѣреній было произведено имъ вообще очень немного, именно на живыхъ особяхъ по восьми (ростъ, длина головы, окружность головы около лобныхъ бугровъ, тоже около glabella, высота отъ Symphysis pubis до полу, отъ пупка, отъ Spina ilei ant. sup. и отъ trochanter major до полу), а на черепахъ по четыре (ёмкость, окружность около glabella, длина и ширина), при чемъ изъ двухъ послѣднихъ имъ выводился еще головной указатель. Изъ своихъ измѣреній онъ вывелъ заключеніе, что калмыки отличаются сравнительно большими размѣрами головы и тѣмъ, что половина роста у нихъ (у мужчинъ) приходится какъ разъ на верхнемъ краѣ Symphysis pubis, тогда какъ у европейцевъ (по Кетлэ) она занимаетъ такое положеніе только у мальчиковъ 13 лѣтъ, а у взрослыхъ спускается на 7—8 мм. ниже. Если прибавить къ этому форму монгольскаго глаза (его разрѣза), короткій и приплюснутый носъ, жидкую и поздно выростающую растительность на лицѣ (усы и бороду), то, по Мечникову, можно сдѣлать выводъ: 1) „что по тѣлосложенію калмыки отличаются отъ изслѣдованныхъ до сихъ поръ представителей кавказской расы, и 2) что отличія первыхъ соотвѣтствуютъ признакамъ молодыхъ возрастовъ послѣднихъ. Что касается другихъ признаковъ, какъ напр. головного указателя (брахицефаліи), формы и цвѣта волосъ (прямыхъ, черныхъ) и цвѣта кожи (смугло-желтаго, переходящаго въ бѣлый), то всѣ они встрѣчаются и у многихъ другихъ расъ, а потому, по мнѣнію автора, не могутъ считаться характерными для монголо-калмыковъ.

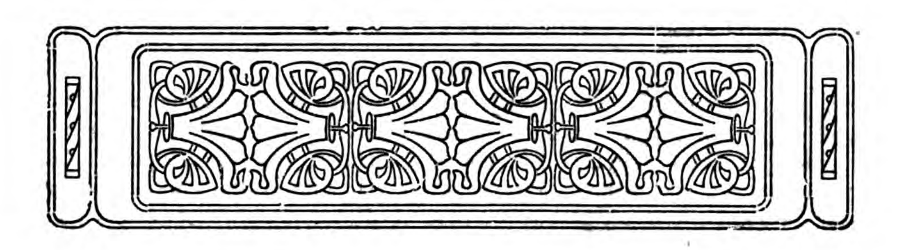
Оригинальная гипотеза Мечникова относительно древности монгольской расы не получила пока подтвержденія: древнѣйшіе, найденные до сихъ поръ ископаемые человѣческіе черепа не выказываютъ явственныхъ монгольскихъ признаковъ. Съ другой стороны, не подтвердилась и та характерная особенность, которую Мечниковъ думалъ найти у калмыковъ въ томъ, что половина роста ихъ тѣла приходится какъ разъ на верхнемъ краѣ symphysis pubis, что по Кетлэ, у европейцевъ, бываетъ только въ 13-тилѣтнемъ возрастѣ. Позднѣйшіе наблюдатели не могли убѣдиться въ существованіи этой особенности у монгольской расы, у различныхъ группъ и особей которой встрѣчается то болѣе высокое, то болѣе низкое положеніе половины роста (то выше, то ниже symphysis pubis). Выводъ, полученный Мечниковымъ въ среднемъ, изъ измѣреній 29 особей, былъ, повидимому, чисто случайнымъ, тѣмъ болѣе, что въ отдѣльныхъ случаяхъ и у его субъектовъ было констатировано различное положеніе symphysis pubis. Новѣйшій изслѣдователь, проф. Р. Мартинъ, въ своемъ Lehrbuch der Anthropologie" (1914), приводитъ рядъ данныхъ для относительной высоты symphysis pubis у различныхъ народовъ, и оказывается, что наименьшія цифры этой высоты ($48_{,6}$—$50_{,7}$) были найдены (у мужчинъ) въ такомъ порядкѣ: самоѣды ($48_{,6}$), японцы, мавамби-пигмеи, ба-бинга, волжскіе калмыки, мещеряки, айны, англи-

чане (у всѣхъ четырехъ 49,9), лопари, калмыки, буряты, монголы-торгоуты, морскіе солдаты Соед. Штатовъ (у двухъ послѣднихъ 50,3), татары, киргизы, поляки, бельгійцы, (у всѣхъ 4-хъ 50,7). Изъ этого сопоставленія трудно сказать что́-либо опредѣленное о расовомъ значеніи высоты symphysis pubis.

Интересуясь въ 1870-хъ годахъ антропологіей, Мечниковъ принялъ между прочимъ тогда на себя трудъ русскаго перевода извѣстнаго учебника антропологіи П. Топинара. Въ предисловіи къ этому переводу (помѣченному „Одесса, 18 декабря 1878 г.") И. И. остановился на значеніи книги Топинара, какъ руководства, а затѣмъ „счелъ полезнымъ указать на главнѣйшіе источники изъ русской литературы по антропологіи, которые могутъ пригодиться лицамъ, пожелающимъ заняться у насъ этой важной, но еще мало разработанной отраслью знанія". Позволю себѣ привести цѣликомъ эти указанія, такъ какъ изъ нихъ можно видѣть, насколько слѣдилъ И. И. за русской литературой по физической антропологіи, а съ другой стороны, и потому, что это былъ едва ли не первый компетентный отзывъ русскаго ученаго о вышедшей за два года до того моей работѣ по антропологіи восточной Азіи. „Всего большее количество матеріала— писалъ Мечниковъ—собрано въ Трудахъ Антропологическаго Отдѣла Моск. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Изъ сочиненій, изданныхъ этихъ неутомимымъ обществомъ, особенной полнотой отличается изслѣдованіе г. Анучина: „Матеріалы для антропологіи восточной Азіи, I. Племя Айновъ". (Труды Антр. Отдѣла, кн. 2, вып. 1, 1876, Приложеніе). Кромѣ того обращаемъ вниманіе на многочисленныя изданія Русскаго Географическаго Общества и на Труды Общества Естествоиспытателей при Казанскомъ университетѣ, заключающіе важныя для антропологіи Россіи изслѣдованія гг. Маліева, Островскаго, Сорокина. Слѣдуетъ упомянуть также о Протоколахъ Кавказскаго Медицинскаго Общества (изслѣдованіе д-ра Сцѣпуры о Макрокефалахъ въ 1875 г.), о Сборникѣ сочиненій по судебной медицинѣ и пр. (статьи гг. Лесгафта и Мержеевскаго) и пр. Изъ отдѣльныхъ сочиненій укажу на изслѣдованіе о скопцахъ г. Пеликана (т. I, 1872) и на „Индивидуальные типы мозговыхъ извилинъ у человѣка". Д. Зернова. Москва. 1877 г.".

Настоящій очеркъ иллюстрированъ двумя портретами И. И. Мечникова, однимъ конца 1870-хъ годовъ, когда покойный былъ профессоромъ въ Одессѣ и интересовался, между прочимъ, антропологіей, и другимъ, снятымъ лѣтъ за пять до смерти.

Д. Анучинъ.

Критика и библіографія.

Ежегодникъ Русскаго Антропологическаго Общества при И. Петроградскомъ университетѣ. Томы 4 и 5, подъ редакціей секретаря Общества С. И. Руденко.

Два указанныхъ тома Ежегодника вышли въ 1913 и 1915 годахъ. Изъ статей по физической антропологіи мы находимъ въ нихъ двѣ работы Д. А. Золотарева: о великоруссахъ Осташковскаго и Ржевскаго уѣздовъ Тверской губерніи (1913 г.) и о великоруссахъ южной части Новгородской губерніи (1915 г.). Исторію своихъ измѣреній авторъ разсказываетъ въ третьей статьѣ, помѣщенной въ „Извѣстіяхъ Рыбинскаго Отд. Ярославскаго Ест.-ист. О-ва", Яр. 1915 г. и озаглавленной—„Антропологическія данныя о великорусскомъ населеніи побережья Бѣлоозера и р. Шексны въ предѣлахъ Новгородской губ.". Онъ говоритъ тамъ, что антропологическая комиссія при И. Географическомъ Обществѣ, пересмотрѣвъ имѣющуюся литературу и констатировавъ недостатокъ данныхъ по большей части Россіи, съ 1911 года приступила къ собиранію матеріаловъ по опредѣленной программѣ, принятой на Женевскомъ и Монакскомъ конгрессахъ (но вѣдь Женевскій конгрессъ былъ въ 1912 году?). Подобное рѣшеніе, говоритъ авторъ, было большимъ шагомъ впередъ. „Систематическое изученіе великоруссовъ предстояло начать, и честь получить командировку для изслѣдованія великоруссовъ выпала на мою долю". „Незначительное количество данныхъ о великоруссахъ давало полный просторъ въ выборѣ мѣста изслѣдованія", и авторъ избралъ преимущественно способъ лѣтнихъ экскурсій въ лодкѣ: въ 1911 году онъ проѣхалъ по озеру Селигеру и спустился по Волгѣ до Ржева, въ 1912 году изслѣдовалъ ближайшій районъ Новгородской губерніи, въ 1913—плавалъ по Бѣлоозеру и Шекснѣ. Едва ли Д. А. Золотаревъ правъ, утверждая, что незначительное количество данныхъ, имѣвшихся о великоруссахъ, давало ему полный просторъ въ выборѣ мѣста изслѣдованія. Вѣдь въ 1911 году существовали подробныя измѣренія болѣе полутора тысячъ великоруссовъ мужчинъ, а менѣе подробныя еще для тысячъ трехъ мужчинъ и женщинъ. Разсмотрѣвъ ихъ внимательно, авторъ увидѣлъ бы, что въ нѣкоторыхъ работахъ, напримѣръ у Воробьева, уже намѣчались порайонныя различія въ типахъ великорусса, ходъ кривыхъ для нѣкоторыхъ признаковъ указывалъ на опредѣленные типы и т. д.[1]). Быть

[1]) Молодой авторъ считаетъ, впрочемъ, работы московскихъ антропологовъ, и въ томъ числѣ Воробьева, «взаимно противорѣчивыми, недостаточно обоснованными и не вполнѣ удовлетворительными». См. его предисловіе къ статьѣ П. Л. Лаврова въ «Извѣстіяхъ Вологодскаго Общества изученія Сѣвернаго края». Выпускъ II, 1915 г. Вообще г. Золоторевъ даетъ понять, что ранѣе его въ Россіи ничего не дѣлалось по антропологіи великоруссовъ, чтò не мѣшаетъ однако ему самому ссылаться на работы его предшественниковъ.

можетъ, тогда авторъ избралъ бы для своихъ работъ мѣстности менѣе удобныя въ экскурсіонномъ смыслѣ, но болѣе интересныя для провѣрки или дополненія того, что уже было сдѣлано другими работниками. Вѣдь по берегамъ рѣкъ и озеръ, издавна служившихъ путями разселенія, типъ можетъ быть совершенно иной, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ уѣзда, и обобщать его, при нанесеніи на карты, на весь уѣздъ, какъ сдѣлалъ это авторъ, разумѣется, нѣтъ основаній: предпочтительнѣе было бы вывести среднюю уѣзда изъ нѣкотораго числа измѣренныхъ въ разныхъ волостяхъ уѣзда.

Признаки, которые авторъ комбинируетъ для нахожденія типовъ, суть: ростъ, индексъ и цвѣтность. Другія измѣренія у него въ комбинаціяхъ не участвуютъ [1]), а ими онъ характеризуетъ всю массу населенія, т.-е. смѣсь всѣхъ найденныхъ имъ типовъ. Но тогда зачѣмъ же онъ выдѣлялъ эти типы по тремъ признакамъ? Самое комбинированіе признаковъ для нахожденія типовъ основано у автора на ариѳметическихъ недоразумѣніяхъ. А именно: въ Осташковскомъ и Ржевскомъ уѣздахъ авторъ находитъ, напримѣръ, высокорослаго, темнаго брахицефала. „Этотъ типъ несомнѣненъ" (стр. 62). Находитъ онъ его такъ (таб. 17); онъ располагаетъ ростъ въ каждомъ уѣздѣ по четыремъ категоріямъ: низкій, ниже средняго, выше средняго и высокій, и затѣмъ считаетъ, сколько на каждую категорію роста приходится длинноголовыхъ, среднеголовыхъ, коротковатоголовыхъ и короткоголовыхъ; при этомъ онъ основывается или на абсолютныхъ числахъ, или на процентѣ этихъ чиселъ ко *всему числу измѣренныхъ въ данномъ уѣздѣ*, каковой процентъ одинъ только и показанъ въ таблицѣ. Между тѣмъ, если мы желаемъ узнать, связанъ ли, положимъ, высокій ростъ съ короткоголовостью, намъ надо брать, разумѣется, процентное отношеніе короткоголовыхъ среди индивидуумовъ *только высокаго роста*, т.-е. убѣдиться: больше ли % короткоголовыхъ именно среди этихъ послѣднихъ, чѣмъ во всемъ населеніи уѣзда. Сдѣлавъ это, мы получимъ обратное тому, что говоритъ авторъ. А именно: въ Осташковскомъ уѣздѣ изъ 23 субъектовъ высокаго роста короткоголовыхъ 11, т.-е. 47%; но вѣдь и во всемъ населеніи этого уѣзда ихъ 47%; а въ Ржевскомъ уѣздѣ ихъ въ этой группѣ роста 5 изъ 19, т.-е. 26%, между тѣмъ какъ во всемъ населеніи уѣзда ихъ 42%. Такимъ образомъ высокій ростъ вовсе не связанъ съ короткоголовостью. Въ этомъ мы убѣждаемся и непосредственно, вычисливъ на таблицѣ 16-й средній индексъ индивидуумовъ, имѣющихъ ростъ до 1609 мм. и выше 1710. У первыхъ онъ равенъ 82,9, у вторыхъ — 82,5, т.-е. намѣчается обратная зависимость [2]). Но можетъ быть высокорослые или широкоголовые имѣютъ темные оттѣнки? Тогда первый типъ хотя бы на половину оправдался. Здѣсь мы встрѣчаемъ второе ариѳметическое недоразумѣніе со стороны автора. А именно, на табл. 17, онъ, желая сопоставить ростъ, цвѣтность и индексъ, помѣщаетъ противъ четырехъ вышеупомянутыхъ рубрикъ роста въ первомъ столбцѣ указанныя только что подраздѣленія индекса, а во второмъ и третьемъ—подраздѣленія цвѣта волосъ и глазъ (каждый на три категоріи). Такимъ образомъ, у него сопоставленъ на таблицѣ 17 въ сущности только ростъ съ индексомъ и ростъ же съ цвѣтностью, а не одновременно эти три признака. Но вѣдь при такомъ способѣ получится слѣдующее: если, напримѣръ, среди лицъ высокаго роста будутъ преобладать брахицефалы и среди нихъ же преобладаетъ темный цвѣтъ волосъ,

---

[1]) На стр. 182 своей статьи о моей работѣ (1913 г.) авторъ, тѣмъ не менѣе, ставитъ мнѣ въ упрекъ выдѣленіе типовъ великорусса только по этимъ признакамъ.

[2]) На таблицѣ 15 у автора индексы даны черезъ два. Мы при вычисленіи взяли вездѣ однообразно среднюю цифру, напр., 77—78,9 мы приняли за 78. Получилось: бѣлокурые: 1572 : 19; темные: 3964 : 48; глаза: свѣтлые: 3080 : 37; темные: 2200 : 27

то, если даже число темныхъ и брахицефаловъ будетъ то же, какъ мы можемъ поручиться, что это тѣ же самые индивидуумы? У автора, впрочемъ, и число разное: такъ, въ Осташковскомъ уѣздѣ изъ 23 высокорослыхъ 11 брахицефаловъ, и изъ тѣхъ же 23-хъ только у шести темные волоса и лишь у двухъ темные глаза. Но у автора есть отдѣльная таблица соотношенія цвѣтности и индекса (15-я), и, вычисливъ по ней средній индексъ бѣлокурыхъ и темноволосыхъ, а также свѣтлоглазыхъ и темноглазыхъ, мы получаемъ въ Ржевскомъ и Осташковскомъ уѣздахъ индексъ для первыхъ: 82,7 и 82,5, а для вторыхъ 83,2 и 81,4, т.-е. опять-таки обратную зависимость, такъ что „несомнѣнный“ высокорослый темный брахицефалъ автора едва ли дѣйствительно существуетъ здѣсь.

Столь же фиктивны и другіе четыре типа. Такъ, пятый типъ автора—низкорослый брахицефалъ; но если мы взглянемъ на таблицѣ 17-й на распредѣленіе головнаго указателя въ Осташковскомъ уѣздѣ среди 10 низкорослыхъ, то брахицефаловъ будетъ изъ нихъ всего 4, т.-е. 40%, а во всемъ населеніи ихъ 47,4%. Да и какъ можно находить среди такого ничтожнаго числа измѣренныхъ, взятыхъ притомъ изъ отдѣльныхъ деревень, такое множество типовъ? Авторъ сравниваетъ даже свой широкоголовый темный типъ съ адріатической расой Деникера или славянской по Волкову [1]), а другой—съ подадріатической расой и т. д. Никакихъ подобнаго рода типовъ у автора нѣтъ, по его же даннымъ, если мы отбросимъ его ариѳметическія недоразумѣнія, но если бы даже эти типы у него и встрѣтились, то это вѣдь скорѣе просто случайные продукты смѣшенія, которые въ одной и той же мѣстности могутъ у одного наблюдателя попадаться въ однѣхъ пропорціяхъ, у другого въ другихъ. Вѣдь не предполагаетъ же г. Золотаревъ, что всѣ эти динарскіе, адріатическіе, субадріатическіе и другіе типы, заселивъ нашу мѣстность, не смѣшались между собой: самое элементарное знакомство съ наслѣдственностью у человѣка показало бы ему, что, если въ какой-нибудь мѣстности встрѣтились бы, положимъ, широкоголовый блондинъ и длинноголовый брюнетъ, то изъ нихъ образуются и смѣшанные типы, т. е. широкоголовые брюнеты и длинноголовые блондины, которые и будутъ вмѣстѣ съ основными встрѣчаться въ разныхъ пропорціяхъ разнымъ авторамъ въ одномъ и томъ же населеніи. Примѣры этого я привелъ въ своей работѣ 1913 года „о географическомъ распредѣленіи формы головы“ для десяти кривыхъ, составленныхъ на основаніи значительнаго числа случаевъ (стр. 68). Тамъ же я позволилъ себѣ особенно подчеркнуть то обстоятельство, что, какъ и въ біологіи, лишь обладаніе опредѣленнымъ райономъ обитанія дѣлаетъ антропологическіе типы реальными. Такихъ два главныхъ типа у меня и намѣтилось въ Великороссіи: широкоголовый—западный (валдайскій) и болѣе длинноголовый и темный—восточный (рязанскій). Кромѣ того, у меня обнаружилось рѣзкое различіе по формѣ головы и цвѣтности между пріильменскимъ и валдайскимъ районами. Пріильменскій районъ, какъ и область по Бѣлоозеру и Шекснѣ, оказались гораздо болѣе длинноголовыми (стр. 30 и 31) и по числу свѣтлоглазыхъ занимаютъ у меня на таблицахъ (стр. 60) первыя мѣста. Въ той же книжкѣ „Ежегодника“ появился отзывъ Д. А. Золотарева объ этой моей работѣ, о которой авторъ говоритъ, между прочимъ, что она будетъ имѣть большое значеніе, если я опубликую поясненія

[1]) Весьма страннымъ представляется названіе «славянскій», данное этому типу Ѳ. К. Волковымъ. Вѣдь онъ встрѣчается, по Деникеру, не только среди славянъ, но и среди нѣмцевъ (въ Тиролѣ, Баваріи, въ Швейцаріи, въ Зап. Франціи и т. д), а съ другой стороны—изъ славянъ онъ встрѣчается въ болѣе широкомъ распространеніи только среди южныхъ (отчасти еще чеховъ, малороссовъ), а великоруссы, бѣлоруссы, поляки свѣтлѣе, среди нихъ много и субдолихоцефаловъ (какъ и среди болгаръ); древніе славяне тоже была смѣсь, включавшая очень много долихоцефаловъ.

къ таблицамъ, воспользоваться же моимъ матеріаломъ для нанесенія на карту нельзя, такъ какъ неизвѣстно, не смѣшалъ ли я мужчинъ и женщинъ, и не внесъ ли я въ таблицы и дѣтей?. (Но вѣдь у меня вездѣ въ таблицахъ мужчины и женщины показаны отдѣльно (авторъ этихъ таблицъ не замѣтилъ?), а какія же дѣти—солдаты и кормилицы воспитательныхъ домовъ?) Не довѣряя общей картинѣ набросаннаго мною распредѣленія формы головы, г. Золотаревъ въ двухъ другихъ своихъ работахъ, тѣмъ не менѣе, находитъ тѣ же различія въ пріильменскомъ и бѣлозерскомъ районахъ и по Шекснѣ, какъ и я, и говоритъ, что мои данныя (1913 года) подтверждаютъ установленныя *имъ* (въ 1915 году?!) различія (стр. 36). Я не думаю, чтобы провѣрка моей общей картины данными автора была бы возможна, какъ потому, что у него, по сравненію съ моими, число случаевъ невелико и измѣренія производились въ немногихъ мѣстахъ, преимущественно вдоль водныхъ путей сообщенія, такъ и потому, что указанныя выше ошибки при обработкѣ матеріала повторяются у него въ двухъ другихъ работахъ, въ которыхъ, кромѣ того, не мало пропусковъ и путаницы [1]). Болѣе важнымъ принципіально, чѣмъ неудачный выборъ мѣста для наблюденій и указанныя ошибки, представляется вопросъ о томъ, къ какимъ результатамъ можетъ привести предпринятое петроградскими антропологами систематическое изученіе населенія Россіи при ихъ пріемахъ? На основаніи того, что сдѣлано съ 1911 года, уже есть возможность судить объ этомъ. Сравнивъ, напримѣръ, среднія величины тѣхъ показателей, которые соотвѣтствуютъ монакскому соглашенію въ работахъ гг. Золотарева и Руденка, для великоруссовъ осташковскихъ, великоруссовъ валдайскихъ, остяковъ и вогуловъ, мы получаемъ слѣдующее [2]):

---

[1]) Напримѣръ, во второй работѣ на картѣ (стр. 31) индексъ Крестецкаго уѣзда 80,9, а въ таблицѣ (стр. 36—37)—80,7; такое же несоотвѣтствіе въ Старорусскомъ уѣздѣ. Число измѣренныхъ въ Новгородскомъ уѣздѣ на этой таблицѣ 30, а въ таблицѣ роста—48. Онъ, очевидно, спутанъ здѣсь съ другимъ. Въ 1-й работѣ карта на стр. 70 поставлена востокомъ кверху. Тамъ же есть цѣлый рядъ измѣреній, которыхъ нѣтъ въ дальнѣйшихъ (локоть, колѣно, кисть, ступня, пятка). Зато здѣсь совершенно пропущено измѣреніе длины всей руки, а въ другихъ работахъ есть; нѣтъ также здѣсь и высотно-широтнаго указателя. Измѣренія брались не всегда по одинаковому способу, какъ то авторъ указываетъ иногда и самъ, напр., для высоты черепа и бюста (стр. 53 второй работы). Но и другія измѣренія сомнительны. Напримѣръ, по носовому указателю всѣхъ измѣренныхъ во второй работѣ авторъ называетъ мезоринами, а въ первой лепторинами, и въ этомъ усматриваетъ различіе между новгородцами и тверяками. Дѣйствительно, во всѣхъ пяти уѣздахъ второй работы у него носовой указатель не падаетъ ниже 71,8, а въ 2-хъ уѣздахъ первой работы равенъ 67,4 и 69,7. Но 30 человѣкъ Демянскаго уѣзда дали мнѣ носовой указатель 67,3 (стр. 15 моей работы), а у автора 72,7. Не было ли и здѣсь неустойчивости въ пріемахъ измѣреній? Выписывая въ своей критической статьѣ среднія уѣздовъ изъ моей работы, г. Золотаревъ ихъ спутываетъ: въ Рязанскомъ уѣздѣ у меня мужчинъ 258, а авторъ пишетъ 33, въ Спасскомъ—217, а у него—27 и т. п., а между тѣмъ на этой таблицѣ онъ строитъ свои возраженія. Значенія географическаго распредѣленія, какъ критерія для сужденія о реальности типа, авторъ, повидимому, себѣ не уяснилъ, и его малой освѣдомленности соотвѣтствуютъ самоувѣренность, фельетонный характеръ и неясность его критики. Что касается числа случаевъ, то, напримѣръ, на 5 уѣздовъ второй работы г. Золотарева у меня приходится 950 индивидуумовъ, а у него 272, т.-е. въ $3^1/_2$ раза меньше.

[2]) Другихъ указателей изъ принятыхъ на конгрессахъ измѣреній въ работахъ гг. Золотарева и Руденка нѣтъ. Измѣреніе полной длины руки въ работѣ г. Золотарева пропущено, почему въ счетъ и не вошло. Разница между валдайцами и остяками въ 5 случаяхъ изъ 9 больше, чѣмъ между валдайцами и осташковцами. Но между этими послѣдними громадная разница по носовому указателю. Обычное со стороны приверженцевъ измѣреній оправданіе неожиданностей тѣмъ, что среднія величины для сопоставленія не годятся, пора бы оставить.

	Головной указатель.	Высотно-продольный указатель.	Наименьшій лобный къ поперечному.	Лицевой указатель.	Носовой указатель.	Губной указатель.	Ушной указатель.	Бюстъ къ росту.	Нога къ росту.	Сумма разницъ.	Средняя разница.
1. Остяки	80,68	68,90	66,90	76,50	76,50	24,90	55,40	53,30	46,60		
2. Великоруссы Валд. у. .	81,69	68,08	69,11	74,36	74,85	27,07	52,66	53,00	47,00		
3. Великоруссы Осташк. у.	83,23	68,50	68,58	75,10	67,40	26,65	54,10	52,60	47,40		
4. Вогулы	78,32	66,20	68,90	75,70	79,10	26,60	55,20	52,90	47,10		
Разница: 1 съ 2	1,01	0,82	2,21	2,14	1,65	2,17	2,74	0,30	0,40	13,44	1,49
» 2 съ 3	1,54	0,42	0,53	0,74	**7,45**	0,42	1,44	0,40	0,40	13,34	1,48
» 1 съ 4	2,36	2,70	2,00	0,80	2,60	1,70	0,20	0,40	0,50	13,26	1,47

Такимъ образомъ, двѣ группы великоруссовъ, живущихъ въ сосѣднихъ уѣздахъ, столь же сходны по этимъ измѣреніямъ между собою, какъ и одна изъ этихъ группъ съ отдаленными остяками, которые по г. Руденко, вѣроятно, смѣсь вогуловъ и самоѣдовъ. Средняя разница вездѣ равна 1,5. Но остяки эти отъ вогуловъ, одной изъ своихъ предполагаемыхъ составныхъ частей, разнятся столько же, сколько и отъ валдайскихъ великоруссовъ (тоже 1,5). Необходимо еще обратить вниманіе на то, что обѣ группы великоруссовъ измѣрялись однимъ авторомъ, а остяки другимъ. На что указываетъ такой результатъ: на неправильные пріемы измѣреній, или на то, что такихъ подробныхъ мѣръ брать не стоило, ибо, какъ то извѣстно біологамъ, два животныхъ разныхъ видовъ, какъ и два зданія разныхъ стилей, могутъ по измѣрительнымъ даннымъ быть совершенно одинаковыми? Не получилось ли бы лучшихъ результатовъ, если бы авторы ограничились немногими признаками, напримѣръ цвѣтностью, ростомъ, а, главнымъ образомъ, индексомъ, но изучили бы путемъ массовыхъ измѣреній ихъ географическое распредѣленіе и сопоставили бы его съ исторіей заселенія? Я позволю себѣ вновь высказать тотъ взглядъ, что въ методикѣ антропологіи долженъ произойти сдвигъ въ сторону біологическихъ пріемовъ. Ея задачи въ области анализа народностей: систематическая иконографія расъ и типовъ, изученіе глазъ, волосъ, кожи, конечно, и измѣренія, но съ постояннымъ критическимъ къ нимъ отношеніемъ (и преслѣдующія опредѣленныя цѣли, напр., выдѣлить характерные для расы, или группы, признаки), наблюденія надъ аномаліями, наслѣдованіемъ, изученіе географическаго распредѣленія признаковъ, конечно, въ связи съ исторіей и археологіей, анализъ зонъ, ихъ смѣшенія и т. д. Въ ученіи о признакахъ, ихъ наслѣдованіи, сочетаніяхъ и относительной цѣнности при классификаціяхъ, теперь совершается въ біологіи быстрый прогрессъ. Антропологія не можетъ оставаться чуждой ему и должна стать біологической наукой. При этомъ будущему антропологу необходимо, конечно, ознакомиться и съ основами статистическаго изслѣдованія, безъ которыхъ теперь не обходится ни одно сочиненіе по варіаціи и наслѣдованію, ни менделистовъ, ни ихъ противниковъ. Странны поэтому въ статьѣ Н. М. Могилянскаго (1915 г.) о книгѣ Мартина такія слова: „Мы думаемъ, что на-

чинающій въ старыхъ инструкціяхъ Брока получитъ болѣе надежное руководство и лучше усвоитъ идейный смыслъ антропометріи, чѣмъ изъ неяснаго еще комплекса біометрическихъ идей". Біометрія вѣдь никогда и не отождествляла себя съ антропометріей: послѣдняя есть способъ собиранія спеціальнаго матеріала, а первая—и способъ обработки. Далѣе говорится, что для примѣненія біометріи къ антропологіи необходимо знакомство съ дифференціальнымъ и интегральнымъ исчисленіями и съ теоріей функцій. Это недоразумѣніе: для примѣненія этихъ формулъ знакомства съ „теоріей функцій" не требуется (и у Мартина ея нѣтъ), а для вывода ихъ необходимы лишь самыя элементарныя свѣдѣнія изъ математики, доступныя всякому студенту-естественнику. Если же принять во вниманіе повсемѣстное распространеніе біометріи и примѣненіе, которое она теперь получила въ различныхъ областяхъ знанія, ея воспитательное значеніе именно для антрополога, облегченіе, которое она вноситъ въ вычисленія, отзывы о ней многихъ компетентныхъ ученыхъ, накопившуюся громадную литературу, томы въ правѣ спросить автора, на чемъ онъ основываетъ свое сужденіе [1]). Н. М. Могилянскій совершенно справедливо замѣчаетъ далѣе, что книга Мартина есть руководство собственно по физической антропологіи, но при этомъ ставитъ ему въ вину, что онъ мало развиваетъ общія идеи и принципы науки и не подвергъ критическому разбору огромной, использованной имъ литературы. Но чтобы подвергнуть серіозному критическому разбору хотя бы одну изъ цитируемыхъ Мартиномъ работъ, потребовался бы большой самостоятельный трудъ, иначе критика была бы, по выраженію Пирсона, „вербальной". Съ другой стороны, обширныя общія разсужденія о задачахъ и цѣляхъ науки едва ли бы и подошли къ такому серьезному руководству. Такой именно „вербальной" является критика С. И. Руденка, посвященная работѣ А. А. Ивановскаго (1913 г.). Авторъ находитъ высказанныя мною объ этой работѣ уже раньше въ журналѣ „Естествознаніе и Географія" положенія въ значительной степени правильными, но „въ виду недостаточной ясности и опредѣленности ихъ" повторяетъ ихъ еще разъ, въ особенности останавливаясь на томъ моемъ утвержденіи, что нельзя по физическимъ признакамъ сравнивать народы, а надо ихъ разложить на расы. Но самъ авторъ работы Ивановскаго, очевидно, не разбиралъ, и онъ высказываетъ многое не приводя основаній. Такъ, онъ не согласенъ съ моимъ предположеніемъ, что различія въ пропорціяхъ тѣла близки къ хаосу и невелики. Но вѣдь я утверждалъ это на основаніи болѣе 600 среднихъ разностей, выведенныхъ изъ нѣсколькихъ тысячъ сопоставленій надъ 37 народностями Россіи (таблица 4 моей работы) и основываясь на такихъ работахъ, какъ Моллиссона, а на чемъ основывается авторъ?

[1]) См. *Слуцкій*. Теорія корреляціи. Кіевъ, Оглоблинъ, 1912, стр. 2. «Свѣдѣнія по аналитической геометріи и дифференціальному исчисленію, необходимыя для пониманія корреляціи, могутъ быть пріобрѣтены въ нѣсколько дней». Читатель сопоставитъ также со словами Н. М. Могилянскаго мнѣнія, напр., проф. Тимирязева («Вѣстникъ Европы» 1909, стр. 803), проф. А. А. Чупрова («Очерки по теоріи статистики» стр. XXIV), проф. А. Леонтовича («Элементарное пособіе къ примѣненію методовъ Пирсона». Кіевъ, Кульженко, 1911, предисловіе). Элементарное знакомство съ корреляціей предостерегло бы, напр., г. Золотарева отъ указанныхъ выше недоразумѣній при обработкѣ матеріала. Если между двумя признаками, располагающимися по нормальнымъ кривымъ, нѣтъ даже совершенно зависимости, то, составивъ изъ нихъ таблицу корреляціи, мы получимъ сгущенія противъ близкихъ къ среднимъ степеней этихъ признаковъ, что и обнаружится при выраженіи числа случаевъ въ % *общаго* числа наблюденій. При маломъ числѣ случаевъ сгущенія эти будутъ расположены довольно неправильно, какъ и зубцы въ кривыхъ варіаціи. Отъ того и получились у автора противорѣчія въ двухъ сосѣднихъ уѣздахъ. Имѣя три признака, онъ долженъ былъ бы сопоставить ихъ въ трехъ измѣреніяхъ, какъ это сдѣлано, напримѣръ, въ работѣ Галая о старицкихъ великоруссахъ, стр. 36.

Въ „Ежегодникѣ“ за 1915 г. помѣщена работа С. И. Руденка: „Размѣры бедра и таза въ пропорціяхъ человѣческаго тѣла“. У высокорослыхъ длина нижнихъ конечностей больше относительно бюста, чѣмъ у низкорослыхъ, что утверждалъ, по автору, (стр. 90), Мануврiэ, но это было извѣстно и ранѣе[1]). Мануврiэ полагалъ, что въ этомъ удлиненiи нижнихъ конечностей участвуетъ особенно femur, и того же мнѣнiя придерживается, на основанiи своихъ измѣренiй сибирскихъ инородцевъ, г. Руденко, для которыхъ онъ не бралъ высоты трохантера. Теперь, измѣривъ эту высоту у башкиръ, онъ полагаетъ, что главныя измѣненiя выпадаютъ на нижнюю часть таза, полученную вычитанiемъ высоты трохантера (стоя) изъ величины бюста (сидя). Но вопросъ этотъ такъ просто не рѣшается; во 1-хъ, неясно, какой реальной части таза соотвѣтствуетъ полученная такимъ образомъ нижняя часть его; во вторыхъ, изъ французской литературы извѣстно, что съ удлиненiемъ нижней конечности растетъ больше всего верхняя часть таза между крестцомъ и трохантеромъ. См. Papillaut, L'homme moyen à Paris, стр. 457.

Изъ антропометрическихъ работъ можно еще указать на двѣ работы А. З. Носова, изъ коихъ одна посвящена сербамъ и заключаетъ въ себѣ измѣренiя 195 сербовъ королевства, а вторая—монголамъ, и содержитъ въ себѣ кой-какiе выводы относительно 179 особей, преимущественно халхасцевъ. Сербовъ авторъ причисляетъ къ адрiатической расѣ Деникера, а монголовъ считаетъ стоящими ближе къ бурятамъ, чѣмъ къ калмыкамъ.

Отмѣтимъ еще статью Н. М. Могилянскаго съ описанiемъ одного случая микроцефалiи, двѣ статьи князя Д. Э. Ухтомскаго, посвященныя: первая—чукотскимъ стрѣламъ, а вторая—жировымъ лампочкамъ приполярныхъ народовъ. Къ этой послѣдней приложена и карта распространенiя типовъ этихъ лампочекъ. Наконецъ, мы находимъ и три статьи по доисторической археологiи, принадлежащiя П. П. Ефименку. Одна изъ нихъ—о каменныхъ орудiяхъ палеолитической стоянки въ селѣ Мезинѣ—даетъ пока единственное, болѣе обстоятельное описанiе замѣчательной мезинской стоянки и сдѣланныхъ тамъ находокъ, къ сожалѣнiю, кромѣ найденныхъ тамъ костяныхъ издѣлiй, описать которыя взялся Ѳ. К. Волковъ, но пока еще этого не сдѣлалъ. Не менѣе заслуживаетъ вниманiя и статья того же автора о Костенковской палеолитической стоянкѣ; стоянка эта (въ Воронежской губ. и уѣздѣ, на Дону) была открыта въ 1879 г. И. С. Поляковымъ, а позже въ ней копалъ А. И. Кельсiевъ, но добытыя оттуда кремневыя орудiя были описаны очень поверхностно, г. Ефименко же описываетъ ихъ согласно требованiямъ современной доисторической археологiи, хотя и не приходитъ все таки къ опредѣленному выводу относительно эпохи, къ которой относится данная стоянка. Третья работа г. Ефименка трактуетъ о стадiяхъ каменнаго вѣка въ Палестинѣ и основана, отчасти, на собственныхъ наблюденiяхъ автора, который самъ собиралъ каменныя орудiя въ окрестностяхъ Iерусалима и Яффы.

Въ „Ежегодникѣ“ 1913 года мы находимъ, кромѣ того, краткiй очеркъ дѣятельности Русскаго Антропологическаго Общества за 25 лѣтъ и переводъ принятыхъ на Монакскомъ и Женевскомъ конгрессахъ международныхъ соглашенiй для объединенiя антропологическихъ измѣренiй. Переводъ этотъ сдѣланъ подъ редакцiей Ѳ. К. Волкова, которому принадлежатъ и двѣ небольшихъ оригинальныхъ статьи (рѣчи), изъ которыхъ одна (Ежег. 1913 г.) посвящена „новѣйшимъ направленiямъ въ антропологическихъ наукахъ и ближайшимъ задачамъ антропологiи въ Россiи“; она очень коротка (8 стр.) и въ ней говорится въ сущ-

[1]) См., напримѣръ, *W. Pfitzner*. Social-anthropologische Studien. Z. für Morph. u. Anthr. Bd. V, стр. 254.

ности только о физической антропологіи, доисторической археологіи и этнографіи, какъ онѣ поставлены во Франціи, за предѣлами которой авторъ находитъ очень мало достойнаго вниманія, а въ Россіи не видитъ ничего, или только неудачныя попытки (за исключеніемъ лишь работъ своего небольшого кружка)

При IV томѣ „Ежегодника“ приложены портреты бывшихъ предсѣдателей Общества, професоровъ Иностранцева, Петри, Коропчевскаго и Маліева.

Е. Чепурковскій.

Dr. Rudolf Martin. Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung mit besonderer Berücksichtigung der anthropologischen Methoden. Mit 460 Abb. im Text, 3 Tafeln und 2 Beobachtungsblättern. Jena. 1914. XVI+1181 стр.

Д-ръ Рудольфъ Мартинъ былъ около двадцати лѣтъ профессоромъ Цюрихскаго университета, гдѣ онъ преподавалъ анатомію и физическую антропологію. Лекціи его привлекали много слушателей, особенно женщинъ (въ томъ числѣ многихъ изъ Россіи), и въ числѣ его учениковъ нѣкоторые (напр. д-ръ Моллисонъ и проф. Шлагинтхауфенъ, смѣнившій Р. Мартина въ Цюрихѣ) заявили себя выдающимися изслѣдователями. Разстроившееся здоровье и нѣкоторыя другія обстоятельства заставили проф. Мартина оставить университетъ, но онъ воспользовался своимъ обширнымъ знакомствомъ съ спеціальной литературой и богатымъ собственнымъ опытомъ, чтобы изложить свои знанія въ видѣ систематическаго руководства, въ которомъ давно чувствовалась потребность. Въ самомъ дѣлѣ, имѣющіяся руководства Топинара, Hovelacque et Hervé, Деникера и др. слишкомъ кратки, тѣмъ болѣе, что охватываютъ, кромѣ физическаго, и другіе отдѣлы антропологіи, притомъ значительно устарѣли, да, наконецъ, представляютъ, собственно говоря, не руководства, а общедоступные, далекіе отъ систематичности и полноты, обзоры науки (что примѣнимо также и къ болѣе обширнымъ сочиненіямъ Ранке и Биркнера). „Морфологія и антропологія“ Duckworth'а (недавно вышло 2-е изданіе первой половины этого сочиненія),—очень хорошій, оригинальный трудъ, но главная цѣль его—сравнительно-анатомическая, анализъ строенія человѣка по сравненію съ высшими млекопитающими, что преслѣдуютъ также въ своихъ извѣстныхъ сочиненіяхъ (хотя съ другихъ точекъ зрѣнія) Видерсгеймъ, Морзелли, Лехе и др. Притомъ всѣ эти авторы не останавливаются спеціально на антропологической техникѣ, на методахъ описанія, измѣренія, вычисленія, и единственно, съ чѣмъ можно сравнить въ этомъ отношеніи руководство Мартина,—это съ сочиненіями Topinard, Éléments d'Anthropologie générale, 1885, и Frasseto, Lezioni di Antropologia, Bologna, 1910—1914, но первое изъ нихъ уже очень устарѣло, второе же слишкомъ растянуто и, тѣмъ не менѣе, далеко не охватываетъ имѣющейся литературы; притомъ же оба не отличаются качествомъ и количествомъ рисунковъ и не даютъ нагляднаго представленія объ антропологическихъ типахъ. Что касается антропо- и краніометріи, то имѣлись, правда, обстоятельныя инструкціи Брока и Шмидта (Anthropologische Methoden), но съ теченіемъ времени оба эти пособія устарѣли, да притомъ они знакомили только съ методами, а не съ результатами ихъ.

По сравненію со всѣми упомянутыми сочиненіями трудъ проф. Мартина долженъ быть поставленъ на недосягаемую высоту. Строгая научность и полнота

изложенія, основанныя на исчерпывающемъ знакомствѣ съ литературой и богатомъ опытѣ въ антропологической техникѣ и практикѣ, подведеніе всюду итоговъ наблюденій въ видѣ таблицъ, графиковъ и т. п., обиліе прекрасно исполненныхъ рисунковъ и чертежей, наконецъ, библіографія, занимающая 100 страницъ мелкимъ шрифтомъ,—все это придаетъ книгѣ выдающееся значеніе, дѣлаетъ ее незамѣнимымъ пособіемъ для всѣхъ, серьезно занимающихся антропологіей, желающихъ изучить ее подробно и вооружиться всѣми, существующими въ настоящее время методами антропологическихъ наблюденій и измѣреній и ихъ научной обработки. Съ этой книгой придется долго справляться и всѣмъ спеціалистамъ въ области физической антропологіи.

Впрочемъ, какъ оговаривается авторъ еще во введеніи, онъ долженъ былъ отказаться отъ одинаково подробнаго разсмотрѣнія всѣхъ системъ органовъ и ограничился, главнымъ образомъ, только изученіемъ признаковъ на живыхъ особяхъ и остеологіей, тѣмъ болѣе, что только по этимъ отдѣламъ имѣется болѣе значительный матеріалъ, тогда какъ по другимъ данныхъ собрано много меньше, да и имѣющіяся еще мало разработаны. Такимъ образомъ, въ книгѣ нѣтъ данныхъ по сравнительной міологіи, спланхнологіи, неврологіи и т. д., также по сравнительной физіологіи, біологіи, патологіи человѣка. Положеніе человѣка въ отрядѣ приматовъ, ископаемыя формы человѣка, вопросы объ его древности и происхожденіи, классификація человѣческихъ расъ, все это изложено очень кратко, на какихъ-нибудь пятнадцати страницахъ, въ началѣ „общей части". Все вниманіе автора сосредоточено на „антропологическихъ методахъ", на „соматологіи", „краніологіи" и „остеологіи", зато эти отдѣлы разсмотрѣны весьма подробно, съ использованіемъ всѣхъ имѣющихся данныхъ. Даются, напр., подробныя указанія относительно фотографированія живыхъ особей и череповъ, геометрическаго рисованія, лѣпки съ натуры, измѣренія и описанія, статистическихъ методовъ, графическаго изображенія и т. д. Затѣмъ подробно разбирается техника наблюденій и измѣреній живыхъ особей и описываются детально варіаціи въ формѣ тѣла и его отдѣловъ, въ строеніи и цвѣтѣ кожи, волосъ, глазъ и т. д. Отдѣлъ о соматологіи занимаетъ болѣе 400 стр. и почти столько же посвящено краніологіи, краніометрической, краніографической и краніоскопической техникѣ, описанію варіацій черепа въ его цѣломъ и въ его частяхъ и отдѣльныхъ костяхъ. Подробно же, на полтораста страницахъ, разсматриваются прочія части скелета и отдѣльныя части конечностей. Изложеніе всюду иллюстрировано множествомъ рисунковъ и чертежей и массою числовыхъ таблицъ, сопоставляющихъ данныя разныхъ изслѣдователей. Къ сожалѣнію, какъ справедливо замѣтилъ Деникеръ, авторъ, приводя среднія, не указываетъ часто, на какомъ количествѣ особей или объектовъ они были получены, а это знать иногда очень важно, такъ какъ нельзя, напр., сравнивать цифру, полученную на тысячахъ (иногда сотняхъ тысячъ) объектовъ съ выведенною на основаніи 20, 10, даже 4 наблюденій. Въ общемъ же, сдѣланныя проф. Мартиномъ сопоставленія очень цѣнны и избавляютъ часто отъ необходимости рыться во многихъ, нерѣдко трудно доступныхъ, книгахъ и журналахъ. Знакомство съ литературой у автора громадное; между прочимъ, онъ знакомъ и со многими русскими трудами, благодаря содѣйствію своихъ русскихъ учениковъ и учепицъ. Его библіографія обнимаетъ около 3000 книгъ и статей. Вообще, нельзя не повторить, что эта книга незамѣнимая для каждаго антрополога, хотя она и не даетъ понятія о многихъ вопросахъ физической антропологіи. Но слѣдуетъ благодарить автора и за то, что имъ дано и что представляетъ результатъ многолѣтняго труда и обширной эрудиціи, притомъ богато иллюстрированный и прекрасно изданный.

Д. А.

Человѣкъ въ его прошломъ и настоящемъ. Т. I. Доисторическій человѣкъ, Г. Обермайера, съ 39 табл., 4 картами и 404 рис. въ текстѣ. XXVI+687 стр. Т. II. Расы и народности человѣчества, Ф. Биркнера. Съ 32 табл. и 564 рис. въ текстѣ. X+584 стр. Пер. съ нѣм. П. Ю Шмидта. Изд. Брокгаузъ - Ефронъ. (Года не выставлено, но, судя по предисловіямъ, 1913—1914).

Названное изданіе принадлежитъ къ числу наиболѣе замѣчательныхъ въ новѣйшей научно-популярной литературѣ по антропологіи. Первый томъ его, посвященный первобытной исторіи человѣка, его палеонтологіи и палео-этнологіи (или доисторической археологіи), составленъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ этой отрасли знанія, г. Обермайеромъ, австрійскимъ нѣмцемъ по происхожденію, но приглашеннымъ профессоромъ въ Парижъ, въ основанный тамъ принцемъ Монакскимъ международный институтъ палеонтологіи человѣка (Institut de Paléontologie humaine). Второй томъ, трактующій о строеніи и отправленіяхъ человѣческаго тѣла, о положеніи человѣка по отношенію къ животнымъ, о древнѣйшихъ остаткахъ человѣка, о прежнемъ и нынѣшнемъ населеніи Европы, о раздѣленіи человѣческаго рода на расы и его единствѣ, и заканчивающійся описаніемъ туземныхъ племенъ въ германскихъ колоніальныхъ владѣніяхъ, написанъ профессоромъ Мюнхенскаго университета Биркнеромъ. Эти туземныя племена выбраны авторомъ, какъ онъ говоритъ въ предисловіи, „въ качествѣ примѣра при описаніи соматическихъ особенностей расъ"; такой выборъ довольно характеренъ для нѣмца, смѣло озаглавливающаго свою книгу „Расами и народностями *человѣчества*", когда дѣло идетъ въ сущности только о племенахъ въ заморскихъ колоніяхъ Германіи.

Оба тома богато иллюстрированы, но второй томъ (русскаго изданія) въ этомъ отношеніи нѣсколько подгулялъ. Въ первыхъ двухъ третяхъ его рисунки еще вполнѣ удовлетворительны, но затѣмъ (съ 399 стр.) начинается ихъ ухудшеніе, переходящее иногда въ какую-то мазню (рис. 471, 472, 474, 475, 480, особенно 557), или съ какими-то трещинами поперекъ клише (рис. 476, 477). Ухудшеніе не касается фотографическихъ (трехцвѣтныхъ) снимковъ, изображающихъ удовлетворительно (хотя нѣсколько рѣзко) типы негровъ и корейцевъ (для другихъ типовъ такихъ снимковъ не приложено).

Сочиненіе Обермайера, послѣ введенія (ему предшествуетъ еще предисловіе проф. Д. Н. Анучина), раздѣляется на двѣ части. Первая часть описываетъ подробно ледниковый періодъ, его флору и фауну, и остатки человѣка и его культуры въ эпохи, совпадавшія съ этимъ періодомъ или непосредственно за нимъ слѣдовавшія. Въ исторіи первобытнаго человѣка эти эпохи составляютъ такъ наз. палеолитическій періодъ; Обермайеръ описываетъ подробно послѣдовательныя эпохи этого періода въ Европѣ и другихъ частяхъ свѣта, культуру и анатомическіе типы тогдашнихъ людей, касается затѣмъ вопросовъ о первобытной хронологіи, древности человѣческаго рода и о человѣкѣ третичнаго періода (вопроса объ эолитахъ). Этотъ отдѣлъ занимаетъ большую часть книги (508 стр.), и на второй отдѣлъ „Доисторическіе и ранніе историческіе періоды", т.-е. позднѣйшій каменный или неолитическій вѣкъ, бронзовый (мѣдный) и доисторическій желѣзный вѣкъ удѣлено только 176 страницъ. Центръ тяжести книги, слѣдов., въ описаніи палеолитическаго періода, съ которымъ она и знакомитъ сравнительно подробно и обстоятельно; болѣе позднія же эпохи описаны сравнительно короче, тѣмъ болѣе, что въ предѣлахъ ихъ авторъ говоритъ и о первобытной исторіи Востока и побережій Эгейскаго моря. Масса иллюстрацій значительно оживляетъ текстъ и даетъ обстоятельное понятіе о разныхъ типахъ каменныхъ, костяныхъ и металлическихъ

орудій, о произведеніяхъ примитивнаго искусства (рѣзьбѣ по кости, статуэткахъ, росписяхъ на стѣнахъ пещеръ), объ особенностяхъ различныхъ ископаемыхъ черепов и другихъ остатковъ человѣческихъ костяковъ и т. д.

Сочиненіе Биркнера построено до извѣстной степени по типу труда *І. Ранке* „Человѣкъ“ (имѣющагося уже въ 3-мъ изданіи). Сперва идетъ популярное изложеніе человѣческой анатоміи и физіологіи, при чемъ авторъ останавливается болѣе подробно на скелетѣ и на „внѣшности человѣка“. Далѣе слѣдуетъ сравненіе человѣка по его строенію съ животными и описаніе ископаемыхъ остатковъ человѣка, а затѣмъ—разсматриваются населеніе Европы, классификаціи человѣческаго рода и описываются народности германскихъ колоній. Такимъ образомъ, это не систематическое изложеніе антропологіи, а очерки изъ ея различныхъ отдѣловъ, при чемъ, напр., описаніе признаковъ расъ имѣется отчасти въ I главѣ, отчасти въ V, отчасти въ VI, а иные вопросы и совершенно незатронуты. Надо, впрочемъ, замѣтить, что предположенъ еще III томъ того же изданія, куда, можетъ быть, и войдетъ ознакомленіе съ антропологическими методами, съ краніологіей, біологіей человѣка и т. д. Составлена книга, главнымъ образомъ, по нѣмецкой литературѣ; съ русской же авторъ, очевидно, совершенно незнакомъ, тогда какъ у Обермайера имѣется все-таки нѣкоторое знакомство съ русскими палеолитическими и неолитическими находками.

Переводъ въ общемъ удовлетворительный, хотя встрѣчаются неудачныя выраженія и неподходящіе термины, вродѣ напримѣръ. „сплошныя гребневыя возвышенія“ (такъ переводится torus supraorbitalis), „обкладочная кость“ (os interparietale), „барабанный отдѣлъ“, „наружный носовой шипъ“, „внутренняя пластинка зубного края между средними рѣзцами“, „носолобный шовъ“, „курвокципитальный“, „отростокъ твердаго неба“ (spina nasalis posterior), „глетчерный горшокъ“, „эбурнейскій періодъ“, „ручной топоръ“, „приспособленіе для метанія“ (=метательная дощечка), „скребокъ-скобель“, „топоръ съ острой спинкой“ (вмѣсто „съ боковымъ ребромъ“), „шнуровые сосуды“ (вмѣсто: сосуды съ шнуровымъ узоромъ), „брекчія Гёттинга“ (вмѣсто „Гёттингерская“), „срединный разрѣзъ черепа“ (вмѣсто „сагиттальный“), „индексы“ (вмѣсто „указатели“) и т. п. Многія иностранныя фамиліи и мѣстныя названія передаются неправильно, напр., Чіузи (Chiusi, надо Кьюзи), Тейятъ (Teijat, франц., Тейжà), Хами (Hamy, франц., надо Ами́), Хузе (Houzè, франц., надо Узэ), (тогда какъ Harlé передается правильно—Арлэ), Кольбрюджъ (Kohlbrugge, нѣм., Кольбругге), Андрее (Andree, нѣм., надо Андрэ), Церральбо (Cerralbo, исп., надо Серральбо), Вольдричъ, а въ другихъ мѣстахъ Вольдржихъ (Woldřich, чеш.=Вольджрихъ), Коччи (Cocchi, итал., надо Кокки), шумерійцы (надо суммерійцы), Мерейковскій (надо Мережковскій), Столыво (Stolyhvo, пол., надо Столыхво), Бычишкала (чеш., надо Бычискала), Салисбюри (надо Солсбери), Раймонды (Raimondy, фран., надо Раймонди), Селенка (Selenka, нѣм., надо Зеленка), Джіуфрида, а въ другихъ мѣстахъ Зіуфрида Руджери (итал., надо Джуфрида и т. д.), Худзинскій (надо Шудзинскій), „германская горизонтальная плоскость“ (надо „нѣмецкая“), Ницефоро (надо Ничефоро), Аликсъ (Alix, франц., Али́), Ришеръ (Richer, франц., надо Ришэ), Вейсенбергъ и Вейсенбургъ (надо Вайсенбергъ), Кассубы (надо Кашубы), Локрасъ (Locras, франц., надо Локрà), Мезине (надо Мезинъ), Сидоній Аполлинарисъ (надо Сидоній Аполлинарій), Шезъ-Пурре (Chez-Pourré, надо Ше-Пуррэ), Баусъ Русъ (Baoussé-Roussé, надо Бауссэ-Руссэ). Названіе Grotte du Prince и Grotte des Enfants переводятся: Княжеская и Дѣтская пещера, а надо переводить: Пещера Принца и Пещера Дѣтей; пещера La Madelaine (или Madeleine) переводится Ла Маделенъ, а соотвѣтственная эпоха называется Магдаленскою. Многія фамиліи и названія мѣстностей въ разныхъ мѣстахъ книги

передаются различно; напр., Эвансъ и Ивансъ, Тринилъ и Триниль, Abботъ и Эбботъ, Альбертъ и Эльбертъ, Геллей-Хиллъ и Гелли-Хилль, Фонтъ-де-Гомъ и Фонъ-де-Гомъ, Когулъ и Когуль, Нюшъ и Нюэшъ, Хрличка и Хредличка, Ла Квина и Ла Кина, де Бэ и де Бай, Дюбюсъ и Дюбюссъ, Лезъ-Эйзи и Лезъ-Эзъ (Les Eyzies), Фритчъ и Фричъ, Ретціусъ и Реціусъ, Пейронье и Пейрони; Зуиссонье и Буйссонье (надо Буиссони—Bouyssonie), геттиты и гиттиты (а надо хеттиты или хеты) Алькадо-дель-Ріо и А. дель Ріедъ (стр. 275), Ла Шаппель-о-Сенъ и Ла-Шаппель-о-Сентъ и т. д.

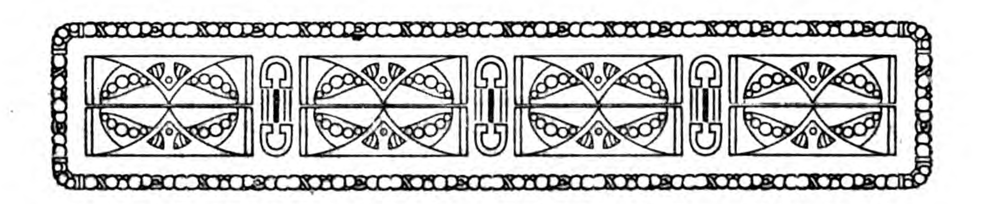
У Биркнера на стр. 404—405 въ описаніи финскихъ племенъ есть путаница, обязанная, главнымъ образомъ, переводчику. Вотъ что здѣсь сказано: „Западныя финскія племена охватываютъ настоящихъ финляндцевъ, эстонцевъ изъ сѣв. Лифляндіи и Эстляндіи, ливовъ сѣв. Курляндіи, племя „весь“ или „сѣверную чудь“ между Онежскимъ озеромъ и Бѣлымъ моремъ, и вотяковъ или южную чудь. Восточные финны или угры живутъ въ сѣв.-вост. Россіи весьма разбросанно. Къ нимъ относятся черемисы, обитающіе по лѣвому берегу верхней Волги, мордва—по обоимъ берегамъ средней Волги, вотяки Вятской губ., зыряне—Пермской, Вологодской и Архангельской губ., пермяки—Пермской и Вятской губ., и вогулы—на Уралѣ. На сѣверѣ къ зырянамъ и вогуламъ примыкаютъ лопари и самоѣды“. Здѣсь бросаются въ глаза „вотяки“ въ числѣ западныхъ финскихъ племенъ и они же въ числѣ восточныхъ финновъ. Между тѣмъ, въ нѣмецкомъ текстѣ, въ перечисленіи зап. финновъ указываются „die Woten im nordwestlichen Ingermanland“, т.-е. „водь въ сѣв.-зап. Ингерманландіи“ (послѣднія слова переводчикъ выкинулъ, вѣроятно, не понявъ ихъ), а въ числѣ вост. финновъ — „die Wotjäken“, т.-е. вотяки. Затѣмъ, въ нѣмецкомъ текстѣ нѣтъ „веси“, а есть „Wepsen“, т.-е. „вепсы“, о которыхъ переводчикъ, повидимому, не слыхалъ, а потому и передѣлалъ ихъ въ „весь“ (которой теперь нигдѣ нѣтъ и которая когда-то жила восточнѣе). Далѣе—„восточныхъ финновъ“ нельзя смѣшивать съ уграми, къ которымъ принадлежатъ только вогулы и остяки. Черемисы обитаютъ не по верхней, а по средней Волгѣ, и не по одному лѣвому берегу; пермяки живутъ только въ Пермской губ, и т. д. Нѣмецкое невѣжество въ данномъ случаѣ требовало бы исправленія со стороны переводчика.

С. Руденко. Антропологическое изслѣдованіе инородцевъ сѣверо-западной Сибири. «Записки Императорской Академіи наукъ». Т. XXXIII. Петроградъ. 1914.

Матеріаломъ для этого „Изслѣдованія“ послужили измѣренія остяковъ (54 м.), вогуловъ (75 м.) и самоѣдовъ (54 м.), произведенныя авторомъ въ 1909 и 1910 гг. въ Березовскомъ уѣздѣ Тобольской губ. Имъ собраны описательные признаки, опредѣлены многочисленные размѣры головы, лица, туловища, конечностей. Эти данныя подвергнуты тщательной обработкѣ, при чемъ для каждой народности авторомъ приведена соотвѣтствующая антропологическая литература. Описавъ въ первыхъ трехъ частяхъ «Изслѣдованія» отдѣльно каждую изъ названныхъ народностей, авторъ въ послѣдней, четвертой части дѣлаетъ подробный сравнительно-антропологическій обзоръ всѣхъ трехъ народностей, указывая на физико-антропологическія особенности каждой и анализируя взаимоотношенія ихъ къ прочимъ инородцамъ края. Въ виду ограниченности подлежащей литературы, „Изслѣдованіе“ С. И. Руденко является весьма цѣннымъ вкладомъ въ литературу вопроса. Цѣнность эта еще увеличивается, благодаря приложенію таблицы измѣреній и соотношеній и ряда очень хорошо исполненныхъ фототипическихъ снимковъ (en face и въ профиль) типовъ описанныхъ народностей.

T. Kubo, Professor der Anatomie an der medicinischen Schule zu Kanazawa, z. Z. in Mukden (Mandschurei). Beiträge zur Physischen Anthropologie der Koreaner. I Metrischer Teil. „Mitteilungen der medicinischen Fakultät der Kaiserlichen Universität zu Tokyo". XII Band. 1913.

Авторъ поставилъ себѣ цѣлью — всестороннее антропологическое изученіе корейцевъ. Осуществленію такой задачи благопріятствовало то обстоятельство, что онъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ состоялъ преподавателемъ анатоміи при мѣстномъ госпиталѣ въ Сеулѣ. Одновременно съ преподавательскою дѣятельностью въ столицѣ Кореи авторъ усердно собиралъ анатомо-антропологическій матеріалъ касательно туземнаго населенія. Въ результатѣ этихъ трудовъ имъ (въ 1908—1910 гг.) были измѣрены 3425 человѣкъ (2214 учащихся, 651 солдатъ и 560 женщинъ), добытъ обильный остеологическій матеріалъ (19 полныхъ скелетовъ и 6 неполныхъ, 222 полныхъ череповъ и 45 неполныхъ и много сотенъ отдѣльныхъ костей—длинныхъ, короткихъ и др.) и, наконецъ, для изученія анатоміи и антропологіи внутреннихъ органовъ и мягкихъ частей скелета, произведено 19 вскрытій труповъ корейцевъ (18 м. и 1 ж.). Обработку всего собраннаго матеріала авторъ началъ съ описанія измѣрительныхъ признаковъ взрослыхъ субъектовъ (мужчинъ и женщинъ), чему посвященъ выпускъ, названіе котораго выписано выше. На протяженіи почти 700 страницъ авторъ подвергаетъ свои многочисленныя измѣренія подробнѣйшему анализу, результаты котораго иллюстрируетъ въ длинномъ рядѣ таблицъ; кромѣ того, въ отдѣльномъ приложеніи къ настоящему выпуску онъ приводитъ всѣ индивидуальныя величины какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, что значительно повышаетъ цѣнность всей работы. Слѣдующіе выпуски будутъ посвящены разсмотрѣнію описательныхъ признаковъ взрослыхъ особей и наблюденій надъ учащимися, затѣмъ обработкѣ собраннаго краніо—и остеологическаго и анатомическаго матеріала. Въ итогѣ, безъ сомнѣнія, трудъ д-ра Kubo, предпринятый по столь широкой программѣ, явится исчерпывающимъ изслѣдованіемъ по антропологіи корейцевъ.

Извѣстія и замѣтки.

Ѳ. Ѳ. Эрисманъ. (Некрологъ). 1-го ноября 1915 г. скончался въ Цюрихѣ, 73 лѣтъ отъ роду, бывшій профессоръ гигіены Московскаго университета, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Эрисманъ. Уроженецъ Швейцаріи (хотя по фамиліи и типу, повидимому, скорѣе скандинавскаго происхожденія), Ѳ. Ѳ. получилъ медицинское образованіе на своей родинѣ, Швейцаріи, затѣмъ въ германскихъ университетахъ, гдѣ сосредоточился сперва на глазныхъ болѣзняхъ. Въ возрастѣ 27 лѣтъ (въ 1869 г.) онъ переселился въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ сдалъ экзаменъ на доктора медицины въ Медико-Хирургической Академіи и заинтересовался вопросами школьной гигіены. Въ 1870 гг. онъ работалъ нѣсколько лѣтъ по гигіенѣ у проф. Петтенкофера, въ Мюнхенѣ, а въ 1878 г. былъ приглашенъ къ участію въ руководствѣ санитарнымъ дѣломъ на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Турціи. По окончаніи войны онъ поступилъ на службу Моск. губ. земства въ качествѣ завѣдующаго санитарной частью, и въ этомъ званіи произвелъ, между прочимъ, совмѣстно съ врачами А. В. Погожевымъ и Е. М. Дементьевымъ, санитарное обслѣдованіе фабрикъ, при чемъ были собраны данныя о приблизительно 100.000 фабричныхъ, въ томъ числѣ о величинѣ роста и окружности груди. Данныя эти были обработаны въ „Сборникахъ", изданныхъ Моск. губ. земствомъ въ 1881—85 гг., а главные результаты изслѣдованія въ статьѣ Эрисмана на нѣмецкомъ языкѣ, въ Archiv für Soziale Gesetzgebung etc. her. v. Braun [1]). Къ сожалѣнію, Ѳ. Ѳ. не воспользовался производимымъ имъ и его помощниками изслѣдованіемъ для собранія одновременно данныхъ о цвѣтѣ волосъ и глазъ, длинѣ и ширинѣ головы, и нѣкоторыхъ другихъ признакахъ и размѣрахъ, способныхъ служить для характеристики типовъ. Констатированныя различія въ величинѣ роста Ѳ. Ѳ. старался объяснить различіями въ формѣ фабричной дѣятельности или, точнѣе, фабричнаго режима. Сотрудникъ Ѳ. Ѳ—ча, д-ръ Дементьевъ доказалъ впослѣдствіи, что рядомъ съ вліяніемъ фабричнаго режима сказывается и вліяніе происхожденія, напр., изъ губерній съ большимъ или меньшимъ среднимъ ростомъ населенія.

[1]) Fr. Erismann. Untersuchungeu über die körperliche Entwickelung der Fabrikarbeiter in Zentralrussland. Tubingen. 1899. 96 s.

Въ 1881 г., во вниманіе къ своимъ ученымъ заслугамъ, Ѳ. Ѳ. получилъ отъ Моск. университета степень д-ра медицины, honoris causa, а въ 1882—былъ выбранъ и назначенъ доцентомъ университета, а позже—экстра- и ординарнымъ профессоромъ. Занявъ каѳедру гигіены, Ѳ. Ѳ. далъ этой наукѣ въ Москвѣ новое, плодотворное развитіе, вызвалъ къ жизни соотвѣтственную лабораторію, наладилъ городскую санитарную станцію, основалъ гигіеническое Общество, приготовилъ многихъ учениковъ и т. д. Но вся эта дѣятельность оборвалась въ 1896 году, когда Ѳ. Ѳ. (отчасти въ связи съ студенческими волненіями) былъ заподозрѣнъ министерствомъ съ политической стороны и долженъ былъ оставить каѳедру. Онъ отправился на родину, въ Швейцарію, и поселился въ Цюрихѣ, гдѣ въ теченіе многихъ лѣтъ занималъ видную роль въ муниципальномъ управленіи, представляя собою демократическіе элементы населенія и принимая живое участіе въ дѣятельности города по народному образованію, общественному призрѣнію, больничному дѣлу и т. д.

Жозефъ Дешелеттъ (Joseph Dechelette). (Некрологъ). Одной изъ раннихъ жертвъ нынѣшней гигантской борьбы народовъ былъ извѣстный французскій археологъ, Ж. Дешелеттъ, павшій въ возрастѣ 52 лѣтъ во Франціи, въ чинѣ капитана ополченія, 5 октября н. ст. 1914 г., въ сраженіи на Марнѣ. Авторъ многихъ изслѣдованій, помѣщенныхъ въ „Revue archéologique“, въ „L'Anthropologie“ и т. д., Дешелеттъ сталъ особенно извѣстнымъ благодаря своему руководству къ археологіи (Manuel d'Archéologie), котораго вышло 4 тома, занимающихъ въ совокупности болѣе 2500 страницъ съ 1000 иллюстрацій. Начиная свой трудъ съ древнѣйшаго каменнаго вѣка, авторъ переходитъ затѣмъ къ неолитическому періоду, къ бронзовому, желѣзному и доводитъ свое изложеніе до христіанской эпохи; судьба не дозволила ему, какъ онъ имѣлъ въ виду, закончить галло-римскій періодъ и перейти къ среднимъ вѣкамъ. Главнымъ предметомъ изученія автора были древности Франціи, но онъ касается и археологіи другихъ странъ Европы, приводя всюду довольно обширныя библіографическія указанія. Въ молодости Дешелеттъ вынужденъ былъ заниматься въ торговомъ дѣлѣ своей семьи и только въ зрѣломъ возрастѣ могъ отдаться любимой имъ наукѣ, занявъ мѣсто хранителя музея въ Роаннѣ (Roanne), въ 40 миляхъ отъ Ліона.

Сэръ Вил. Тёрнеръ. (Sir William Turner). (Некрологъ). Скончавшійся 15-го февраля (н. ст.) с. г., на 84 году жизни, вице-канцлеръ Эдинбургскаго университета, профессоръ Тёрнеръ занималъ въ теченіе многихъ лѣтъ каѳедру анатоміи, причемъ цѣлый рядъ его работъ относится и къ области антропологіи. Тёрнеру принадлежитъ, напр., описаніе скелетовъ и череповъ разныхъ расъ, доставленныхъ кругосвѣтной экспедиціей судна Челленджеръ (Challenger), совершенной въ 1872—75 гг. Имъ опубликованы работы по краніологіи населенія Шотландіи (1903), по краніологіи народностей Борнео, Формозы, малайцевъ и тибетцевъ (1907), по черепу и костяку тасманійцевъ (1909); онъ изучалъ черепныя аномаліи (напр. подраздѣленіе темянной кости), подглазничный шовъ, поясничную кривизну позвоночника, указатель ширины крестца (Sacral Index), расовыя варіаціи въ формѣ таза и т. д. Предметомъ его изученія были также: строеніе плаценты у различныхъ обезьянъ и лемуровъ по сравненію съ человѣкомъ; варіаціи формы нѣкоторыхъ мозговыхъ извилинъ; ископаемыя формы человѣка и его предшественниковъ (Pithecanthropus erectus) и т. д.

Примѣненіе антропологіи въ военномъ дѣлѣ. Около 15 лѣтъ тому назадъ проф. Парижской Антропологической Школы Мануврiэ высказалъ тотъ взглядъ, что ряды пѣхоты и во время похода, и во время аттакъ слѣдуетъ строить не по росту, помѣщая высокорослыхъ впереди (какъ то дѣлается во Франціи), а по длинѣ ногъ, помѣщая впереди коротконогихъ. Опыты, произведенные имъ въ физіологической лабораторіи знаменитаго Маре, привели къ тому заключенію, что всякому человѣку свойственъ естественный шагъ, совершающійся безсознательно, и потому съ наименьшей затратой энергіи, и что величина шага находится въ прямой зависимости отъ длины ногъ. На діаграммахъ, приложенныхъ къ его сочиненію [1]), видно, что сдѣлается съ рядами, построенными по первому и второму способу, если имъ предоставить идти естественнымъ шагомъ. Ряды, построенные по росту, быстрѣе придутъ въ разстройство и, чтобы заставить ихъ идти въ порядкѣ, естественные шаги отдѣльныхъ людей приходится подгонять подъ общую мѣрку, для чего требуется усиліе, незначительное въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, но становящееся очень большимъ, если надо пройти, напримѣръ, 1000 километровъ, какъ то пришлось сдѣлать самому Мануврiэ въ кампанію 1876 года; тогда различіе и въ одинъ сантиметръ имѣетъ такое значеніе, какого a priori нельзя предполагать. Въ нѣкоторыхъ частяхъ французской арміи принципъ Мануврiэ примѣнялся въ видѣ опыта и оказался значительно облегчавшимъ обученіе новобранцевъ. Напомнимъ, что недавно умершій Маре, помощникомъ котораго состоялъ Мануврiэ, открылъ способъ регистраціи физіологическихъ явленій на зачерненныхъ цилиндрахъ и, кромѣ длиннаго ряда работъ, ему принадлежитъ изобрѣтеніе того эластическаго трактора, который лишь въ послѣдній годъ его жизни былъ принятъ во французской артиллеріи.

Другимъ примѣненіемъ антропологіи въ военномъ дѣлѣ могло бы явиться изученіе варіацій тѣхъ размѣровъ, на которыхъ основывается интендантство при изготовленіи обуви, одежды, предохранительныхъ масокъ и т. д. Какъ на то недавно было указано проф. Леонтовичемъ, вмѣсто нѣсколькихъ приблизительныхъ размѣровъ можно было бы опредѣлить точнѣе, сколько именно надо какого размѣра при помощи полигона варіаціи и идеальной кривой. Къ этому можно было бы добавить и необходимость считаться, напр., съ ростомъ и размѣромъ тѣла въ разныхъ частяхъ нашей территоріи; а это и дается антропологическимъ изученіемъ населенія. Здѣсь указаны только 2 примѣненія; но нельзя не согласиться съ Мануврiэ, что подробное изученіе солдата принесло бы значительную пользу; нельзя, конечно, надѣяться опредѣлить качество солдата столь же точно, какъ ружья или пушки, но опытъ хотя бы даже такой простой реформы, какъ построеніе по длинѣ ногъ, былъ бы весьма желательнымъ у насъ.

Десятилѣтіе со дня смерти В. В. Воробьева. 17-го декабря 1915 г., въ десятую годовщину смерти непремѣннаго члена Общества В. В. Воробьева, на могилѣ покойнаго въ Новодѣвичьемъ монастырѣ по почину Антропологическаго Отдѣла была отслужена паннихида. Въ ближайшемъ засѣданіи Отдѣла 1-го февраля 1916 г. память В. В. Воробьева была почтена сообщеніемъ И. П. Силинича, напечатаннымъ въ настоящей книжкѣ.

Научная станція въ Сухумѣ. Совѣтъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, въ виду предположенія объ устройствѣ научной станціи въ Сухумѣ, во владѣніи, отказанномъ Обществу по завѣщанію В. И. Чернявскимъ, обратился въ Антропологическій Отдѣлъ съ пред-

[1]) Le classement des hommes et la marche dans l'infanterie, par le D-r L. Manouvrier, Paris, Lavauselle (въ Revne d'infanterie 1905 г.), стр. 69.

ложеніемъ обсудить вопросъ, въ какомъ направленіи желательно было бы поставить изученіе мѣстнаго края (Черноморскаго побережья и прилегающихъ къ нему областей) по спеціальности Отдѣла.

Случай прогрессивнаго окостенѣнія мускуловъ у мужчины 25-ти лѣтъ. Члены Антропологическаго Отдѣла съ предсѣдателемъ проф. Д. Н. Анучинымъ во главѣ осматривали 12-го марта с. г. въ пріютѣ для неизлѣчимыхъ митрополита Сергія одного больного прогрессивнымъ окостенѣніемъ мускуловъ. Объясненія по поводу этого рѣдкаго заболѣванія давалъ собравшимся д-ръ А. А. Кисель. Въ слѣдующей книжкѣ „Журнала“ будетъ помѣщена статья д-ра А. А. Киселя, посвященная этому случаю и снабженная фотографическими снимками больного, сдѣланными А. И. Колмогоровымъ.

Защита диссертаціи Е. М. Чепурковскимъ. 13-го декабря 1913 г., въ новомъ зданіи Московскаго университета, непремѣнный членъ О-ва Любит. Ест. магистрантъ Е. М. Чепурковскій защищалъ диссертацію на степень магистра географіи подъ заглавіемъ „Географическое распредѣленіе формы головы и цвѣтности крестьянскаго населенія, преимущественно Великороссіи въ связи съ колонизацiей ея славянами“ („Труды“ Антр. Отд. Импер. Люб. О-ва Ест., т. XXVIII, в. 2, 1913 г.). Офиціальными оппонентами выступали засл. проф. Д. Н. Анучинъ и орд. проф. Г. А. Кожевниковъ. Диссертантъ былъ признанъ достойнымъ степени магистра географіи и антропологіи.

Антропологическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Антропологическій Отдѣлъ въ теченіе 1914 и 1915 гг. и первой половины 1916-го г. имѣлъ 8 засѣданій.

Публичное засѣданіе 7-го января 1914 г. было посвящено обширному сообщенію С. А. Вайсенберга—„Антропологическій типъ евреевъ“, основанному на многочисленныхъ собственныхъ наблюденіяхъ референта и представлявшему резюмэ ряда статей, напечатанныхъ имъ въ иностранныхъ изданіяхъ и отчасти въ „Русскомъ Антропологическомъ Журналѣ“. Докладъ сопровождался демонстраціей многихъ діапозитивовъ, съ изображеніями типовъ евреевъ изъ разныхъ странъ, и вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній, въ которомъ приняли участіе предсѣдатель Отдѣла проф. Д. Н. Анучинъ, товарищъ предсѣдателя проф. П. А. Минаковъ, В. И. Іохельсонъ, А. Н. Джаваховъ, И. И. Пузановъ и А. Д. Элькиндъ. На засѣданіи присутствовали, кромѣ членовъ Общества и Отдѣла, еще свыше 100 стороннихъ посѣтителей.

Слѣдующее засѣданіе 4-го октября 1914 г., закрытое, привлекло довольно большое число членовъ Общества и Отдѣла. Предметомъ засѣданія было обсужденіе нѣкоторыхъ вопросовъ, связанныхъ съ дальнѣйшею жизнью и дѣятельностью Отдѣла. Предсѣдатель Отдѣла, открывъ засѣданіе, прочиталъ письмо А. А. Ивановскаго, извѣщавшаго, что, въ виду назначенія его профессоромъ Харьковскаго университета, онъ покинулъ Москву, вслѣдствіе чего отказывается отъ должности секретаря Антропологическаго Отдѣла и редактора „Русскаго Антропологическаго Журнала“. Отдѣлъ единогласно присоединился къ предложенію Д. Н. Анучина—выразить письменно А. А. Ивановскому благодарность Отдѣла за его многолѣтнюю дѣятельность въ качествѣ секретаря и редактора. Благодарность А. А. была составлена въ видѣ письменнаго извѣщенія слѣдующаго содержанія: „Милостивый государь Алексѣй Арсеньевичъ! Въ засѣданіи Антропологическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э., бывшемъ 4-го октября, было доложено Ваше письмо, въ которомъ Вы, по случаю переѣзда въ г. Харьковъ, слагаете съ себя обязанности секретаря Отдѣла и редактора „Русскаго Антропологическаго

Журнала". Отдѣлъ, по предложенію своего предсѣдателя Д. Н. Анучина, единогласно постановилъ: принимая во вниманіе Вашу многолѣтнюю дѣятельность въ Отдѣлѣ, особенно по основанію и редактированію „Русскаго Антропологическаго Журнала", выразить Вамъ искреннюю благодарность за Ваши труды на пользу Отдѣла. За секретаря Антропологическаго Отдѣла секретарь Общества Вл. Богдановъ".

Далѣе Д. Н. Анучинъ сообщилъ о несчастьѣ, постигшемъ товарища предсѣдателя Отдѣла П. А. Минакова, у котораго убитъ на войнѣ его сынъ. Постановлено выразить П. А. Минакову чувство сожалѣнія въ такихъ словахъ: „Антропологическій Отдѣлъ И. О. Л. Е., А. и Э., принимая во вниманіе постигшее Васъ семейное горе, въ первомъ своемъ засѣданіи послѣ лѣтнихъ каникулъ сего года, 4-го октября, единогласно постановилъ просить Васъ принять отъ лица всѣхъ членовъ Отдѣла выраженіе самаго искренняго и глубокаго сожалѣнія по поводу понесенной Вами на войнѣ прискорбной утраты и самыя сердечныя пожеланія Вамъ найти себѣ возможное утѣшеніе въ продолженіи Вашей плодотворной дѣятельности на пользу науки и общества".

Продолженіе засѣданія было посвящено обсужденію вопросовъ о дальнѣйшемъ изданіи журнала, о публичныхъ и закрытыхъ засѣданіяхъ, объ имѣющихся докладахъ для засѣданій, наконецъ, выборамъ президіума Отдѣла. По первому вопросу Отдѣлъ пришелъ къ рѣшенію, что слѣдуетъ и впредь продолжать основанное въ 1900 г. періодическое изданіе, формы, размѣры, содержаніе и редактированіе котораго имѣютъ быть выяснены въ деталяхъ въ ближайшемъ будущемъ. Что касается характера засѣданій, то признано было желательнымъ держаться принципа устраивать очередныя засѣданія закрытыми. На предложеніе предсѣдателя заявить доклады къ слѣдующимъ засѣданіямъ отозвались многіе изъ присутствовавшихъ, а именно: В. А. Городцовъ („Общій вопросъ по каменному вѣку въ Россіи"), Е. М. Чепурковскій („Результаты измѣреній въ Рязанской и Пензенской губерніяхъ"), А. И. Колмогоровъ („О курганномъ населеніи Новгородской губ."), А. Н. Максимовъ („Нѣкоторые вопросы по общей этнологіи"), Н. В. Богоявленскій („Антропологическія данныя о таджикахъ"), В. С. Елпатьевскій („Теоретическіе вопросы по біологіи человѣка"), А. Д. Элькиндъ („О работахъ Боаса" и „Къ антропологіи арабовъ"), Б. Н. Вишневскій („О пермякахъ"), Д. Т. Яновичъ („Объ эволюціонномъ процессѣ въ орнаментѣ").

Въ заключеніе было приступлено къ избранію президіума Отдѣла. На должность предсѣдателя закрытой баллотировкой единогласно былъ избранъ Д. Н. Анучинъ; избраніе было привѣтствовано громкими знаками одобренія. Д. Н. Анучинъ принесъ сердечную благодарность Отдѣлу за оказанную ему честь и предложилъ въ товарищи предсѣдателя проф. П. А. Минакова; предложеніе было также единодушно одобрено всѣми. Присутствовавшими приглашеніе секретаря было отложено, по желанію Д. Н. Анучина, до слѣдующаго засѣданія.

Дальнѣйшія засѣданія Отдѣла состоялись 8-го марта, 3-го октября, 28-го ноября 1915 г. и 1-го февраля, 31-го марта, 27-го апрѣля 1916 г. На этихъ засѣданіяхъ были прочитаны доклады: Е. М. Чепурковскимъ—1. „Форма головы восточнаго великорусса по вновь собраннымъ даннымъ"; 2. „Нѣсколько словъ о пріемахъ изученія наслѣдственности и отбора у человѣка"; 3. „Библіографическія замѣтки (главнѣйшія работы Пирсона и менделистовъ по наслѣдованію у человѣка)"; А. П. Калитинскимъ—1. „Памяти В. В. Хвойки и объ его открытіяхъ въ южно-русской археологіи"; 2. „Изъ лѣтнихъ раскопокъ 1915 года"; В. Г. Штефко—„Зобная и щитовидная железы, ихъ вліяніе на физическое и психическое развитіе животныхъ и человѣка"; Б. Н. Вишневскимъ—1. „Къ антропологіи Пермскаго края"; 2. „О поѣздкѣ въ Чердынскій уѣздъ Пермской губ. съ антропологическими цѣлями"; А. А. Кисель—„Случай прогрессивнаго окосте-

нѣнія мускуловъ у мужчины 25-ти лѣтъ"; П. П. Ефименко—„О находкахъ каменныхъ орудій типа coups de poing въ Новгородской и Тверской губ."; А. И. Колмогоровымъ—„Курганные жальники Новгородской и Тверской губ."; Д. Н. Анучинымъ—1. „Къ вопросу объ ископаемомъ человѣкѣ"; 2. „Антропологическая карта Европы Деникера"; 3. „Изъ новой антропологической литературы"; А. В. Леонтовичемъ—„Антропологическая статистика варіацій, какъ необходимое пособіе для правильнаго выбора обуви и одежды"; Д. В. Дервизомъ—„Археологическія развѣдки въ Тверскомъ уѣздѣ" и И. П. Силиничемъ—„Памяти В. В. Воробьева—по поводу 10-лѣтія со дня его смерти". Нѣкоторые изъ перечисленныхъ докладовъ напечатаны въ настоящей книжкѣ „Журнала", другіе предположены къ помѣщенію въ слѣдующей. Большинство докладовъ вызвали оживленныя пренія.

Въ засѣданіи Отдѣла 8-го марта 1915 г. предсѣдателемъ было сообщено, что въ секретари Отдѣла имъ приглашенъ непр. членъ Общества д-ръ А. Д. Элькиндъ. Въ томъ же засѣданіи и въ слѣдующихъ двухъ (3-го октября и 28-го ноября 1915 г.) продолжалось обсужденіе вопроса о предполагаемыхъ измѣненіяхъ въ издаваемомъ Отдѣломъ журналѣ. Присутствовавшими былъ высказанъ по этому поводу рядъ замѣчаній и пожеланій, объединеніе и осуществленіе которыхъ было предоставлено усмотрѣнію бюро Отдѣла.

Членами комиссіи по присужденію премій и медалей отъ Отдѣла избраны (27-го апрѣля 1916 г.) на текущій годъ: А. Н. Абрамовъ, К. А. Бари, А. И. Колмогоровъ, И. П. Силиничъ и Е. М. Чепурковскій.

На упомянутыхъ засѣданіяхъ Отдѣла были предложены, а впослѣдствіи и избраны въ члены Общества и Отдѣла слѣдующія лица: С. А. Вайсенбергъ, И. П. Силиничъ, Е. М. Чепурковскій—въ непремѣнные члены Общества; П. П. Ефименко, А. А. Кисель, П. П. Тутышкинъ—въ дѣйствительные члены Общества; Б. Н. Вишневскій, Б. Н. фонъ-Эдингъ—въ члены Антропол. Отдѣла (члены-сотрудники Общества).

«Утверждаю»
за Министра Народнаго Просвѣщенія
Товарищъ Министра В. Шевяковъ.
«29» января 1916 года.

ПРАВИЛА

о присужденіи золотой медали имени Дмитрія Николаевича Анучина при Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Статья 1. Въ ознаменованіе 70-лѣтія дня рожденія Президента ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи Дмитрія Николаевича Анучина при Обществѣ учреждается золотая медаль его, Анучина, имени.

Статья 2. Изъ собранной для этой цѣли суммы отчисляется на учрежденіе медали капиталъ въ 2500 рублей наличными, который можетъ быть обращенъ въ государственныя и гарантированныя правительствомъ %% бумаги и долженъ храниться въ государственномъ кредитномъ учрежденіи.

Статья 3. Необходимая сумма изъ собранныхъ денегъ отчисляется также на изготовленіе штампа для медали.

Статья 4. Проценты, поступающіе съ капитала въ 2500 руб., расходуются на присужденіе черезъ каждые два года одной золотой медали имени Дмитрія Николаевича Анучина.

Статья 5. Золотая медаль имени Дмитрія Николаевича Анучина присуждается поочередно соотвѣтствующими отдѣлами Общества—Антропологическимъ, Географическимъ и Этнографическимъ: въ первую очередь по антропологіи въ 1916 году, во вторую по географіи—въ 1918 году, въ третью по этнографіи—въ 1920 году, въ четвертую снова по антропологіи—въ 1922 году и т. д.

Статья 6. Въ случаѣ неприсужденія медали по какому-либо Отдѣлу въ очередномъ году, право присужденія ея сохраняется въ теченіе слѣдующихъ пяти лѣтъ за тѣмъ же Отдѣломъ. Въ случаѣ же неприсужденія ея и за эти пять лѣтъ, соотвѣтствующая сумма присоединяется къ учрежденному при Обществѣ капиталу имени Дмитрія Николаевича Анучина, %% съ котораго употребляются на поѣздки съ ученою цѣлью для содѣйствія научнымъ изслѣдованіямъ.

Статья 7. Золотая медаль имени Дмитрія Николаевича Анучина присуждается какъ почетная награда за выдающіяся самостоятельныя научныя изслѣдованія въ области антропологіи, географіи и этнографіи, а также за успѣшное выполненіе выдающихся научныхъ экспедицій, организацію особо-полезныхъ научныхъ учрежденій или предпріятій въ тѣхъ же областяхъ знанія.

Статья 8. Золотая медаль имени Дмитрія Николаевича Анучина присуждается только русскимъ ученымъ.

Примѣчаніе. Члены Комиссіи по присужденію медали (см. ст. 13) не имѣютъ права участвовать въ конкурсѣ на соисканіе медали.

Статья 9. Къ соисканію медали допускаются лишь сочиненія, написанныя на русскомъ языкѣ и притомъ какъ рукописныя, еще нигдѣ не напечатанныя, такъ и напечатанныя въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ.

Статья 10. Отчеты, въ рукописномъ или печатномъ видѣ, о выполненіи той или другой экспедиціи, организаціи того иди другого научнаго учрежденія или предпріятія, должны быть представляемы не поздѣе какъ черезъ шесть лѣтъ по окончаніи экспедиціи или завершеніи организаціи научныхъ учрежденій и предпріятій.

Статья 11. Представляемыя на соисканіе медали сочиненія и отчеты, а также коллекціи, матеріалы и т. п., направляются въ Совѣтъ Общества или самими авторами сочиненія и отчетовъ, собирателями коллекцій и т. д., или членами Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи не позднѣе 15-го января года присужденія медали.

Статья 12. Совѣтъ Общества, по провѣркѣ очереди присужденія медали, передаетъ поступившія сочиненія, отчеты и матеріалы соотвѣтствующему Отдѣлу Общества.

Статья 13. По полученіи порученія Совѣта, и не позднѣе 1-го марта того же года, соотвѣтствующій Отдѣлъ избираетъ трехъ членовъ изъ своей среды, которые вмѣстѣ съ предсѣдателемъ, товарищемъ предсѣдателя и секретаремъ Отдѣла составляютъ Комиссію по присужденію медали.

Статья 14. Комиссія не позднѣе 1 сентября того же года представляетъ письменный докладъ Отдѣлу о всѣхъ сочиненіяхъ, отчетахъ и матеріалахъ, поступившихъ на соисканіе медали.

Статья 15. Отдѣлъ въ ближайшемъ закрытомъ засѣданіи, заслушавъ докладъ Комиссіи, открытой баллотировкой присуждаетъ медаль окончательно и докладъ этотъ вмѣстѣ со своимъ письменнымъ заключеніемъ вноситъ въ Совѣтъ Общества не позднѣе 1-го октября того же года, для прочтенія въ предгодичномъ засѣданіи Общества.

Вице-Президентъ Н. Е. Жуковскій.
Секретарь В. В. Богдановъ.

СБОРНИКЪ

въ честь семидесятилѣтія профессора

ДМИТРІЯ НИКОЛАЕВИЧА АНУЧИНА.

Изданіе Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ.

Москва 1913. Цѣна 5 рублей.

Складъ изданія: Т-во Кушнеревъ и К°. Москва, Пименовская, с. д.

ТРУДЫ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

Томъ XX. В. В. Воробьевъ—Наружное ухо человѣка. 1901. Стр. 209 in-4°. Цѣна 3 руб.

Томъ XXI. А. Д. Элькиндъ—Евреи. (Сравнительно-антропологическое изслѣдованіе, преимущественно по наблюденіямъ надъ польскими евреями). Съ 70 рис. въ текстѣ. 1903. Стр. 458 in-4°. Ц. 4 руб.

Томъ XXII. А. А. Ивановскій—Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи. 1904. Стр. 288 in 4°. Ц. 3 руб.

Томъ XXIII. А. А Арутиновъ—Удины. (Матеріалы для антропологіи Кавказа). 1905. Стр. 134+XLVIII in-4°. Ц. 1 руб. 50 коп.

Томъ XXIV. Р. Л. Вейнбергъ—Мозгъ поляковъ. Расово-анатомическое изслѣдованіе. Съ 222 рис. въ текстѣ. 1905. Стр. 142 in-4°. Ц. 3 руб.

Томъ XXV. Я. Д. Галай—Антропологическія данныя о великоруссахъ Старицкаго уѣзда, Тверской губ. 1905. Стр. 278 in-4°. Цѣна 2 руб.

Томъ XXVI. А. Н. Джаваховъ—Антропологія Грузіи. I. Грузины Карталиніи и Кахетіи. 1908. Стр. 306 in-4°. Цѣна 3 руб.

Томъ XXVII. А. А. Ивановскій—Населеніе земного шара. Опытъ антропологической классификаціи. 1911. Стр. 508 in-4°. Цѣна 4 руб.

А. А. Ивановскій—Добавленіе къ «Населенію земного шара». 1912. Стр. 52 in 4°. (Въ продажѣ нѣтъ).

Томъ XXVIII. Выпускъ I. **Н. А. Синельниковъ**—Енисейскіе остяки по наблюденіямъ и измѣреніямъ В. И. Анучина. Съ 13-ю рис. Подъ редакціей проф. Д. Н. Анучина. 1911. Стр. 29 in-4°. Цѣна 1 руб.

Томъ XXVIII. Выпускъ II. **Е. М. Чепурковскій**—Географическое распредѣленіе формы головы и цвѣтности крестьянскаго населенія преимущественно Великороссіи въ связи съ колонизаціей ея славянами (Матеріалы для антропологіи Россіи). 1913. Стр. 105 in-4°. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XXIX. А. Н. Джаваховъ—Антропологія Грузіи. II. Грузины Имеретіи, Гуріи и Рачи (съ 26 рис. въ текстѣ и X діагр.). 1914. Стр. 246 in-4°. Цѣна 3 руб.

